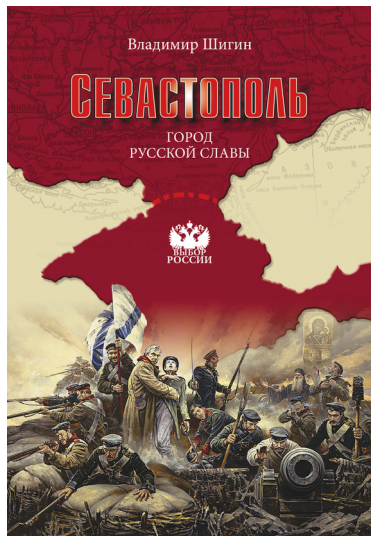

Владимир Виленович Шигин
Севастополь. Город русской славы
Серия «Выбор России (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653947

Владимир Шигин. Севастополь. Город русской славы: Вече; Москва; 2014

ISBN 978-5-4444-2170-3, 978-5-4444-7990-2

Аннотация

За многие столетия, что существует Севастополь, над ним пронеслось немало страшных бурь. Враги часто разрушали Севастополь, но он всякий раз возрождался. На смену одним жителям приходили другие. Различными были их происхождение и язык, верования и культура. Одно лишь оставалось неизменным и общим – земля, на которой они жили. Земля мореплавателей и богатырей, героев и великомучеников. Земля, опаленная солнцем и омытая кровью. Сколько неразгаданных тайн хранит она...

Книга российского писателя и журналиста В. Шигина рассказывает о неизвестных страницах истории Севастополя.

Содержание

Пролог	5
Завешание Гераклеи	7
К началу начал	7
Геракл, Одиссей и иже с ними	37
Черная легенда Тавриды	47
Артемида, Ифигения или Елена?	59
Под знаком Девы	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Владимир Шигин

Севастополь. Город русской славы

Автор благодарит за консультации и советы в процессе создания книги научных сотрудников Херсонского музея-заповедника Татьяну Яшаеву и Елену Денисову

Севастопольцам всех поколений посвящаю эту книгу

На обложке использована картина «Отстоим Севастополь» народного художника России *В. И. Нестеренко*

© Шигин В. В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Пролог

Священная земля Севастополя... Земля мореплавателей и богатырей, героев и великомучеников. Севастополь – это моя родина, земля моих предков. А потому я горжусь ее прошлым, с болью вижу настоящее и с верой смотрю в будущее. И всякий раз, возвращаясь сюда, я не перестаю открывать здесь для себя что-то неведомое ранее, то, что было сокрыто от нас забвением и временем.

Нынешний Севастополь появился не на пустом месте. Город и порт возникли там, где когда-то высились неприступные стены православного Херсонеса. Жили наши предки на этой земле и многим раньше. Но Севастополь стал не только преемником старого города, он стал достойным продолжателем его традиций на поприще ратной славы и христианского миссионерства. Сколько неизвестных страниц и неразгаданных тайн хранит в себе эта опаленная солнцем и омытая кровью земля.

За более чем трехтысячелетнее существование над Херсонесом Севастополем пронеслось немало страшных бурь. Рушился и возрождался не только город, менялись и его жители. Различным было их происхождение и язык, верования и культура. Одно лишь оставалось неизменным и общим для всех – земля, на которой они жили.

Былое – это всегда самый сложный калейдоскоп обрывков легенд и сказаний, летописей и археологических находок. Как же надо быть здесь ювелирно осторожным! Ведь стоит сделать всего лишь один-единственный неверный шаг, и ты навсегда сойдешь с истинного пути. Одно неверное движение – и мгновенно рассыплется весь неповторимый рисунок былого, а значит, правда уступит место вымыслу и надуманности. А потому с особым тщанием и бережно надо складывать разноцветную смальту исторической мозаики, ведь она так хрупка, к тому же за ней всегда стоят судьбы и жизни давно ушедших в небытие людей, тех, кто уже не может защитить ни своей чести, ни своего имени.

Обычно имя города – Севастополь – переводят по-разному: «город славы», «славный город», «город, достойный поклонения» и т. д. Увы, все эти переводы не соответствуют действительности. Трудно сказать почему: то ли из-за искреннего непонимания, то ли из-за преднамеренной изощренной хитрости. На самом деле Севастополь переводится с греческого языка очень просто и предельно исчерпывающе: севастос – священный, а полис – город. В точном переводе с греческого Севастополь – это Священный город. Никаких иных вариантов здесь просто не может быть! Поэтому в своем рассказе о древних и современных тайнах Севастополя мы его будем называть именно так.

Я не знаю еще ни одного человека, который, побывав хоть один раз в Севастополе, не сохранил бы о нем самые яркие воспоминания. И дело здесь вовсе не в том, что город расположен на берегу теплого моря, ведь курортных мест у нас не счесть! Отношение же к Севастополю совершенно иное, оно возвышенное и восторженное.

Сколько помню себя, но всегда, подъезжая к Севастополю, испытывал какое-то особое, ни с чем не сравнимое чувство, когда начинает учащенно биться сердце, а в горле стоит ком от предчувствия скорой встречи с этим городом. Вот поезд перевалил через Мекензиевы горы и отчаянно нырнул в долгую череду тоннелей. Вот в глаза снова бьет яркое южное солнце и открывается голубая ширь Северной бухты. Море возникает на какие-то минуты – и встреча с ним начинается с поклона старым кораблям. Полузатонувшие остовы безмолвны и скорбны. Наверное, глубоко символично, что город встречает своих гостей этой далеко не парадной стороной, встречает именно с поклона дню вчерашнему. И только отдав долг памяти былому, он являет приезжающим себя самого. Но вот наконец поезд останавливает свой тысячеверстовый бег у знаменитых привокзальных тополей. Все! Я в Севастополе, в городе, где с каждой улицей и с каждым камнем связаны воспоминания детства и юности,

счастливые и горестные минуты жизни. Я в Севастополе, а значит, я вернулся на родину своих пращуров, значит, я вернулся домой!

Автор

Завещание Гераклеи

К началу начал

*До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!*

М. Цветаева

Прошлое Севастопольской земли, как бы мы ни вглядывались в него, все равно бесповоротно теряется во тьме веков. Многое, увы, очень многое уже никто и никогда не узнает. И все же...

Камни Херсонеса – немые свидетели минувшего. Здесь, на скалах, о которые из века в век неустанно бьет черноморская волна, я вырос. Здесь я познал величие и могущество моря, а древние раскопы стали неотъемлемой частью моего детства. Чего только не находили мы там: старинные монеты и осколки мозаик, куски разбитых амфор и даже чьи-то бранные останки.

Побывайте в Херсонесе! Пройдите по его пустым улицам. Вдохните горький запах полыни, вслушайтесь в доносящийся шум прибоя. И вы увидите! Вот прошагали, бряцающая мечами, легионеры, вот хохоча побрели куда-то подвыпившие мореходы, вот, наконец, купцы из далекого Милета громко торгуют местное молодое вино...

Здесь когда-то влюблялись и ненавидели, страдали и мечтали. Здесь умирали и рождались люди, о жизни которых мы уже никогда не узнаем НИЧЕГО. Как это горько и несправедливо по отношению к ним, тем, кто давно канул в вечность, по отношению к тем, кто дышал одним с нами воздухом, видел те же бухты и скалы, ступал по этой же сухой, выжженной солнцем земле. Неужели все это уже небытие, неужели так безвозвратно распалась связь наших времен?

Когда появился морской город Херсонес и кто были его отцы-основатели? До самого последнего времени историки почему-то считали, что наиболее вероятным временем основания города был VI век до н. э. На основании чего делалось такое заключение? Прежде всего, на основании того, что первые упоминания о Херсонесе относятся именно к этому времени, кроме этого, примерно этой эпохой датируются и наиболее старые предметы раскопок. Таково общепринятое правило определения дат рождения всех городов. Но ведь абсолютно ясно, что поселение славян на месте теперешней Москвы возникло намного раньше 1147 года, когда имя города впервые попало в летописи. Скорее всего, так было и с Херсонесом, на месте которого вполне могли жить какие-то племена задолго и до греков. И почему считается, что именно греки смогли первыми оценить достоинства Гераклейского полуострова и близлежащих бухт?

В последние годы археологи нашли уже неопровержимые доказательства того, что еще задолго до появления города на его месте было небольшое греческое поселение. Это уже VI–V века до н. э. Но кто может дать гарантию, что какое-то время спустя не будут найдены свидетельства еще более ранних поселений на Севастопольской земле.

Сегодня мы знаем, что в этих местах обитали племена древних тавров. Но таврам обживать многочисленные бухты было не к чему, они не были мореходами. Однако мореходы здесь, вероятно, все же обитали!

Так с чего и когда все же началась история Севастопольской земли? Где искать ее истоки? Кто первым ступил на прибрежные скалы нынешнего Севастополя? Как много вопросов, на которые нет, увы, до сих пор никакого ответа. Нам не дано заглянуть в будущее и крайне редко удастся что-то разглядеть в прошлом, особенно в очень далеком. Реку времени нельзя ни остановить, ни повернуть вспять. И все же я хочу позвать за собой читателя в неведомое, туда, где тысячелетия видятся одним мигом, туда, где тьма веков столь мрачна, что и сегодня мало кто рискует совершить туда даже воображаемое путешествие. Но мы все же рискнем, и пусть не осудят нас многоученые мужи, если наши находки, неожиданные открытия и догадки не будут укладываться в прокрустово ложе их монументальных трудов. Мы избрали свой путь в былое, и пусть будут нас подстерегать на нем самые головоломные загадки и тайны. Я верю, что где-то в толще минувших эпох нас будут ждать небывалые находки и открытия.

Мы попытаемся заглянуть в начало начал Севастопольской земли, стремясь отыскать ее след в преданиях и легендах, мифах и летописях. Как знать, может, все было именно так, а может, совсем по-иному. Кто ныне сумеет это доказать и кто опровергнуть из живущих после? История Севастопольской земли теряется во мраке времени, и лишь время способно раскрыть нам ее древние тайны.

«Солнечный город» – именно так назвал когда-то Кампанелла свой знаменитый роман-утопию. Именно так тысячелетия назад назывался и вполне реальный город. В «Солнечном городе» Кампанелла мечтал создать счастье для всех и каждого. Там будут править мудрецы и философы, а люди будут с радостью встречать каждый новый день. Он был идеалистом – наивный мечтатель Кампанелла, но он, как и миллионы иных, мечтал о городе Солнца как городе высшей справедливости и счастья.

Город Солнца искали путешественники и мореплаватели, конкистадоры и пилигримы. О нем сочиняли фантастические трактаты и придумывали сушие небылицы. А был ли он вообще, этот сказочный, легендарный Солнечный град? Не человеческая ли фантазия породила его? Нет, город Солнца существовал реально! Он не просто был, он есть и сегодня, стоит лишь внимательно оглянуться вокруг, отречься от сиюминутной суеты и остаться наедине с собой. Но вначале, читатель, нас ждет головокружительное погружение в толщу веков и эпох, туда, куда еще не могут заглянуть археологи и крайне редко заглядывают историки.

Подавляющее большинство современных историков утверждают, что Херсонес, то есть нынешний Севастополь, был основан греками-дорийцами именно в конце VI века до н. э. На основании чего мы считаем, что прибыть на Гераклею могли только греки? По найденным черепкам разбитых амфор? Но ведь могли это быть и люди, просто входившие в древнегреческий культурный ареал, но принадлежавшие по своей крови совершенно к иному роду-племени! Вот, к примеру, версия Санкт-Петербургского историка-любителя В. Кандыбы, оспариваемая современной наукой, но, как мне кажется, вполне реальная: «422 год до н. э. – в Крым переселилась на 28 кораблях большая группа русов с острова Делос (ныне Микинос), многие из переселенцев поселились в портовых городах, но основная часть поселилась (поселилась, но не основала! – В. Ш.) в Херсонесе. На острове Делос многие тысячи лет существовал культ северных предков, русов-гипербореев, которые часто присылали на остров жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. В первый раз, согласно мифам, северные русы вместе с дарами прислали на остров Делос двух девушек – Гипероху и Лаодику, с пятью провожатыми. Когда девушки умерли, то на острове сложился культ этих девушек... В древности Делос относился к Троянской Руси. На склоне горы Кинф

здесь были святилища Артемиды и Аполлона... Делосские русы почитали, как и их северные предки, Свет, Огонь и Солнце. Русы, как лучшие мореходы мира, основали на Делосе первый греческий морской союз... Остров Делос в древности считался ключом к Русскому (Черному. – В. III.) морю...»

Однако неясного с переселенцами с острова Делос еще очень много. Прежде всего, до сих пор точно неизвестно, к какому народу они принадлежали, были ли они древними греками или древними русами? Большинство ученых считают, что Делос (или Дорис?) чисто греческий остров. Другие думают иначе. Факты и доводы в свою пользу приводят те и другие. Но как бы то ни было, а северный след на Делосе все же просматривается весьма явственно и просто так отмахнуться от него нельзя. Так, основательницей делосского святилища Аполлона (главного божества на этом острове) считается некая Лаодика – девушка из страны гипербореев. Прибыв якобы на остров во главе большой свиты, она привезла туда предметы культа Аполлона и основала храм этого наиболее почитаемого гиперборейского, а затем и греческого бога...

Разумеется, однозначно говорить о том, что гиперборейцы-делосцы явились основателями Херсонеса в тот период, вряд ли правомерно, однако кто может утверждать, что их не было вообще?..

А теперь попробуем заглянуть еще дальше в глубь веков и попытаемся все-таки ответить на вопрос, что же было на месте Херсонеса?

И снова обратимся к В. Кандыбе, труд которого «История и идеология русского народа» вызвал недавно настоящую сенсацию в научном мире. Одни считают его настоящим прорывом в отечественной исторической науке, другие, наоборот, объявляют псевдонаучным и совершенно бездоказательным. К примеру, В. Кандыба на основании изучения древнеарийских священных писаний пришел к выводу, что первые поселения на месте будущего Херсонеса-Севастополя появились уже в 3–2-м тысячелетиях до н. э.!!! Первыми же поселенцами этого края, по его мнению, были представители русского племени ариев, заселивших и весь полуостров Орию, ныне именуемый Крымом. И хотя археологических находок этой эпохи пока еще весьма мало, об этом заселении однозначно говорят тексты «Авесты» и «Ригведы», священных писаний древних ариев.

«В южнорусских степях начала усиливаться и интенсивно развиваться южнорусская страна Ориан. Население Ориана этой эпохи оставило потомкам развитую мифологию и курганы с деревянными срубам, – пишет В. Кандыба. – В дальнейшем арийские расы продвинулись в район между Русской рекой (Доном) и Индом (Днепром), и со временем влияние Ориана распространилось на огромные территории от Нижнего Инда (Днепра) до реки Ур (Урала), а на север – до Саймы и Оки. Большинство населения Ориана составили племена, пришедшие из Арсании (Орсании), поэтому и столицу свою они называли Орсань. Со временем соседние племена ее стали называть Орс, Хоре, Коро, Корсань, Короунь, Хороунь и последнее название – Херсонес, Севастополь. Таким образом, у современного города-героя Севастополя древняя и славная история...»

Что же означает Орс? После недолгих поисков в справочной зороастрийской литературе оказывается, что Орс – это Солнце. Итак, Орс – Солнечный город! Как необыкновенно и заманчиво звучит: Севастополь-Орс – это город Солнца и одновременно столица некоего могучего государства проторусов! Признаюсь честно: мне откровенно нравится версия Кандыбы! И пусть те, кто говорит, что этого быть не могло, докажет, что было как-то иначе! К тому же вся последующая история Севастопольской земли абсолютно подтверждает необъяснимое на первый взгляд тяготение Священного города Севастополя к земле русов-Руси-России. В этом необъяснимом на первый взгляд тяготении, вполне возможно, и проявляется энергия человеческого духа, который, несмотря на все эпохи и политические коллизии, упрямо и неодолимо влечет Севастополь в лоно его материнской земли...

Версия Кандыбы, кстати, дает и вполне доказательное объяснение славянского названия Херсонеса – Корсуни. Говоря, что им надо ехать в свою столицу Орс, древние русы попросту говорили: «Едем к Орсуну (или Орсу)». С веками предлог постепенно слился с названием древнего города, но само понятие о Солнечном городе навсегда осталось в народной памяти потомков древних русов. И пусть пока город Солнца – Орс всего лишь гипотеза, но, как знать, может быть, пройдет совсем немного лет, и исследователи найдут новые документальные доказательства существования Орса, а археологи докопаются до доказательств вещественных, от которых уже нельзя будет отмахнуться. И тогда мы сможем во всеуслышание заявить о том, что Севастополь по праву является не только славнейшим, но и одним из самых древних городов нашей планеты, городом с пятитысячелетней историей!

Говоря о городе Солнца Орсе, я высказал одну из собственных гипотез появления древнерусского названия Херсонеса – Корсунь. Однако, на мой взгляд, уместно будет познакомить читателя еще с одной версией возможного появления названия Корсунь. Ведь именно так, согласно летописям, именовали на Руси византийский Херсонес еще в XI веке!

Мы будем в свое время подробно говорить о сыне древнегреческого царя Агамемнона Оресте и его верном друге Пиладе, прибывшими, согласно мифу, в Тавриду, то есть в Крым, для похищения божества древних тавров статуи Девы. Задачу они свою, как известно, выполнили, а попутно освободили и находившуюся у тавров сестру Ореста Ифигению. Но сейчас нас интересует несколько иной аспект этой давней истории, скорее даже ее последствия. Неожиданные. Несмотря на то что действия Ореста и Пилада принесли таврам немало горя после их удачного бегства в Грецию, оба они стали весьма почитаемы у тавров. Сразу же возникает закономерный вопрос: почему? Ответ, впрочем, прост. Более иных человеческих качеств тавры (как и скифы) ценили настоящую мужскую дружбу и взаимопомощь. Недаром тавро-скифский философ древности Токсарис (древние греки ставили его по уму намного выше знаменитого Фалеса) стал известен потомкам именно по трактату «Токсарис, или Дружба».

Вот что пишет в своем трактате этот философ: «Мы не исследуем, откуда происходят доблестные люди, и не завидуем, если они сделали добро, не будучи нашими друзьями: воздадим хвалу их делам, мы считаем их своими по делам».

Нет ничего удивительного в том, что тавры по достоинству оценили не столько храбрость и дерзость Ореста и Пилада – этим поразить этих отважных людей было достаточно сложно. Удивило иное: готовность каждого из друзей в минуту опасности, не задумываясь, отдать свою жизнь за товарища. На примере дружбы Ореста и Пилада тавры и скифы многие века учили своих детей. Вот что пишет по этому поводу все тот же Токсарис: «Орест и Пилад считались у тавроскифов... самыми лучшими в мире друзьями и как бы установили прочим людям законы о том, как следует с друзьями делить всякую судьбу и пользоваться почетом со стороны лучших из скифов... Знай, что скифы не признают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе... За это (дружбу Ореста и Пилада. – В. Ш.) мы дали им названия Корчаков (Корсаков), что в переводе на наш язык приблизительно означает “божества – покровители дружбы”... Этому северному слову более двух тысяч лет...»

Понятие «корчаков» (корсаков) весьма созвучно нынешним кавказским «кунакам» и античным, известным еще с V века до н. э., абхазским «кораксам». Споры о происхождении и смысле этого слова, вложенного в начале нашей эры. Лукианом в уста тавро-скифского мудреца VII века до н. э., Токсариса, идут до сих пор, однако нас интересует сейчас иное. Поразительно, но культ двух друзей дошел и до наших дней! Многие века в языческой Руси существовали божества братской мужской дружбы. Немногие дошедшие до нас изображения являют собой стоящих рядом плечом к плечу или в обнимку двух молодых сильных муж-

чин. Древние скифы именовали их как Альциса и Альцеса, когда же о них говорили в общем, то именовали гольцами. Вспомним, что и доныне наши бабушки порой называют маленьких шаловливых и неразлучных дружков-проказников огольцами... А потому вполне возможно, что некогда рожденная на Севастопольской земле легенда о великой мужской дружбе именно в таком весьма видоизмененном виде дошла до нас.

Итак: кораки-кораксы-Корсунь. Явно виден вполне сопоставимый порядок слов и понятий. Что же тогда может означать древнерусское название Корсунь? Скорее всего, город великой дружбы и самопожертвования друзей! Не правда ли, весьма достойное название для будущего Севастополя! А может, Корсунь – это своеобразное соединение города Солнца и мужской дружбы? В единое название, когда-то близкое и очень понятное нашим предкам? Может быть, кому-то покажется мое объяснение древнерусского названия нынешнего Севастополя несколько натянутым. Пусть так! Но согласитесь все же, что нельзя не признать несомненное соответствие смысла древних названий самой сущности места! К тому же иных, сколько-нибудь доказательных объяснений слову Корсунь я еще нигде и никогда не встречал. Что ж, может быть, наши далекие предки не хуже древних греков почувствовали не только явную необычность этого края, а его великую будущность, и именно потому дали имя, вполне соответствующее его предназначению.

А теперь вернемся на некоторое время к «певцу» истинной мужской дружбы Токсарису. Даты его жизни современные ученые приблизительно определяют 650–585 годами до н. э. Интересно, что время жизни Токсариса (по-тавроскифски его имя звучало как Токсара) приблизительно совпадает со временем возможного существования прохерсонесского поселения. Разумеется, что это соответствие может быть лишь случайностью. Однако давайте немного порассуждаем. Основу самого известного из дошедших до нас трудов Токсариса «Трактата о дружбе» составила история Ореста и Пилада, происшедшая, скорее всего, в юго-западной части Тавриды. Естественно будет предположить, что и наибольшей популярностью она пользовалась именно у тех тавров, предки которых были непосредственными участниками тех давних событий. Вполне возможно, что и сам Токсарис был тавром, так как знал в совершенстве все коллизии приключений двух друзей. Ну, а что говорят нам о месте проживания Токсариса ученые? Современная наука, увы, не располагает ответом на вопрос, где родился великий мыслитель древности. По общепринятому сегодня мнению он родился и жил где-то на юге Тавроскифии, за Днепром, но западнее Дона. Что ж, наша «гераклейская версия» о месте пребывания Токсариса вполне укладывается в эти географические рамки. Да и почему бы Токсарису не родиться в Корсуни-Орсе, где со времен основания этого города могли еще вполне творить представители древнейших философских школ и мудрецы, хранившие знания неведомых нам эпох? Согласитесь, что трудно получить энциклопедическое образование, проживая в кочевом стойбище. Для этого необходим населенный пункт, где бы обитали мыслители. Так почему бы это не мог быть умирающий, но еще хранящий некие философские традиции бывший древнерусский Орс?

Итак, гераклеец Токсарис? Надуманно? Неправдоподобно? Пусть нас рассудит время!

Продолжая разговор о городе Солнца Орсе, необходимо, видимо, остановиться на его вкладе в современную топонимику Западной Европы. Предоставим слово академику П. Золину, признанному специалисту по истории древних русов. Золин пишет: «...Еще дальше от земель исхода ушли «тирсены» (этруски, самоназвание «расна»), напоминающие именем Тирас (Днестр). У римлян слово «рус» стало означать «древняя земля», «пашня». Образ этрусков давно связан с легендарным русом, который якобы еще в 3-м тысячелетии до н. э. вместе со Словеном приходил к Ильменю... «Шерданы» (сердечные) дали название Сардинии. «Шекалаш» (сколоты, сполоты-преславяне) – Сицилии, «Хорсы» (корсы) – Корсике. Их исход из округа Черноморских проливов наука настойчиво признает.

Ознакомившись с гипотезой академика Золина, мы вынуждены признать, что Корсунь не только внешне, по названию, но и внутренне, по сути, близок, казалось бы, столь далекой географически Корсике! И, может быть, есть что-то почти мистическое в том, что в 1786 году в Тулоне севастопольский лейтенант флота Семен Пустошкин повстречал тогда еще никому не ведомого корсиканского артиллерийского поручика Бонапарта и тот просился у него на русскую службу в Севастополь, что в славном для нас 1812 году бывший поручик был разбит под Москвой, и это стало началом его краха. Насмешка истории, что ж, очень может быть...

Ну, а было ли на протяжении тех тысячелетий, что отделяют Орс-Курсунь от Херсонеса, еще какое-либо поселение на Севастопольской земле?

В сочинении средневековых братьев монахов Иоанна и Исаакия Цецы, где они описывают события, предшествующие Троянской войне, упоминается некий город (поселение) Хрисополь, находящийся на северном берегу Эвксинского Понта, неподалеку от места жительства тавров. Разумеется, что такая скудная информация не дает возможности точно определить нахождение таинственного Хрисополя, но все же обратим внимание на некоторое совпадение названий: Орс – Корсунь – Хрисополь – Херсонес... В каждом из этих слов явно выделяются почти одни и те же сочетания букв: орс – рисо – рсо – орс! Так, может быть, таинственный Хрисополь и был последним осколком некогда могучего Орса, а одновременно и зародышем будущего Херсонеса? Но кто тогда населял его: потомки древнейших русов, тавры, первые греки или кто-то иной?

Ну, а могло ли быть и до прихода древних русов в эти места какое-нибудь поселение на месте нынешнего Севастополя? К слову, многие ученые считают и самого Хорса-бога столь древним, что приписывают ему даже доарийское происхождение, полагая, что это божество Солнца относится к неким протоарийским индоевропейским и даже древнеегипетским племенам, имеющим единую на всех лексему «хор».

Что можно здесь возразить, когда этимологическая цепочка этого ветхозаветного бога тянется от Карского (Хорского) моря до Нила, где также царствовал бог Хор (или Гор)! А потому не вправе ли мы задать себе вопрос: не был ли город Орс еще куда более древним, чем утверждает В. Кандыба? Но ведь это уже 10–7-е тысячелетия до н. э. И как знать, может быть, когда-нибудь археологи найдут подтверждение тому, что Севастополь является одним из старейших городов человечества.

Выявление местонахождения священной земли древних русов помогает, на мой взгляд, разгадать и глубинный смысл мифологемы остров Буян. Буян – не просто гора на острове, а, видимо, гористая земля посреди пучины (стремнины) моря-Окияна, где близ города-крепости имеется торжище и откуда торговые гости развозят по всему свету товары.

В сказочном прочтении остров Буян – это средоточие всех самых волшебных сил, общение с которыми способно повернуть течение жизни в какую угодно сторону, изменить судьбу и победить врагов. А потому остров Буян – неременный символ магических актов: он присутствует в качестве обязательной формулы в заговорах и заклятиях – без обращения к Буяну древние колдовские заклинания попросту не имеют никакой силы. Сквозь поэтическую сказочную пелену до нас явственно доносится дыхание нашей древней священной земли, таинственных языческих обрядов, древнерусской магии, позволяющей напрямую обращаться с высшими космическими силами.

В свое время выдающийся собиратель, систематизатор и исследователь русского фольклора XIX века А. Н. Афанасьев разъяснял, что, согласно изученным им преданиям, на острове Буяне сосредоточены все самые могучие грозные силы, все мифические олицетворения громов, ветров и бури; здесь обретаются: змея – «всем змеям старшая», вещий ворон – «всем воронам старший брат», который клует огненного змея, и птица-буря – «всем птицам старшая и большая», с железным носом и медными когтями (напоминающая собой чудес-

ную Стратим-птицу, всем птицам мать, что живет в Океане-море и творит своими крыльями буйные ветры), пчелиная матка – всем маткам старшая. От них, по мнению народа, как от небесных матерей, произошли и все земные гады, птицы и насекомые. По свидетельству заговоров, на этом же острове восседают и дева Заря, и само Солнце. Остров Буян – это средоточие всех творческих сил природы, их вечно полный и неисчерпаемый источник. Он – часть той первородной Земли, которую породил Океан – мать и отец всех морей.

Память о священном месте пережила тысячелетия. В начале двадцатого века священник Алексей Соболев записал во Владимирской губернии множество заговоров с такими закодированными подробностями о легендарном острове, которые неизвестны по другим, в том числе и классическим, источникам. Вот лишь два фрагмента из опубликованных записей:

«На море, на Кияне, на острове на Буяне стоит дуб честной, на том дубу 70 гильев, на тех гильях 70 гнездов, на тех гнездах 70 орлов; Киян-море разливалось, орлы крылами отбивались, когтями отгребались, носами отплевывались от врага-супостата...» (В другом заговоре поминаются одни из самых древних тотемных образов – утка да селезнь.)

«На море, на Кияне, на острове на Буяне упыри оживали, волос-волосатик на хрестьян пушали. Вышел волос в колос, начал суставы ломати, жилы прожигати, кости просверляти, раба Божьего такого-то иссушати. А я тебя, волос-волосатик, заклинаю, словом крепким-накрепким наставляю: иди ты, волос-волосатик, к острову Буяну, к Латырю камню, где хрещенные человеки не ходят, живые не бродят; сядь на свое место – к упырям лихим в кресло. Покорись моему приказу, крепкому-накрепкому заговору-наказу...»

Но где же все-таки расположен этот «чудный остров» русских заговоров сказок и былин? Есть ли в русском фольклоре хотя бы намеки на его местонахождение? Оказывается, есть, стоит лишь открыть первопечатный сборник русских былин и песен, собранных Киршой Даниловым. Вот былина о Соловье Будимировиче, плывущем в Киев на Соколе-корабле из заморских неведомых стран, шедевр устного народного творчества:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота окиян-моря,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из Глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморского
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатога
Молода Соловья сына Будимировича.

А теперь попробуем разобраться, где же располагался остров Буян и его столица «славный город Леденец». Что дает нам текст былины? Прежде всего, ясно, что, коль Будимирович плыл в Киев «из заморья», то плыл он с низовьев, т. е. из Черного моря. Далее упоминается Лукоморье. Но ведь Лукоморье – это нынешнее Приазовье. Но там нет острова. Зато рядом имеется Крымский полуостров! К тому же геологами давно научно установлено, что в былые геологические эпохи Сиваш был самым настоящим морем и полностью отделял Крым от материка. Отделение Крыма, пусть и не столь большое, могло происходить в некоторые периоды исторической эпохи.

Теперь о названии города, откуда прибыл Будимирович. Название Леденец, скорее всего, происходит от слова «лед». Но почему лед? Скорее всего, это поэтическая метафора белого цвета, сохранившаяся и доныне. Вспомним: бел, как снег... А теперь подумаем, где на побережье Крыма мог находиться город-порт, выстроенный из белого камня-леденца, в гавани которого могли базироваться многие десятки судов? Ведь только один Будимирович привел в Киев караван из 31 судна!

Логика рассуждений показывает, что таковым мог быть прежде всего Орс-Корсунь. Он и на острове (полуострове) расположен, подле Лукоморья, именно его дома сложены из ослепительно-белоснежного инкерманского ракушечника, который на солнце действительно слепит, как лед-леденец, и, наконец, именно в его бухтах могли найти пристанище десятки судов. Значит, если согласиться со всем вышесказанным, то леденец – это еще одно из долгого ряда имен священного города? Значит перед нами еще одна страница его загадочной истории? «И все же какое отношение имеет Крым к Буяну?» – скажет скептически настроенный читатель, ведь каждому известно, что Крым – полуостров! Разумеется, что это правда, но далеко не вся! Обратимся к трудам столь уважаемого за историческую достоверность древнеримского историка Плиния. Вот что он пишет: «...А от Керкиниты начинается Таврика, некогда окруженная морем и сама бывшая морем в тех местах, где теперь лежат равнины. Затем она вздымается большими горными хребтами. В них 30 народов, из которых 23 внутри этой области и 6 городов: Оргокины, Хараканы, Ассираны, Стоктары, Анисалиты, Калиорды. Самый хребет занимают скифотавры. С запада их ограничивает Новый Херсонес, с востока – скифы-сартаки».

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что речь идет о Крыме. Причем Плиний указывает, что Таврика, то есть Крым, была островом уже в историческое время и память об этом сохранилась среди людей. Естественно, что и сам остров был в те далекие времена значительно меньше, чем нынешний полуостров Крым. При этом вполне возможно, что Крым некогда являл собой даже не один остров, а несколько относительно небольших островов. Так, может, тогда легендарные Острова (или остров) Блаженных – это тоже Крым? Вспомним хотя бы знаменитого Еврепида. В своей пьесе «Ифигения в Тавриде» он пишет об острове Блаженных следующее: «Остров горный... ристалищем Ахилла и славный и прекрасный».

Но где на Черном море горные острова? Их нет и никогда не было! Зато был, согласно Плинию, горный остров Таврика, то есть Крым!

Рассказ Плиния о Крыме как об острове полностью подтверждает и сегодняшняя наука. Считается, что разделение Черного и Каспийского морей произошло 700 тысяч лет назад. Однако Черное море впоследствии неоднократно меняло свои размеры и очертания, то соединяясь со Средиземным морем, то изолируясь от него. Свое же современное очертание Черное море приобрело примерно 7 тысяч лет назад... А ведь в эту эпоху уже существовали целые государства!

В фундаментальном труде академика М. В. Муратова «Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова» подробнее рассмотрены все фазы превращения Крыма из полуострова в остров и наоборот. Таких превращений было по меньшей мере шесть, последнее из которых в конце среднего плейстоцена, в так называемое куляницкое время, когда уже существовало человечество. При этом речь Муратов ведет лишь о таких превращениях Крыма в остров, когда от материка его отделяли многие десятки, если не сотни, миль. Значительно больше времени Крым являлся островом, расположенным в непосредственной близости от материка, в том числе и в историческое время. Лишним подтверждением подвижности земной коры в районе Крыма являются, опять же, согласно Муратову, частые и сильные землетрясения. При этом Муратов указывает на то, что в настоящее время Крым вновь опускается и в перспективе снова, несомненно, станет островом. По

этому поводу он пишет следующее: «Асимметрия Крымского горного поднятия резко бросается в глаза, причем отсутствие его южного крыла не может быть объяснено иначе как погружением под уровень Черного моря. Поэтому неудивительно, что с давних пор о Крымских горах сложилось представление как об обломке горной страны, часть которой погрузилась под уровень Черного моря». Образно говоря, ныне Крым представляет собой огромную платформу, которая медленно погружается своим южным краем и одновременно всплывает северным. Однако общая тенденция все же ведет к погружению большей части платформы. О древнем островном характере Крыма говорит и профессор И. Г. Подоличко, много лет посвятивший геологии Крыма.

В последние годы в отношении Черного моря выяснилось и еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что целый ряд геологических исследований в его бассейне указывает на то, что в период с пятого по второе тысячелетие Черное море поразила страшная катастрофа. Возможно, это было землетрясение невероятной силы, возможно, падение огромного метеорита или кометы. Последствия катастрофы были грандиозными. В короткий срок уровень воды в море поднялся на сто метров. Были затоплены огромные площади. А Крым стал островом. Затем, естественно, уровень воды несколько понизился, однако это уже происходило постепенно и растянулось на многие столетия.

Об этой катастрофе в свое время весьма красноречиво говорил еще древнегреческий историк Диодор Сицилийский: «Самофракияне объявляют, что у них прежде всех бывших на других островах наводнений великий потоп был... Через Геллеспонт воды устремление последовало. Они говорят, что Понт (Черное море), будучи озеру подобен, от впадающих в него рек наполнился столько, что, безмерного множества вод не вмещая, в Геллеспонт испустил из себя опыл (?), где затопил великую часть приморской Азии и немало ровных мест в Самофракии покрыл морскими волнами. Откуда в последующие времена рыболовы верхи столпов вытаскивали неводами, как городов потопленных знаки...»

Геофизическое подтверждение этой катастрофы было найдено геологами А. Д. Архангельским и Н. М. Страховым. Исследования осадочных пород дна Черного моря показали, что до глубины сто метров не происходило осадконакопления ранее второго – пятого тысячелетий до н. э. в палеолитическую и неолитическую эпохи, так как в то время эти районы были сушей. Исходя из этого, факт того, что уже в историческое время Крым долгое время был островом, можно считать с точки зрения геологии доказанным.

Полностью разделяют мнение геологов о сравнительно недавнем «островном состоянии» Крыма ботаники и зоологи. Ботаник С. С. Сташков отмечает, что флора Крыма отличается относительным богатством видов, но вместе с тем здесь отсутствуют многие широко распространенные растения, такие как ель, обыкновенный и татарский клены, черемуха, серая ольха, вереск и многие другие. Эта дефективность, согласно Сташкову, однозначно указывает на самостоятельное развитие и островной характер флоры Крыма по происхождению.

Примерно аналогичная картина обстоит и с животным миром сегодняшнего Крыма. В его фауне также отчетливо выражена дефективность. Из млекопитающих отсутствуют горные козлы, медведи, серны, дикие кошки, кроты, белки (нынешние были завезены в тридцатые годы), норки. Из 500 видов птиц, широко распространенных в Европе, в Крыму известно только 285, при этом отсутствуют многие распространенные амфибии, рептилии и насекомые. Наряду с этим в Крыму много так называемых эндемичных (то есть реликтовых) форм, как растительности, так и животного мира. Все это говорит лишь об одном: сравнительно недавно Крым еще являлся островом.

В легенде о Ясоне, совершившем плавание на судне «Арго», говорится, что древнегреческие мореплаватели добрались даже до Каспийского моря. Это они вполне могли реально осуществить, поскольку в тот период уровень Черного моря был выше современного при-

мерно на четыре метра. Таким образом, древние греки из Азовского моря по Манычской перемычке вполне могли достичь и Каспия.

...Геологи отмечают, что со времени образования Сарматского бассейна уровень Крымских гор неоднократно менялся, поднявшись в результате на 1000 метров. В настоящее время, наряду с опусканием южного берега, наиболее быстро растут горный Крым и многие возвышенности Керченского и Тарханкутского полуостровов. Крымские горы сейчас поднимаются в среднем со скоростью 4 см в год, тогда как сам полуостров погружается. Это связано с тем, что Аравийская плита давит на Евроазиатскую. В конечном счете это должно привести через 50 миллионов лет к тому, что Черное и Каспийское моря исчезнут с лица земли.

Естественно, что при столь высоком уровне моря нынешние северокрымские степи были в свое время затоплены, а сам полуостров был гористым островом. Так что воспоминания о былинном Буяне, а значит и о городе из белого камня – Леденце, видимо, имеет достаточно веские доказательства. Кто не знает ныне популярной древнерусской сказки о легендарном путешественнике, торговом человеке и мореплавателе Садко?

Фильмы и книги навсегда запечатали нам образ этого отважного и хитроумного богатыря. Из тех же фильмов и книг известно, что был Садко родом из славного города Новгорода. Однако наиболее старые из известных нам русских преданий, как оказывается, имеют в виду скорее всего не тот Новгород, о котором мы думаем, т. е. не Новгород на реке Волхов, а совершенно иной Новгород – Новый Город – Неаполь (Скифский), что был некогда расположен на месте нынешнего Симферополя посреди Крымского полуострова, а тогда в центре острова Буян. Именно из Новгорода – Неаполя – Симферополя плавал легендарный Садко к устью Дуная на Белый остров, в устье Днепра на остров Стрибога (Березань), в славный город Царьград, а затем и в Твердиземное (Средиземное) море. Именно в Черном море встречается он с грозным царем Черномором, ловко обманывает его и возвращается домой в Новгород – Неаполь. Но ведь Неаполь Крымский никогда не стоял на берегу моря! Откуда, из какой гавани отправился тогда в свое знаменитое путешествие Садко? Уж не из гавани ли Священного города Орса, в которой всегда полным-полно было купеческих судов? Как заманчиво было бы предположить, что все обстояло именно так! И как знать, если бы все это было известно многим ранее, может, и известный фильм о легендарном новгородском купце обрел бы совершенно иное звучание и совершенно иной смысл?

Как известно, одним из древнейших известных нам племен было племя легендарных этрусков. Поразительно, но язык древних этрусков весьма близок к современному русскому! Вспомним одну из главных этрусских надписей на найденной недавно золотой пластинке из Пира: «Авил ени ака пулу мева». Перевод ее означает буквально следующее: «Годы они как поле маково». Как близок смысл слов! Неужели это просто совпадение? Но на этом соответствие двух разделенных тысячелетиями языков не оканчивается. Вот лишь некоторые «совпадения»: этрусское «поа» – это русское «опоенный», «торн» – это дорога (т. е. торить), «тупи» – топь, «клувень» – головня. Порой кажется, что после нескольких часов ознакомления мы свободно могли бы разговаривать на языке легендарных этрусков. Ведь, наверное, далеко не случайно за последнее время в печати все больше и больше выходит различных научных и публицистических статей об этрусках как о некоем нашем народе-прародителе. Споры вокруг этой гипотезы не стихают. Сегодня уже научно доказано, что этруски и другие русы расселялись не только по берегам Средиземного моря. Они распространяли свои поселения и на берега Черного моря. И не здесь ли, на берегах Черного моря, великое племя этрусков соприкоснулось с древнейшими племенами Таврики? Кто знает, не переняли ли жители Северного Причерноморья кроме основ языка и само название ушедшего в небытие племени, ведь само слово «этруски» созвучно слову «русские». А может, все было совсем наоборот, т. е. древние русы ушли некогда с северных берегов Черного моря к берегам Сре-

земного, где впоследствии и стали легендарными этрусками. Согласно гипотезе академика Б. А. Рыбакова, само образование русского допетровского государства началось именно с Черноморского побережья. Случилось же это где-то на рубеже V–VI веков н. э. Однако сегодня, видимо, настала пора перенести временные сроки значительно дальше. Общеизвестно, что этруски являлись не только носителями древней культуры, но и прекрасными мореплавателями. Их 50-весельные суда – пентеконтеры – достигали 25-метровой длины и были вполне мореходны. Теперь зададимся вопросом: могли ли столь прекрасные воины и моряки, как этруски, на протяжении многих столетий безраздельно владевшие средиземноморскими и черноморскими водами, не оценить выгоды стратегического положения Гераклеи? Ведь не были они глупее пришедших многим позднее в эти места греков?

Арабские источники повествуют о трех якобы некогда существовавших русских землях. Одну из них они прямо именуют ОРСОЙ или АРСОЙ. Где находилась эта Орса, точно не оговорено. Более поздние арабские историки, в том числе и Ибн-Руст, живший в X веке, отождествляют Орсу с неким таинственным островом Рус. Более подробно об этом острове говорит ал-Марвази в своем историческом трактате «Таба и ал-зайван». Вот что там сказано: «Что же касается Оруси, то они живут на острове в море. Тот остров занимает пространство в три дня пути в то и другое направление. На острове леса и болота, и окружен он озером. Они, русы, многочисленны и рассматривают меч как средство существования. Если умирает у них человек и оставляет дочерей и сыновей, то все имущество достается дочерям, сыновьям же дают только меч и говорят: “Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру...” И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары. Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов...»

Какие выводы можно сделать из трактата ал-Марвази? Прежде всего тот, что в названии острова вновь слышится имя древней столицы Орса. Остров по своему описанию вполне сопоставим с нынешним полуостровом, а в прошлом, возможно, островом Крымом далеких эпох: и размерами (три дня пути), и лесами, и, наконец, болотами (район Гнилого моря Сиваша в те годы был, возможно, значительно обширнее. Кроме того, ал-Марвази говорит и о том, что с одной стороны остров омывает море (Черное), а с другой стороны – озеро (Азовское море, еще древними греками именуемое не иначе как озером Меотиды). Огромному флоту орсов на Черном море в те далекие времена явно не было достойных противников, и они совершают морские походы на Каспий, поднимаясь вначале по Дону, а затем идя переволоками до дельты Волги. В ту пору волжская дельта была во много раз обширнее сегодняшней – это уже давно подтверждено геологическими и археологическими изысканиями, трудами Л. Н. Гумилева. Сомневаться в правдивости арабских источников нам тоже не приходится. Однако никаких сведений относительно того, к какой конкретной эпохе относится данное описание ал-Марвази, к сожалению, не дает.

Сообщения ал-Марвази вполне подтверждает и знаменитый греческий историк Страбон, живший в первом тысячелетии до н. э. Он ясно и однозначно пишет о некоем племени орсов, которое некогда владело северным побережьем Черного моря и землями вплоть до Каспия, вело оживленную караванную торговлю с Индией и Вавилоном, Арменией и Мидией...

Чем больше знакомимся с древними источниками, тем все больше и больше находим новые упоминания о реальном острове Буяне и реальной столице этого острова Орсе.

Теперь обратимся к книге выдающегося восточного средневекового географа аль-Хорезми. Его труд «Книга картины земли» написана приблизительно в 840 году н. э. Считается, что в основу своего сочинения аль-Хорезми положил труды знаменитого Александрийского ученого II века н. э. Клавдия Птолемея, который пользовался еще более древними трудами. Итак, аль-Хорезми и Птолемей называют никем, кроме них, никогда и нигде не

упоминаемые города Северного Причерноморья: Арустиния, Арсаса, Растиянис. Но все эти названия явно не греческие, более того, во всех трех явно прослеживается корень «рас» или «рус», что само по себе наводит уже на некоторые догадки.

Теперь вспомним, что в древности гласные буквы вообще зачастую не писались, их попросту подразумевали, а затем, при надобности, вписывали по своему усмотрению. При этом, естественно, со временем неизбежно накапливались ошибки, над разъяснением которых и сегодня ломают головы историки всего мира.

Попробуем и мы убрать гласные из названий причерноморских городов. Получим: Арустиния – РСТН, Арсаса – РСС, Растиянис – РСТНС. Вспомним и о Корсуни, уберем гласные из этого слова: Корсунь – КРСН. Кстати, и позднее название Корсуня – Херсонес, по мнению многих ученых, явно не греческое и имеет куда более древние корни. В нем также преобладают звуки «р» и «с», то есть наиболее распространенные звуки этрусского языка. Сегодня большинством историков принят перевод Херсонес как «длинный нос» или «длинный мыс». Кстати, на карте мира Птолемея Золотым Херсонесом назван даже полуостров Сингапур. Но, может быть, все же не стоит порой отмахиваться от того, о чем мы все еще так мало знаем. Ведь вполне могло быть и так, что уже существующее название догреческого поселения Корсуня-Растияниса и дало впоследствии грекам словосочетание «длинный мыс», как в современном русском языке река Калыма стала синонимом каторги, а малоизвестный городок Урюпинск символом забытой провинции.

Но вернемся к нашим сокращениям. Это может показаться невероятным, но известный теперь уже нам Корсунь оказывается во многом схожим с неведомым нам поселением этрусов, ведь название Растиянис по согласным буквам (РСТНС) почти совпадает с Корсунем (ХРСНС), да к тому же вполне сопоставим и с Хрисополем (ХРСПЛ). Небольшие расхождения здесь вполне можно отнести за счет многочисленных переписываний и переводов текстов, пока они многие столетия спустя не дошли до аль-Хорезми.

Итак, вполне возможно (автор не утверждает это однозначно!), что именно неведомый нам Растиянис этрусов стал впоследствии греко-римско-византийским Херсонесом, а затем и нынешним Севастополем. Таким образом, вполне возможно, что современный город на берегу Севастопольской бухты лишь замкнул таинственную и мистическую временную цепь Гераклеи от легендарных городов глубокой древности до нынешнего Севастополя, от некоего нашего народа прародителя до их прямых потомков сегодняшних россиян. И может, уже в этом изначальном посыле была обозначена некая необыкновенность и даже избранность той земли, которая неведомым нам образом связала воедино через толщу тысячелетий единый русский народ, тех, кому судьба уготовила особое место и роль в истории всего человечества...

Вообще до настоящего времени с названиями древнегреческих черноморских городов-полисов много неясного. Так, чисто греческими историки считают лишь некоторые из них: Аполлонию, Анхиалу и Круни-Дионисопол. В названии города Салмидессоса чувствуется сильное влияние древних индоевропейцев. Названия же городов Месембрия и Бизоне явно фракийские. Происхождение названий городов Карон, Лимен и Калатис имеет еще более древние арийские корни. Происхождение же названия города Томи (нынешняя румынская Констанция) вообще пока неясно. Так что в этрусских корнях названия Херсонеса нет ничего необычного. Да и элементарная логика подсказывает, что многовековое пребывание древних русов в этих местах, их прекрасные мореходные традиции и наличие столь великолепной бухты в Гераклее не могли не привести к тому, чтобы этруски использовали эту бухту хотя бы как маневренную базу для временной стоянки своих судов. Ну а там, где стоят суда, всегда возникает и поселение. И пусть оно не было очень большим, однако вполне известным в те годы, потому что тогдашние порты были, как и сегодня, достаточно хорошо известны мореходам, которые плавали мимо них. Ну а что же может означать топоним Хер-

сонес? Что стало с его предшественником городом Солнца Орсом-Хрисополем-Растияни-сом? Насчет Орса двух мнений быть не может. Скорее всего, когда распалось сегодня почти неизвестное нам древнерусское государство, Ория, постепенно пришел в упадок и запустение и один из его городов, Орс, хотя вполне возможно, что, будучи труднодоступен для врагов и имея удобнейшую на Черном море гавань, он существовал еще достаточно продолжительное время. Затем на месте бывшего Орса основалось новое селение, названное в память о своем предшественнике Хорсе (или Корсуни). Постепенно преобладающим населением его стали переселенцы-греки, которые стали именовать место своего нового жительства по-старому Орсом или Хорсом или по-новому, на свой лад – Херсонесом.

Стоп! Я откладываю в сторону ручку. Хорс... Хорс-с... Хорс-с... Один из древнейших богов человечества! Сколько тайн связано с этим именем!

Култ Хорса теряется во мгле тысячелетий. В последний раз почести ему воздал князь Владимир, когда в 980 году поместил Хорса в ряду иных славянских кумиров сразу же следом за Перуном. Летописи же сообщают о Хорсе в «Сказании о Мамаевом побоище», но уже отнюдь без древнего почитания: «...Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна, и Салавата, и Раклия, и Хорса, и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, пожигает их». Но отголоски памяти о некогда великом боге Солнца жили удивительно долго. Имя Хорса встречается в различных христианских поучениях против язычества. Вот лишь некоторые примеры. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам»: «...Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на боги обратиша, бесом злым вероваша». «Слово некоего христолюбца: “...И веруют в Перуна и в Хорса...”» «Слово о том, како погани суще языци кланялися идолом: “...И ныне по окраинам моляся проклятым болванам Перуну, Хорсу, Мокши...”» «Слово и откровение святого апостола Трояна». Апокрифическая «Беседа двух святителей» приводит следующий диалог:

– Отчего гром сотворен бысть?

Василий рече: «Два ангела грома есть: елленский старец Перун и Хорс – жидовин – два есть ангела молнии».

А теперь зададимся себе вопросом: так ли невероятно, что в X веке русский народ еще помнил название древнего города своих предков Орс, когда память о самом боге Хорсе дожила даже до XVI века?

Хорс – многоликое и древнее божество, которое могло иметь разные проявления у евразийских народов почти со времен палеолита. Греческое «хорейс» – пляска – уводит к начальным культам этого божества. Индоиранское «хорезм» – первая страна зороастризма. Греческое «хорд» – струна – протягивается хотя бы по нескольким тысячелетиям. «Хорос» – культовый хор у греков – выводит к нынешним хорам и хорам (возвышениям в храмах, где стояли певцы).

Херсонес Скалистый (Таврический) – так еще во времена Геродота греки называли Крымское побережье до Керченского пролива. Именем Херса (Хорса) обозначали и другие традиционные для жизни и деятельности места древних народов, достаточно вспомнить Херсонес Фракийский – полуостров у Геллеспонта. Имя Херсий (Херсис) носил и царь города Саламина на Кипре. Он был сыном Сиромы и отцом Онесида. Созвучные имена встречаются в новгородских берестяных грамотах.

По мере введения христианства Хорс постепенно заменялся в сознании язычников Христом. Это и приводит к тому, что исследования о Хорсе и изучение его феномена веками табуизируются. Хорс почитался, как Хрос, у скифов и фракийцев (латинское название божества Херос: Керос). Выявлены десятки святилищ этого языческого бога, близкого и Аполлону (Аулариху у фракийцев).

В начале эры его изображали богом-всадником, нередко поражающим змея. Христианство развило этот образ в символике Георгия Победоносца. Георг звучанием немного напоминает Кероса (Хорса), но является его далеким потомком. Иногда река Хесин, по античным данным, указывается как Керсинус (Херсинус), что тоже может быть следом древнего культа. Без Хорса (Херса) трудно в полной мере понять реальные глубины российской истории.

А вот мнение о происхождении Хорса известного специалиста по языческим верованиям славян Льва Кожевникова:

«Иногда Хорст, Корш, Корша. Бог солнца, солнечного диска, “дневное око”. Имя Хорс (Хърс) наши предки заимствовали у ираноязычных скифов, с которыми жили по соседству и постоянно торговали.

“Хоро”, “хоровод”, “хорошуль”, “хорс” – эти слова обозначали ритуальный хоровод, вероятно, в честь солнца. Наречие “хорошо” в старославянском языке означало “солнечно”. В то же время все эти слова несли в себе понятие круга, колеса, что, в общем-то, соответствует как форме солнечного диска, так и круговому движению солнца по небесной сфере.

В отличие от Хорса податель благ Дажьбог – божество всеобъемлющее, связанное, как мы уже знаем, с солнечной стороной природы, с годичным солнечным циклом. Поэтому славяне-язычники нередко под именем Дажьбога понимали и Хорса, – как бы в качестве дополнения.

...Солнце, солнечный диск, в представлении язычников, имел три лица. Утром на восходе это было одно солнце. Полуденное, находящееся в зените, раскаленное, – второе. И на закате красное, налитое багрянцем – третье. Нередко, обращаясь к солнцу, славяне говорили: “Светлое трехсветлое солнце!”»

Обратимся теперь к «отцу всемирной истории» Геродоту. Говоря о происхождении скифов, он пишет: «У него (Тартигая – сына Зевса и дочери Юорисфена) родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колоксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдная секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этих (старших братьев) золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему». Младший брат Колоксай, как повествует Геродот, разделил землю на три царства, одно из которых взял себе, в нем он стал хранить и упавшее с неба золото. Академик Б. А. Рыбаков считает, что имена трех братьев имеют весьма многозначительный перевод. Липо-ксай – это царь гор, Арпо-ксай – царь водных глубин, а Коло-ксай – не кто иной, как царь солнца, он же Световик, Светозар, Зоревик и т. д.

В контексте нашего разговора о городе Солнца – Орсе эта легенда чрезвычайно интересна. Вполне возможно, что перед нами не что иное, как вполне реальная, история протоскифского государства. Отец разделяет землю на правление своим детям. Один берет горную часть страны, скорее всего Крымские горы, т. к. иных гор в Северном Причерноморье попросту нет. Второй возглавляет военный и торговый флот, который исходя из того, что приравнен отцом целой стране, был весьма не мал. Третий же получает под свое начало сам священный город Солнца, вполне вероятную столицу отцовского государства, где зорко хранит в храмах золотые сокровища, некогда ниспосланные небом. «Это же священное золото цари берегут больше всего и каждый год умилоствуют его большими жертвоприношениями, – пишет Геродот. – Кто на этом празднике, охраняя священное золото, уснет под открытым небом, тот, как считается у скифов, не проживет и года».

Как знать, может, Тартигай и Колоксай – это первые реальные правители легендарного Орса! Липоксай – предводитель горных тавров, а Арпоксай – древнейших из флотоводцев!

Впрочем, наряду с преданием о Тартигае Геродот приводит еще одно. Там основным действующим лицом является уже Геракл. В свое время мы еще будем подробно говорить о связях этого древнегреческого героя с Севастопольской землей, пока же скажем только то, что, согласно Геродоту, в результате брака Геракла и Ехидны на северочерноморской земле якобы родилось три сына: Скиф, Агафис и Гелон (Гелос). Затем эти три брата опять же делили между собой землю. Но ведь Гелон – Гелос – это не кто иной, как древнегреческий бог солнца Гелиос, в честь которого и был, видимо, назван младший из сыновей Геракла. Невольно задаешься вопросом: случайны ли все эти совпадения?

Ведя разговор о скрытых мраком тысячелетий временах, нельзя никак обойти вниманием священную книгу древних ариев «Авесту». Читать и понимать «Авесту» чрезвычайно трудно. Большая часть ее не поддается никакой расшифровке, не говоря уж о какой-либо определенной привязке к месту и времени. При этом если даже в оценке специалистов разброс по времени составляет тысячи и тысячи лет, то по месту – почти весь евразийский материк. И все же «Авеста», как древнейший из всех дошедших до нас письменных источников, поистине бесценна для тех, кто решился заглянуть в бездну минувшего...

Удивительно, но когда я начал искать «Авесту», то оказалось, что достать ее не так уж и просто. Отдельные гимны еще кое-где печатались, но единого взаимосвязанного текста не было. Впрочем, это и неудивительно: ни зороастрийская религия арийцев, ни их священные писания в нашей стране популярностью не пользовались никогда.

Полный текст «Авесты» в русских переводах издавался несколько раз с 1861 по 1991 год. Но и последнее издание 1997 года давно уже стало библиографической редкостью. Даже читая названия глав этого бесценного документа былых эпох, уже окунаешься в иной, таинственный для нас мир: Видевдат, Ясна-Гаты, Младшая Ясна, Яшт... Сотни и сотни страниц непривычного, чарующего своей необычностью текста, где каждая фраза, каждое слово таит в себе загадки. Листая их и вчитываясь в смысл древних зороастрийских молитв и гимнов, я вновь и вновь искал упоминания о Севастопольской земле. И я их нашел! Да иначе просто и не могло быть, ведь если Орс (Хорс) и Буян-Крым существовали реально, то хоть какие-то упоминания о них должны были непременно сохраниться! Вглядимся же еще раз в священные писания древних ариев!

Вот предо мною текст из первой части «Авесты» Видеваты. Глава (гимн) называется «Молитва водам и светилам». Она достаточно необычна даже для «Авесты», так как коротка и, с точки зрения современных исследователей, еще полностью не расшифрована. Вчитаемся же в текст!

«...Взойди, вознесись, о Солнце быстроконное, над вершиной Хара (Харса? – В. III.), расточай свет творениям!..

...Взойди, вознесись месяц – ты, который порождает быка, – над вершиной Хара, расточай свет творениям!..

...Взойдите, вознеситесь таинственные звезды, – вы, которые порождаете воды, – над (под?) вершиной Хара (Харса?), расточайте свет творениям!»

Вот и вся эта необычная глава. Что мы можем понять из нее? То, что указаны горы, именуемые Хара, а вполне возможно, что в первоисточнике и прямо Хорс-Орс. Это более чем возможно, ведь, как мы уже говорили, в древности писались лишь согласные звуки. Сочетание ХР-ХРС вполне отвечает месту нашего поиска. Изменения слов, различное их чтение и произношение приводили и приводят к массе трудностей. Подобных примеров не счесть даже в наше время! Так, немцы понятия не имеют, кто такой неведомый им Генрих Гейне, зато любят и почитают своего великого поэта Хайнриха Хайнэ. Всем известна комета Галлея, но такого человека никогда не было, зато был английский астроном Halley (Хэлли,

Хейли или даже Холи). Наши бабушки и дедушки любили и читали сказки Ганса Христиана Андерсена, но наши дети уже не знают такового, зато с удовольствием берут в руки книги Ханса Кристиана Андерсена... Не всякий наш современник может свободно читать книги, изданные на русском же языке, но до 1917 года. Сочинения Пушкина (величайшего из наших классиков!) снабжают сносками с объяснениями многих слов. А памятник российской литературы «Слово о полку Игореве» понадобилось вообще переводить на современный язык!

Что же говорить о видоизменении названий и имен за многие тысячелетия назад!

Один из наиболее ярких примеров тому древнеславянское слово «днь», обозначавшее день и писавшееся, конечно же, без гласных. Прошло время, и различные славянские народы, заполнив промежутки гласными буквами между согласными по своему усмотрению, получили уже отличные друг от друга слова, хотя и обозначающие по-прежнему одно и то же. Так появились польский «дзиен», сербский «дан» и наш «день»...

Но вернемся опять к «Авесте». Именно над Харом-Хорсом, согласно ей, возносятся молитвы Солнцу, Месяцу и Звездам. Далее в молитве говорится, что именно от этого вознесения с Хара-Хорса порождаются воды и именно отсюда расточается свет творениям. И здесь все сказанное вполне укладывается в нашу концепцию! Ведь если Крым – это священная Блаженная земля зороастрийцев-ариев, то откуда, как не отсюда, и должен расточаться свет. Хара (Харс?), по мнению большинства современных исследователей «Авесты», – это Хара Бэрэзайти, мифическая горная цепь, выросшая из земли в начале творения на берегу моря. Чем не Крымские горы! Однако пока не будем торопиться с отождествлениями! Хара Бэрэзайти, согласно священным текстам, не только включает в себя Хванирату – коршар (часть света), населенную людьми от остальных шести необитаемых коршаров, но и отделяет Хванирату от них большой водой со всех сторон. Из этого следует, что Хванирата не что иное, как остров, а Хара Бэрэзайти – горная цепь на этом благодатном острове. Главной вершиной Хара Бэрэзайти считалась гора Хукарья. На ее вершине бьет источник Ардви, сама вершина почти достигает Дома Хвалы – арийского рая.

В свое время мы еще самым подробным образом поговорим о космической сущности Севастопольской земли, о тропе во Вселенную, проложенной оттуда, о роли звезд и созвездий, о том, почему древнейших жителей Тавриды звали и кен-таврами (человеко-конями) и мино-таврами (человеко-быками). Пока же лишь отметим для себя упоминание всех этих далеко не маловажных деталей в интересующей нас арийской молитве и продолжим чтение «Авесты».

В «Авесте» существуют многочисленные упоминания о море Ворукаша. Что такое Ворукаша? На этот счет единства мнений нет. Одни считают Ворукашем Арал, – другие Каспий, третьи – даже Балхаш. Но существуют сторонники и точки зрения, что Ворукаш – это не что иное, как Черное море. Причем последнюю точку зрения подтверждает ряд интересных деталей.

Во-первых, говоря о Ворукаше, арийцы однозначно говорят о море, а не об озере.

Во-вторых, посмотрим теперь Тиштр-яшт, посвященный, как считают исследователи «Авесты», звезде Сириус (Тиштрия) и ее спутнику Антаресу (Сатаваэсу). Для лучшего понимания смысла текста отметим и то, что Усхинда – это горы или гора, локализованная именно в море Ворукаша.

...Восходит он оттуда,
Спитами-Заратуштра,
Блестящий, славный тиштрия
Из моря Ворукаша.
И вот взошел оттуда
Блестящий Сатаваэса

Из моря Ворукаша.
И облака вздымаются
Усхинду над горою,
Стоящей посредине
На море Ворукаша...

На море Ворукаша имеется и очень большой залив-озеро Авжданве. Ученые упорно пишут, что Авжданве «отождествлению не поддается». Разумеется, их понять можно, если считать Ворукашем Каспий, Арал или Балхаш, но если считать древним священным морем ариев именно Черное море, то все сразу становится на свои места. Авжданве – это не что иное, как нынешнее Азовское море, которое можно считать и заливом и даже озером, а то и болотом Меотидой, как именовали его древние греки.

На море Ворукаша присутствует и некая Хварно – абстрактная божественная сущность, сакральной силой связанная с Огнем и олицетворяющая высшее неземное начало.

...Но Хварно отступило,
Но Хварно отошло,
И тот отток назвался
У моря Ворукаша
Водою Хаосрава...

Что такое Хаосрава? Исследователи «Авесты» идентифицируют его с Кеем-Хосровым (Хорсовым? – *В. III.*), одним из первых легендарных провидцев ариев. Хоср победил в войне заклятых врагов ариев – туров. Под конец жизни он удалился в горы священные Хара Бэр-эзайти (или Усхинду) посреди моря Ворукаша, где живым был вознесен верховным богом арийского пантеона Ормаздом на небеса в Дом Хвалы...

Но и на этом необычность моря Ворукаша не заканчивается! В «Яште», одной из основополагающих частей «Авесты», говорится о некой орлоподобной мифической птице Сазна. Эта птица жила на большом горном острове посреди моря Ворукаша. Позднее ее в древних сказаниях будут именовать еще и священной птицей Симург. Запомним Сазна-Симурга. Встреча с ним на крымских скалах нам еще предстоит!

Побывал на острове посреди моря Ворукаша и легендарный герой древнеарийского эпоса Кэрсаспа, прямой предшественник древнегреческого Геракла. Именно здесь, на острове Кэрсаспа, победил и убил страшного каменнорукого гиганта Сनावидка. Как знать, может, перед нами еще один отголосок той легендарной битвы богов и титанов, ставшей потом достоянием многих древних эпосов?

Там же, на острове, неутомимый Кэрсасп убивает и страшного змея Гандарапета, жившего в море Ворукаша. 9 дней и 9 ночей бился со змеем Кэрсасп, пока не одолел его. Вытащив поверженного врага на берег, Кэрсасп содрал с него шкуру и ею же связал змея. Но Гандарапет пришел в себя, разорвал путы и тут же убил друга и кормилицу Кэрсаспа. Тогда герой арийского эпоса, собрав местных жителей, давно терпевших беды от змея, убил сообщая с ними злобного гада. Отметим для себя и этот факт сказаний, он нам также пригодится в дальнейшем.

Была на острове в море Ворукаша и еще одна особенность. Именно там росло легендарное дерево древних ариев – дерево Гаокерна («Царь лекарственных растений и трав»), чей млечный сок лечил все болезни. Бесценное дерево охраняла от злых демонов (дэвов) со стороны моря большая и мудрая черная рыба Каре. Быть может, это был дельфин?

Еще один небезынтересный поворот истории о древнем боге Хорсе – это его младший брат древнерусский языческий бог Крестос (иногда его еще именуют Крикстосом или Хре-

стосом). Крестос был богом перекрестков, отгонявший злых духов от путников. Вспомним былинного богатыря, стоявшего на перекрестке дорог в раздумье: «направо пойдешь – сам пропадешь...» А потому имел Крестос пять голов, чтобы следить за всеми расходящимися дорогами сразу. Так, может, не только в честь Хорса, но и в честь его был назван древний Орс? Древнерусский город-порт, как перекресток множества торговых путей, явно нуждался в подобном божестве...

Как выглядел внешне легендарный древний бог Хорс? Еще в XVI веке немецкий путешественник и ученый Иоганн Вундерер сообщал, что видел близ Пскова каменного идола Корса, спящего на змее с мечом в одной руке и Перуном в другой. Опять загадка. Почему Корс-Хорс держал на руках бога войны Перуна? Может, маленький Перун приходился ему сыном? Но все письменные источники на этот счет упорно молчат.

Не так давно у ручья Промежица под Псковом был найден еще один каменный идол Хорса. Древнее божество на нем изображено в виде мужской, несколько обрюзгшей фигуры. Он также попирает ногами змею, но в руках держит уже меч и копье.

Впрочем, есть еще одно изображение Хорса, весьма отличное от остальных. Одна из польских средневековых рукописей являет нам рисунок ареопага древнеславянских божеств. Хорс там изображен в виде весьма экзотического существа с жуткой физиономией, с огромными ушами и несуразным телом, увенчанный четырьмя волосатыми козлиными рогами. Весьма похожа на Хорса и изображенная на том же рисунке Моком – богиня дождя и покровительница мелкого домашнего скота, овец и кур. От Хорса Моком отличается лишь тем, что ее тело покрыто густой шерстью. Есть версия, что Моком была сестрой (или женой) Хорса. Но ведь считается, что именно образ Моком в позднейшее время слился с образом Параскевы Пятницы, весьма почитаемой русскими крестьянами... до XX века.

Но и это еще не все варианты изображения загадочного Хорса. Многие исследователи пишут, что Хорс часто представлялся славянам белым конем, совершающим свой бег по небу с востока на запад. В этом был большой смысл, ибо божеству солнечного светила находиться на небе пристало больше всего. И может, не случайно наши предки украшали крыши своих домов конскими головами. Известно, что еще в XIX веке в Тульской губернии во время падежа скота крестьяне опахивали землю вокруг камня, изображавшего коня Хорса...

Но и на этом многочисленные загадки Хорса не заканчиваются. Воистину, чем больше пытаемся проникнуть в прошлое, тем больше и больше вопросов оно ставит перед тобой! Один из старейших польских историков язычества Болелуцкий в своих трудах по славянским богам неизменно именует Хорса... Тифоном! Что может быть общего между этими двумя божествами – древнеславянским и древнегреческим? И хотя подобные тайны чаще всего неразрешимы, попробуем все же в этом разобраться.

Кто такой Хорс, чье имя, скорее всего, было исходным для названия первого поселения ариев-протославян на Севастопольской земле Ора, мы немного разобрались. Но кто же такой его возможный близнец-аналог Тифон? Обратимся к справочникам древней мифологии. И сразу же первая неожиданность: справочники говорят сразу о трех Тифонах – о греческом, египетском и римском. Не будем торопиться!

Древнеримский Тифон был сыном Лаамедонта. За силу и красоту его полюбила богиня утренней зари Аврора и увезла с собой в Эфиопию. Там у них родился сын Мемнон. Влюбленная Аврора упростила своего отца, громовержца Юпитера, даровать Тифону бессмертие, но при этом забыла попросить для своего возлюбленного и вечной молодости. А потому со временем Тифон стал настолько дряхл, что возненавидел жизнь. По одной из мифических версий римлян, Тифон от старости так усох, что превратился в сверчка, по другой – он упрости Аврору превратить его в стрекозу, которая, сбрасывая старую кожу, обновляется.

Древнеегипетский Тифон был злобным духом и почитался как бог. Был египетский Тифон гигантом и имел сто змеиных голов. Сам он был полностью покрыт перьями, а ноги

его были увиты змеями. Здесь сразу же видна аналогия и с «нашим» Хорсом: «наше» божество стоит ногами на змее, египетский Тифон вообще имеет змеевидные ноги. Да и греческого Тифона античные художники чаще всего изображают тоже с двумя извивающимися змеями вместо ног. Но что символизировали в ту далекую от нас пору ноги в змеях? Опять загадка!

Для чего древние русы строили пирамиды и насыпали курганы? Над этим вопросом ломало и ломает голову не одно поколение ученых во всем мире. Сейчас уже ясно, что это не просто места погребений. Действительный их смысл – приблизить погребенного к небу, воздвигнуть своеобразный мост для общения с Вселенной. Пирамиды и курганы – это своеобразные стартовые площадки в космос для умерших, как нынешние церкви и соборы – места общения с Создателем Вселенной для живых.

Космической природе курганов посвятил свой труд «Космические тайны курганов» доктор исторических наук, профессор Ю. А. Шилов, участвовавший в раскопках курганов группы Высокой могилы. Даже наших пращуров Шилов именует при этом «космическими странниками» и «пракосмонавтами».

Анализируя и суммируя результаты раскопок, ученый-археолог делает весьма шокирующий многих вывод о том, что прародиной древних русов является Северное Причерноморье. Сами же курганы Шилов относит к доскифским древнеарийским временам.

Но какое все это имеет отношение к нашей теме? Оказывается, самое непосредственное!

Шилов обращает внимание на тот факт, что раскопанные им курганы имели крестообразную форму: в черноземные круги были вписаны желтогрунтовые кресты. Он же пишет о том, что крест в те далекие времена олицетворял солнце. Это встречается повсеместно и присуще десяткам древних культур. Шилов так и именует самый центральный из курганов Высокой могилы – «Солнце-курган». От него во все стороны расходились 12 лучей, по числу месяцев года.

Итак: Северное Причерноморье – прародина древних русов, главное божество которых солнце, и даже главный из рукотворных курганов имеет его форму. А теперь зададим себе вопрос. Если все это соответствует действительности (а Шилов все свои рассуждения подкрепляет конкретными результатами раскопок), то как тогда должно было называться главное священное поселение древних русов? Ответ закономерен: город-Солнце или город-Хорс (Орс).

Как здесь не вспомнить не менее легендарный, чем Буян, остров Туле, о котором сложено немало легенд и сказаний. Удивительно то, что столицей северного Туле был некий город Гелиполь, что по-гречески не что иное, как опять же город Солнца. Что это, простое совпадение или нечто иное? Так, может быть, Туле идентична Буяну так же, как и Гелиполь Орсу?

Судя по всему, Орс имел не только и не столько стратегическо-экономическое значение, но и духовно-ритуальное. Именно он связывал землю ариев с космосом и космическо-световой энергией, о которой наши предки знали поболее нашего. В свое время на космическом предназначении Севастополя мы еще остановимся более подробно, пока же нам стоит запомнить, что пращуры никогда не давали своим поселениям случайных имен. Все имело свой сакральный и сокровенный смысл. Имел его и священный город Орс.

Следы легендарного Орса совершенно неожиданно обнаруживаются и в древнескандинавском эпосе. При этом сразу же необходимо оговориться, что сегодня большинство специалистов по древней Скандинавии считает, что предки викингов пришли на берега северных морей именно из района Северного Причерноморья. Что касается Орса, то в шведском и норвежском эпосах он фигурирует уже как знаменитый Ас-гард. Ряд историков, правда, ассоциирует название Асгарда с племенами асов, но это утверждение достаточно спорно.

Гард по-шведски и по-норвежски – это просто город. Вспомним, что в Швеции еще в Средние века Русь именовали не иначе как Гардарика, т. е. страна городов. Именно из священного Асгарда – Орсгарда отправился на покорение северных земель со своей дружиной вождь-бог Один. Сейчас в имени скандинавского бога-вождя почему-то принято делать ударение на первом слоге, но если допустить, что Асгард – это все тот же интересующий нас древнерусский город Орс и сделать ударение в имени знаменитого вождя на втором слоге, то тогда многое становится сразу же понятным.

Скандинавская мифология в «Эдде Старшей» и «Эдде Младшей», «Круге земном» Снорри Стурлусона и «Саге об Ингликах» дает нам достаточно точное описание местоположения города Орс-гарда, некоторые сведения о его постройках, а кроме того, повествует о нравах его обитателей.

Начнем прежде всего с местоположения города. Согласно «Саге об Ингликах», он расположен на берегу Черного моря, к востоку от впадающей в это море реки Танаксвиль (или Ванаксвиль). Вполне вероятно, что здесь имеется в виду Днепр или Южный Буг. Сам город стоит на Идавель поле, это, судя по всему, Гераклейское плато. Неподалеку от города, судя по саге, расположены и достаточно высокие горы. Что касается гор, то в Северном Причерноморье, как мы уже говорили выше, это могут быть только Крымские горы. К востоку от Асгарда проживает племя ванов. Сегодня историками считается, что наиболее вероятным местом обитания древних ванов был район Северного Приазовья. Сага гласит: «Течет... река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаксвиль или Ванаксвиль. Она впадает в Черное море... Страна... к востоку от Танаксвиля называется страной асов, а столица страны Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались дьями или владыками».

Чрезвычайно интересны и обитатели Орс-гарда. В сказаниях они именуются асами, т. е. жителями Асгарда. Принимая во внимание, что звуки «а» и «о» в скандинавских языках не имеют столь четких границ, как в русском, а представляют собой некий средний звук «э», а звук «р» вполне мог затеряться в процессе многовековых устных пересказов и переписываний, то и Асгард, видимо, вполне можно именовать как Орс-гард, а его жителей осами и орсами. Все жители священного города, согласно скандинавскому эпосу, конечно же, боги. На самом деле речь, скорее всего, идет о представителях родовой и правящей знати. Все асы-оры живут в своих персональных чертогах-дворцах и непрерывно выясняют между собой отношения, не останавливаясь даже перед заговорами. Здесь речь идет, скорее всего, о внутриполитической борьбе, свойственной любому государству во все времена. Интересно, что деда Одина звали Бури или Буря, что говорит не только о древнерусских корнях, но и о несомненной близости моря. Род Одина прибыл в Орс-гард из некоего города Трои (?), а по материнской линии род его восходит к роду Меннона, из чего следует, что речь, возможно, идет об эпохе матриархата. Жену Одина зовут Фгигга или Стригга. Дворец Одина именуется Валгалла. Между чертогами Орса есть священная роща Гласир с деревьями красно-золотого цвета. Там есть и некое священное дерево бук или дуб, которое поливают из священного источника богини-девы. Как нам уже известно, «дерево всех деревьев» – неотъемлемый атрибут острова Буяна, что же касается священного источника богини-девы, то в свое время тайне великого божества древней Севастопольской земли Девы мы посвятим еще немало строк. Пока же стоит лишь запомнить упоминание о ней в скандинавских сагах.

Неподалеку от Орса находится мост Биврест, горы Ущербной Луны и даже некий Берег Мертвых. Немного в отдалении располагалось и царство мертвых, почти идентичное древнегреческому Аиду, которое, по мнению ряда ученых, локализуется где-то в районе нынешней Керчи. Сын Одина по имени Локи (или Локай) большой храбрец, бретер и авантюрист. Другой сын вождя, по имени Тор, наоборот, самый надежный защитник города и, видимо,

предводитель дружины. Тор, как и подобает настоящему герою, борется с морским змеем, которого побеждает и топит в море. Есть еще в городе и начальник флота по имени Ньерд, живущий в чертоге с замечательным названием «корабельный сарай». Жена Ньерда зовется Скади. В отличие от своего мужа моряка она море не любит, так как сама родом с близлежащих гор. В конце концов, после долгих семейных скандалов, она оставляет мужа и возвращается в столь любимые ею горы к родителям. У флотоводца остается двое детей: сын Фрей или Орей, которому подвластны дожди, урожаи, богатство и солнечный свет. Что и говорить, Фрей-Орей весьма напоминает знакомого уже нам бога солнечного диска Хорса-Орса! Дочь моряка зовут Фрейя или Орейя. Она истинное воплощение красоты и богиня плодородия одновременно, а потому, как всякая знающая себе цену женщина, весьма своенравна и экстравагантна и ездит на колеснице, запряженной двумя кошками или леопардами. Кроме этих семейств, в Орс-гарде проживают: врачевательница Эйра или Ойра, юная дева Гевон, красавица с распущенными волосами Фулла, богини любви Севна и Ловна, умная и любопытная Вер или Вера и мудрая Сиотра. Некто Вар подслушивает людские клятвы и обеты. Сун охраняет чертоги властителей, а Гна скачет на коне по разным странам с новостями и письмами. Несколько в отдалении, на севере, в степи среди высоких трав живет молчаливый и нелюдимый земледелец – еще один сын Одина по имени Видар или Вино-дар. Живет в Орсе и маленький, но очень мудрый человек по имени Квасура.

Этот Квасура является автором многих хмельных напитков. Что касается орсгардского Квасуры, то он полностью идентичен древнерусскому богу хмеля и веселья Квасуре, также проживавшему где-то на острове Буян. Впрочем, орсгардскому Квасуре в жизни не слишком повезло. Во время каких-то очередных политических перипетий враги заманили его в засаду и убили. Есть еще в Орс-гарде и такие симпатичные боги, как Тюря и Брага. Имена этих богов говорят сами за себя и не нуждаются для русскоязычного читателя ни в каких переводах. Тюря – самый храбрый из храбрецов, он – бог победы. Брага – поэт, мудрец и весельчак, весьма любящий меды Квасуры. Жена Браги по имени Идуна хранит в своем ларце молодильные яблоки, которыми она периодически потчует местных богов, чтобы они не старели. Но ведь и молодильные яблоки – это тоже неотъемлемая часть древнерусских сказаний, кроме того, и они произрастают не где-либо, а также именно на острове Буяне.

Разумеется, что сегодня полностью идентифицировать Асгард и Орс мы еще не можем. Ныне Асгард ищут повсюду – от Приазовья до Средней Азии и Месопотамии, но все же явное присутствие невероятной схожести между Асгардом и Орсом, которые объяснить лишь случайным совпадением просто невозможно, говорит нам весьма и весьма о многом.

Из древнегреческих мифов явствует, что существовавшие в них богини Оры отвечали за смену времен года и заботились о колесницах главных олимпийских богов. Оры тоже имеют отношение к солнцу, ведь главной из божественных колесниц была колесница бога солнца Гелиоса. Не правда ли, этимологический ряд выстраивается довольно легко: Оры – Орс – Хорс... Да и смысл в нем имеется также достаточно нам знакомый: девы – город Солнца – бог солнца...

Подобные рассуждения вполне можно продолжить. К примеру, знаменитая «Велесова книга» именуется одного из божественных прародителей русского народа Ореем или Арием. И снова весьма многозначительная этимологическая цепочка: Арий – Орий – Орс – Хорс...

Сразу же возникает вопрос: богом чего был Арий? Рассуждая логически, можно предположить, что этот прародитель был, скорее всего, богом солнца, как и почти все верховные боги древних народов. Так, может быть, и Хорс – это тоже Арий? А это лишь еще раз дает возможность предположить, что нынешний Севастополь являлся когда-то Священным градом древних русов.

Итак, анализируя и суммируя все уже известное нам об Орсе-Корсуни, я считаю возможным изложить свою временную версию возникновения и развития этого города в так

называемый «доархеологический период», а также высказать свой взгляд и на по следующую историю Херсонеса.

Согласно древнеарийским ведическим священным текстам «Авесты» и «Ригведы» и арабскому сборнику «Маджал-ат-таварих», рождение города (поселения) Орса можно отнести к 7–3-му тысячелетиям до н. э. Островное положение Крыма обеспечивало ему, судя по всему, как неприступность, так и процветание.

Историк Древней Руси А. И. Асов ограничивает время возможного основания «города Солнца Херсониса» 3–2-м тысячелетиями до н. э. и даже приводит имя его возможного основателя. Асов пишет: «Древнегреческий историк Диодор Сицилийский (I век до н. э.) рассказал о первой известной ему царице амазонок Мирине, которая правила и воевала еще до Персея... Представляется, что имя Мирина вполне может быть производным от имени пра-родителя Имра, то есть быть славяно-киммерийским, что подтверждается и последующей историей амазонок, а потом сармат... Мирина... построила на берегах Тритонского озера, что рядом с Фригией (то есть на берегах Мраморного моря), город Солнца Херсонис. Наследником этого города стал Херсонес в Тавриде...» Однако более вероятно, что киммерийка Мирина все же основала именно тот Солнечный город, о котором ведем речь мы, а не некий никому не известный Херсонис на Мраморном море. Во всяком случае, время возможного основания Солнечного города, определенного Асовым, вполне укладывается и в наши временные рамки.

Затем, начиная со 2-го тысячелетия до н. э., происходит возможный постепенный исход части древних русов из Орса. Какая-то часть из них во главе с Одиным ушла на север, другая – на запад. Город постепенно приходит в запустение. О причинах исхода остается только догадываться. Может, это было связано с проходившим в то время очередным переселением народов, может, с природными катаклизмами. Вспомним страшное землетрясение в Черном море на рубеже 2-го тысячелетия н. э. Как бы то ни было, Гомер описывает по крайней мере два достаточно крупных города (а может и один, но весьма большой, так как он его именует «многовратным») в границах современного Севастополя, посещенных в XIII веке до н. э. Одиссеем. Об исходе русов с берегов Черного моря в этот исторический период повествует Мазуринский летописец и редчайшая Сулакадзевская Новгородская летопись, известная нам по копии Гавриила Державина: «Лета 3099 (что соответствует 2591 г. до н. э.) Словен и Рус с роды своими отлучашася от Ексинопонта и от роду своего и от братии и хождяху по странам вселенныя, яко крылатые орлы...» Однако, судя по всему, несмотря на периоды расцвета и упадка, Орс тем не менее все же продолжал свое существование и по-прежнему имел особое значение не только как порт и культурный центр, но и как место поклонения солнцу для наших далеких предков.

В IX–VIII веках до н. э. древние русы в силу каких-то причин вновь обращают свое внимание к Орсу и восстанавливают былое величие города. Возможно, «второе» рождение Орса было связано с гибелью знаменитой Трои (1262 г. до н. э.) – с крупнейшего города-порта древних русов неподалеку от Дарданелл. Лишившись Трои, древние русы начинают создание сразу нескольких новых портов, в том числе и воссоздают Орс. Упоминания о Корсуни за 838 и 983 года до н. э. со ссылкой на тексты «Ригведы» приводит академик В. Кандыба.

VIII веком до н. э. датирован и следующий текст «Книги Велеса»: «И вот явились за море и стали города строить Хорсунь и иные, затем возведенные. Но Русколань раздирали смуты, творившиеся на юге... Потому что тогда не хотели мы нашего породнения, чтобы русские (так в тексте. – В. Ш.) роды соединились... И те русы создали на юге град сильный Сурож, который не создать грекам». В тексте конкретно говорится не о том, что Хорсунь (Корсунь) не создавался и возводился как новый город, а именно восстанавливался как старый.

Весьма любопытные факты относительно нашей темы излагает и Геродот. Согласно ему, в конце VII века до н. э. скифы в течение почти тридцати лет безраздельно властвовали в Малой Азии, однако в конце концов были оттуда выбиты и вынуждены возвращаться в родные земли.

Геродот пишет следующее: «Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдерживать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Прежде всего, они отрезали свою землю, выкопав широкий ров от Таврических гор до озера Меотиды (Азовского моря. – В. III.), где оно было наиболее широко. Затем при всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву...»

Читая данный текст, возникает несколько вопросов. Во-первых, скифы почему-то возвращаются не просто в причерноморские степи, а упорно стремятся попасть именно в Крым, то есть туда, где, судя по всему, располагался политический центр их государственного образования. Во-вторых, Геродот, скорее всего, описывает не просто восстание «детей рабов», а гражданскую войну, где столкнулись партии «ветеранов» и «молодежи». При этом борьба шла, опять же, не за причерноморские степи в целом, а именно за Крым, то есть за политический центр и особые священные земли, которые в глазах скифов и характеризовали власть. И, наконец, самое любопытное то, как нападали скифы. Они почему-то упрямо штурмовали укрепления, воздвигнутые поперек Керченского полуострова. Почему они не обошли Азовское море и не ворвались в Крым через Перекоп, ударив своим противникам в спину? Неужели не догадались? В данном случае они, судя по всему, поступили правильно, так как сухопутного пути в Крым тогда, вероятно, просто не существовало, ибо Крым все еще продолжал оставаться островом и от материка его отделяла довольно-таки широкая полоса воды. Вполне вероятно, что в результате этой гражданской войны пострадал и Орс.

А еще два столетия спустя за Орс-Хорсунь развернулась долгая борьба между древними руссами и древними греками. Сокрушивши могучую Трою, греки приступили к постепенной колонизации Черноморского побережья. Естественно, что дошла очередь и до Орса. Последние раскопки в Херсонесе подтверждают приход греков на эту землю в V веке до н. э., хотя совсем недавно считалось еще, что они пришли туда лишь в IV веке. Историк древней Руси А. И. Асов говорит о том, что на рубеже III века до н. э. на территории нынешнего Севастополя имелись как минимум два города, населенных скифами или таврами. Это – ставка царя Хавбеи в районе нынешнего Инкермана и порт Палакион на месте современной Балаклавы. И то и другое полностью соответствует двум «многовратным» гомеровским городам в этих же местах, существовавшим еще в XIII веке до н. э. Однако из всех официальных описаний «рождения» Херсонеса следует, что прибыли греки на совершенно пустое место и сам процесс греческой колонизации был абсолютно мирным. Увы, на самом деле все обстояло совсем не так. Греки не обживали необжитые места, а захватывали уже обжитое. Это вполне естественно, так как все наиболее выгодно расположенные пункты были давным-давно освоены до них. Так же случилось и с Орсом. Борьба за обладание городом Солнца была, скорее всего, весьма длительной и проходила с переменным успехом, но в конце концов город и бухты остались за греками. И снова обратимся к текстам «Книги Велеса», описывающим события на берегах Черного моря в VI–V веках до н. э.: «И были воины у Карани (Корсуны?). И это великий град, а есть еще малый на берегах морских русских. И там был князь, который также велел бить элан и гнать их от Руси. И он снарядил рать и конницу и пошел на них, и боролся с ними. И элане плакали о печали своей и просили, чтобы им платить дань. И собирали с них дань – овец, свиней и вино... Когда наши пращуры

сотворили Сурож (обратите внимание, что имеется в виду лишь новостроенный Сурож, а не восстановленный Корсунь! – *В. III.*), начали греки приходить гостями на наши торжища. И, прибывая, все осматривали, и, видя землю нашу, посылали к нам множество юношей, и строили дома и грады для мены и торговли. И вдруг мы увидели воинов их с мечами и в доспехах, и скоро землю нашу они прибрали к своим рукам, и пошла иная игра. И тут мы увидели, что греки празднуют, а славяне на них работают. И так земля наша, которая четыре века была у нас (а это как раз IX в. до н. э. – время возвращения древних руссов в Орс! – *В. III.*), стала греческой. И мы сами оказались как псы, и выгоняли нас оттуда камнями вон. И та земля огречилась. И теперь мы должны были снова ее доставать, проливая кровь свою, чтобы она опять стала родной и богатой... Греция пришла на ту землю и села на ней, и не заботилась о Руси. И вот русы вынули мечи и напали на греков, и отогнали их от своих морских берегов. И тогда греки привели рати, защищенные железными бронями. И была сеча великая, и вороны там граjali при виде человечены, разбросанной по полю. И ели они останки... И ели они останки греческие, русские не трогая. Там мы защиту имели, так как боги не желали гибели русов... И там сражалось Солнце (т. е., видимо, Орс – Русь! – *В. III.*) с Месяцем (т. е. Грецией. – *В. III.*) за землю ту. И Небо сражалось за поле битвы, чтоб земля та не попала в руки эллинские, а осталась русской. И там плачет мать о детках своих, которые пролили кровь на поле сражения, и то поле стало русским... и земля та – наша из-за крови, пролитой мечами. И там говорили эллины нашему старшему князю, и поведали ему, что они не хотят ходить в землю непров, а также брать рабов, а желают лишь подчинить себе берега морские... И вот Сурож “огречилась”, и не будет она теперь русской. И там боги греческие. И тут и там мы поимели скорбь нашу, и мы побеждены чужими...»

Как известно из «Велесовой книги», древние русы так и не смогли примириться с захватом Корсуны. Может, именно этим и объясняется столь долгая ненависть к греческому Херсонесу мест ных скифов, явно имевших с последними какие-то родственные корни? Многовековую партизанскую борьбу вели с греками и местные жители тавры.

Вот так выглядела или, по крайней мере, могла выглядеть реальная древняя история Орса-Корсуны-Херсонеса с 7-го тысячелетия до V века до н. э...

Но продолжим поиски Хорса в ареале Херсонеса. Ведь его следы есть даже в классической древнерусской литературе! Открываем «Слово о полку Игореве». «Слово» повествует о том, как князь Всеслав на пути своего следования в Тьмутаракань «пересек путь Великого Хорса». Что это за путь, ученым до сегодняшнего дня толком не понятно. Существует целый ряд взаимно противоречащих друг другу версий. Однако думается, гадать здесь особо нечего, ибо в тексте все сказано именно так, как было. «Путь Великого Хорса» был не чем иным, как древней дорогой из центральных областей Руси до города Орса, той самой, по которой древние русы издревле ездили К-Орсу-ни. Разумеется, что это всего лишь авторское предположение, но то, что «путь Великого Хорса» явно связан с древним северным русским Причерноморьем, очевидно.

Известно, что на Руси издревле все самое лучшее и красивое именовалось «корсунским»: корсунские украшения, корсунская одежда... Считается, что термин этот появился после крещения князя Владимира в Херсонесе. Но так ли было на самом деле? Быть может, корни этого весьма загадочного для Руси эпитета следует искать в куда более отдаленных эпохах, в тех, из которых проступает сказочным видением легендарный город Солнца – Орс.

А теперь обратимся к древнеарийским текстам «Ригведы», которая совершенно неожиданно дает нам имя одного из первых возможных правителей легендарного города. Звали этого первоцаря... Персей! Судя по имени, этот правитель был идентичен знаменитому герою древнегреческих мифов Персею, победителю Горгоны и спасителю Андромеды.

Согласно одним греческим мифам, Персей являлся сыном Зевса и дочери царя Аргоса Данаи, согласно иным – сыном бога Солнца Гелиоса (в греческом варианте) и Орса-Хорса

(в древнеарийском). Для мифологии, где самым причудливым образом сплетены воедино реальные факты и вымысел, вполне логично, что реальный правитель города Солнца являлся одновременно именно мифическим богом Солнца. Именно солнечный бог, в соответствии с понятиями наших далеких предков, мог законно передать город своего имени своему же сыну в управление. Это более чем логично! В мифе о Персее указывается, что родился герой и царствовал на одном из островов. По линии матери известна и его родословная: дед – Акрий и прадед – Линкей. Может быть, перед нами сейчас таинственные имена вождей – основателей древнего Орса? К слову, древнегреческий миф о Персее даже сегодня признан специалистами одним из древнейших. Это тоже немаловажный факт, потому что сюжет мифа о Персее, возможно, был воспринят греками из более древней арийской мифологии. Интересно, что, зная о негреческих корнях Персея, древние греки именовали его не иначе как Персей Гиперборейский.

А вот мнение знаменитого древнегреческого поэта Пиндара:

Но ни вплавь, ни впешь
Никто не вымерил дивного пути
К сходу гипербореев —
Лишь Персей,
Водитель народа,
Преступил порог их пиров...
...Он убил Горгону,
Он принес островитянам
Ту голову, пестою змеиной гривой,
Каменную смерть.
И дивному вера есть, коль вершитель – Бог...

Какой же северный остров имел в виду Пиндар? Возможно, речь он вел именно о Крыме-Тавриде? Если все обстояло именно так, то тогда наша версия о Персее – правителе города Орса – получает еще одно подтверждение.

Учитывая эти очевидные северочерноморские корни подвигов арийского Персея, вполне логичным является и существование Персея – реального правителя-царя Орса, о чем и повествует нам «Ригведа».

Не менее интересна в связи с рассматриваемым нами вопросом и судьба младшего брата Персея. Согласно все той же «Ригведе», его звали Эт, и был он властителем земли на берегу моря и обладателем Золотого руна. Как не вспомнить здесь колхидского царя Ээта и поход аргонавтов.

Говоря о древнем Орсе, мы апеллировали в основном пока мифами и легендами. Ну а есть ли какие-либо реальные следы этого легендарного города? Эти следы есть! Если более пристально ознакомиться с характером раскопок на Гераклейском полуострове, то обнаруживаются и следы древнего Орса...

Начнем с того, что тот, кто хотя бы раз ознакомился с характером проводимых археологических работ в районе нынешнего Севастополя, не мог не обратить внимания на то, что вся гигантская территория полуострова сплошь покрыта остатками стен колоссальной каменной кладки. Дело в том, что весь полуостров некогда был густо застроен мощнейшими двух- и трехэтажными башнями, колодцами и каменоломнями. Вот оставленное нам первое описание Гераклейской земли, составленное академиком П. С. Палласом еще в 1794 году: «Кроме многих больших четырехугольных совсем разрушенных стен, окружающих четырехугольные и продолговатые поля и иногда образующие улицы, имеются одинаковых размеров сооружения, как бы указывающие на выселки-колонии. Повсюду встречаются оди-

ночные рассеянные здания из больших обтесанных камней, бывшие, быть может, башнями, построенными для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов».

Несколько десятков лет спустя не менее интересное сообщение оставил З. А. Аркас: «На всем пространстве и теперь видим в разных местах явные признаки первобытного поселения, как-то: остатки стен больших зданий, сложенных из больших камней и скрепленных между собой железными (на самом деле свинцовыми. – В. Ш.) полосами, циклопические работы; остатки обсервационных башен на курганах и возвышенностях, которые имеют по одной и более цистерн и колодцев, в коих некоторые и теперь держат воду, годную для питья; основания больших четырехугольных оград, заключающих в себе обработанную землю, на которых и доныне остались одичалые смоковницы и местами иссохшие виноградные корни огромной толщины; на гладком каменном грунте – основания параллельных стен, имеющих направление на восток и запад, на расстоянии трех саженей одна от другой, и между ними насыпана садовая земля; и, наконец, заметны и теперь фундаменты правильных дорог, две из которых начинаются от развалин древнего Херсонеса – до 6 верст длины при 4 саженях ширины».

Историки считают, что постройка всех этих сооружений принадлежит херсонесскому жрецу, гимнасиарху, стратегу и агроному Агасиклу, в честь которого и была некогда поставлена статуя. Не ставя ни в коей мере под сомнение вклад херсонесита Агасикла в создание стен вокруг пригородных виноградников, позволим себе, однако, усомниться в том, что это был результат деятельности одного лишь человека-руководителя, и вот почему.

Дело в том, что общий объем проведенных работ столь грандиозен, что его практически невозможно даже себе представить! Более четырехсот усадебных участков-клеров были обнесены высокими, выше человеческого роста, каменными стенами, каждая толщиной более метра. И это при том, что общая площадь все участков ни много ни мало, а десять тысяч гектаров! Кроме этого, на подавляющем большинстве усадеб имелись многоэтажные оборонительные башни и иные каменные постройки. Но и это не все! Уже подсчитано, что для обработки лишь одного участка земли необходимо было вырубить в нем в среднем 60 тысяч кубических метров скального грунта, а это значит, что всего было вырублено и обработано более 24 миллионов кубометров камня! Чтобы оценить всю «фантастичность» огороженного проекта, можно сказать только то, что нарубленного на Гераклейском полуострове для этой цели камня хватило бы на постройку как минимум пятнадцати пирамид Хеопса!

А теперь подумаем, мог ли это сделать в III веке до н. э. агроном Агасикл (а именно так датируют историки время возведения клеров)? Ведь к этому времени греки-херсонеситы только лишь начали по-настоящему обживать берега Гераклеи, а само их поселение было в это время пока еще достаточно небольшой колонией-полисом, во многом зависящим от своей основной метрополии. Откуда ж тогда могли взяться десятки и десятки тысяч рабов, которые бы в течение нескольких поколений проводили столь титанические и массовые работы? Почему столь гигантский труд не был замечен ни одним из древнегреческих историков, ведь ничего подобного нигде никто не делал? Как могли херсонеситы проделать такую работу всего за каких-то сто – сто пятьдесят лет с момента своей высадки в Гераклею, когда, во-первых, их и самих было не так-то много, а кроме этого, у первопоселенцев существовало и еще немало забот помимо возведения усадебных участков? Почему, наконец, ни одна из множества дошедших до нас херсонесских амфор и ваз не хранит на себе рисунки этого поистине всенародного труда, которым Херсонес мог бы по праву гордиться перед всеми другими греческими городами? Почему всего этого нет?

Да потому, что, скорее всего, никакого адского труда попросту не было! Как и не было десятков тысяч рабов, которых Херсонес просто бы не смог не только купить, но и просто прокормить! Все дело в том, что греческие переселенцы ничего не создавали. Они лишь

подправили и переделали на свой вкус то, что нашли здесь созданным задолго до них! Этим переделыванием уже сделанного, по всей видимости, и занимался агроном Агасикл.

Но кто тогда был истинным автором и создателем всей неподвластной воображению системы выдолбленных в скалах пригородных усадеб?

На мой взгляд, создателями столь затратного и многовекового проекта могли быть только жители древнего Орса. Если это так и есть на самом деле, то как же тогда несправедливо то, что живущие в нынешнем Севастополе и до сих пор ежедневно соприкасающиеся с реальными плодами труда своих отдаленных предков, и даже продолжая еще пользоваться ими порой, не имеют даже малейшего представления о тех, кто все это создал во имя потомков!

Но и это еще не вся правда об исчезнувшем, казалось бы, навсегда городе! Теперь пришла пора процитировать столь уважаемого патриарха мировой истории и географии древнеримского ученого Страбона, чья правдивость и скрупулезность в описании земель и происходивших на них событий хорошо известна. Что же он пишет по интересующему нас предмету? А пишет Страбон, рассказывая о Херсонесе, следующее: «В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом на расстоянии 100 стадий мыс, называемый Парфеносом. В святилище есть храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует ДРЕВНИЙ (выделено мной. – В. Ш.) Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, называется она бухтой Симболон».

Итак, Страбоном указывается конкретное место некоего города, который уже к началу нашей эры считался весьма древним и давным-давно полностью лежал в развалинах. Место его расположения, исходя из описаний Страбона, – нынешний мыс Мячный, самая выдающаяся в море часть Гераклейского полуострова, на котором располагается нынешний Севастополь.

Однако прежде чем совершить путешествие непосредственно на мыс Маячный, обратимся к отчетам последних археологических экспедиций Херсонесского музея-заповедника. Честно говоря, начиная поиск следов догреческих поселений на Гераклейском полуострове, я даже не предполагал, что их будет столь много! Насыщенность этих мест древнейшими догреческими поселками просто поражает воображение, ибо их десятки и десятки!

Охарактеризуем хотя бы некоторые из них. Вот следы некоего древнего поселения в верховьях балки Дианы. Остатки каменных сооружений говорят о прекрасных строительных навыках его жителей, ибо стены сложены из обтесанных камней. Хорошо видны швы гашеной извести между ними. У археологов есть веские предположения о наличии здесь некогда и значительных подземных сооружений. Там же было обнаружено немало кремневых орудий труда, а также орудий труда из рога и кости, осколков глиняных сосудов. Какие люди и когда жили здесь, археологи сказать пока не могут, а потому обнаруженное поселение отнесено ими к достаточно близкой катакомбной культуре. Неподалеку от остатков этого селения имеется весьма древний, явно догреческий могильник из девяти еще никем не исследованных курганов. Кое-где во круг этих курганов еще видна каменная кладка, что говорит о достаточно высокой культуре строительства.

Древние поселения обнаружены в районе нынешних Юхариной и Карантинной балок. В обоих случаях было найдено много керамики и сосудов со шнуровым орнаментом. Кроме этого, неподалеку от Карантинной балки имеется еще одна группа каменных курганов.

Сразу несколько древнейших поселений окаймляют нынешнюю Стрелецкую бухту. Там тоже было найдено много отщепов, макролитов и осколков сосудов. Небезынтересно, что там обнаружили осколки весьма самобытной древней лепной посуды со своеобразным гребенчатым орнаментом вперемешку с античной посудой. Археологи признают явно бро-

сающуюся в глаза необычность поселений вокруг бухты. Но что все это значит, пока сказать определенно не может, опять же, никто.

В районе балки Бермана имеются не менее загадочные захоронения, относящиеся сразу к нескольким культурам. Сегодня вопрос ставится о том, были ли разнесены эти культуры по времени или сосуществовали в один и тот же период.

Еще одна россыпь древних курганов расположена на северной стороне нынешнего Севастополя, у Братского кладбища.

Естественно, что столь густая плотность древнего заселения не могла остаться без внимания ученых. Однако ничего конкретного на сей счет они утверждать пока не могут. «Как сосуществовали кзил-кобинское и архаическое греческое поселения – пока не ясно, – признается в одном из своих печатных трудов сотрудник Херсонесского музея археолог Г. М. Николаенко. – Так как культурный слой времени, предшествующий основанию Херсонеса, бесспорно, еще не выявлен».

Весьма большое, протяженностью более полукилометра, поселение, относящееся к кзил-кобинской культуре, имеется в верховьях Камышовой бухты. Даже расположенная здесь некогда древнегреческая усадьба располагалась на куда более древнем мощном фундаменте. Кто и когда соорудил его, остается тайной.

Вообще, идентификация древних поселений – дело чрезвычайно трудное, а порой и практически невозможное. Вот что говорит по этому поводу известный историк Л. Н. Гумилев: «Возможности археологии ограничены. Эпоху можно определить удовлетворительно, но этнический состав – невозможно. Материальная культура перенимается соседями легко, ибо зависит от ландшафтных условий и уровня техники... Обряд погребения показывает культ, но ведь религия не всегда однозначно соответствует этносу... Представим себе, что археолог ХХХ века ведет раскопки на территории Ленинграда. Занимаясь посудой, он выделит “культуру глиняных горшков”, “культуру фарфора”, “культуру алюминиевых мисок”, “культуру пластмассовых блюдец”. При раскопках жилищ он разнесет по разным “культурам” дворцы в стиле ампира, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города, так правильно ли класть в основу этнической диагностики формы керамических изделий, а не способы жизни народов, то есть их взаимодействие с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов? Нет, у каждой науки есть своя сфера и свои пределы. Археология ведает “трусами вещей”, то есть памятниками. Археолог бессилен там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки. Надо искать иной путь».

Возможно, знаменитый историк излишне категоричен, однако главную проблему археологии – невозможность определения этноса – он обозначил точно, а потому, продолжая наш экскурс по раскопкам Гераклеи, будем иметь это в виду.

Несмотря на явное обилие древних городищ, все же самые главные сюрпризы исследователям приносит, разумеется, мыс Маячный, чья древность, как мы уже знаем, была более двух тысяч лет назад документально подтверждена Страбоном. Именно Маячный является крайней точкой Гераклеи. С одной стороны мыса бушует открытое море, с другой – тихая и спокойная Казачья бухта, представляющая собой два глубоко вдающихся в сушу залива, разделенных небольшим мысом Срединный. Территория нынешнего мыса Маячный в семь раз превышает территорию древнегреческого Херсонеса. Исходя из того, что в Херсонесе, по мнению ученых, никогда не жило более двадцати – тридцати тысяч жителей, то теоретически и на Маячном мысе могло проживать людей не меньше. Но и это не все!

Крымский археолог А. Щеглов, исходя из своих многолетних исследований, считает, что сегодняшняя линия моря у побережья Гераклеи находится на 3–4 метра выше, чем

тысячелетия назад. Из этого следует, что сегодняшние бухты – это нечто иное, как некогда затопленные устья балок. Разумеется, что весьма значительнее был в размерах и сам Маячный. Но если это так, то тогда безусловно большая часть здешних древнейших поселений к сегодняшнему дню давно оказалась под водой, а для их поиска нужны большие финансы, каковых сегодня, разумеется, ни у кого нет.

Однако и того, что осталось незатопленным, вполне хватает для серьезного разговора по интересующей нас проблеме.

Итак, если принимать на веру слова Страбона, то на Маячном действительно некогда располагался неизвестный нам древний город. С первого же взгляда следует признать, что место для него было выбрано весьма и весьма удачно. Дело в том, что нынешняя Казачья и расположенная рядом с ней Камышовая бухты прекрасно защищены от северных штормовых ветров и обеспечивают надежную стоянку кораблям. Во-вторых, эти бухты до нашего времени славятся обилием дичи и рыбы. Кроме этого, само расположение Маячного мыса из-за связывающего его с материком неширокого перешейка обеспечивает неприступность.

Что же сохранилось на Маячном на сегодняшний день? Прежде всего, сохранились остатки двойной крепостной стены, некогда надежно прикрывавшей мыс со стороны суши, перегораживая начало мыса от моря до бухты. На сегодня учеными достаточно хорошо изучен ее фундамент, состоящий из двух рядов поставленных на ребро плит и заполненных между собой более мелким камнем. Предполагаемая ширина первой стены более полутора метров, второй – несколько меньше. Обе эти стены еще во времена древнегреческого Херсонеса именовали не иначе как «толстые», чем явно подчеркивается их мощь и неприступность. Впереди стены иногда различимы и впадины некогда глубокого рва. Еще в 1910 году экспедицией археолога Н. Печенкина на Маячном мысу были найдены удивительные терракотовые статуэтки явно не греческого происхождения. Они изображали торс некой богини. Одни ученые пытались ассоциировать находки с Артемидой, другие с таинственной Херсонесской богиней Девой, культ которой был развит в Гераклее всегда.

Совсем недавно, в конце семидесятых годов, на мыске Срединный были обнаружены остатки небольшой крепости. С точки зрения классического Херсонеса, расположенного достаточно далеко отсюда, она совершенно бесполезна, так как не годится ни для защиты самого города, ни для защиты дачных участков-клеров, находящихся гораздо дальше в глубь Гераклеи. Однако она совершенно не бесполезна, если предположить, что некогда на Маячном мысу существовал древний город! Именно в этом случае крепость на Срединном была не только небесполезной, но и просто необходимой, так как прикрывала оборону города с фланга. К тому же крепость располагалась в самой высокой точке этого маленького мыска. До сегодняшнего дня сохранились остатки некогда весьма мощных стен и башни, а также глубокого рва, выдолбленного в сплошном скальном грунте. Здесь же рядом, в районе Камышовой бухты, совсем недавно под остатками древнегреческой дачи был обнаружен еще один довольно мощный слой некоего догреческого поселения, которое археологи именуют просто «раннетаврским». Обнаружены и остатки широких, выложенных камнем дорог, пересекавших мыс Маячный во всех направлениях. Во времена древнегреческого Херсонеса эти дороги были частично разрушены, а частично просто засыпаны. Камень из них пошел на сооружение дач-клеров. А вот как Г. М. Николаенко осторожно, но все же описывает неведомый ученому миру город: «Ранее Казачья бухта была несколько короче и мельче. Та ее часть, в которой ныне находится островок, где стояла фланговая башня восточной оборонительной стены, представляла собой ложе балки. Вероятно, именно здесь находились портовые сооружения, в том числе сухие доки и пакгаузы. Жилые и хозяйственные постройки поселка располагались ярусами на скальных террасах склона. Раскопки и визуальные наблюдения дают возможность утверждать, что... было не менее четырех рядов террас. Жители поселения обслуживали, по всей видимости, не только порт, но и маяк».

В настоящее время раскопки на мысе Маячный по-настоящему еще только начинаются, и как знать, какие сенсации они могут явить миру уже завтра! Возможно, погребенный под землей Маячного мыса и сокрытый волнами Черного моря легендарный Орс все еще терпеливо ждет прихода своих первооткрывателей!

Но вот пришла и нам пора расставаться с легендарным городом Солнца – Орсом. Исчез ли он так, что и сегодня археологи еще не нашли явных доказательств его существования? Вовсе нет! Как сказочная птица Феникс, восстающая из пепла, Орс превратился в таинственный Хрисополь, затем в Херсонес, а тот в свою очередь в сегодняшний Севастополь, являющийся древней прародиной русского этноса.

И все же странно, почему мы упорно стремимся жить с обрезанным историческим представлением. Историю своего Отечества мы почему-то искусственно ограничиваем временами правления Рюрика, а ведь и до него были века и века русской государственности. Причем историки знают не только имена десятков древних правителей Руси, но даже даты их правлений. История Севастополя – это всего-навсего фрагмент большого целого, хотя и весьма характерный. Так, может, наконец пришла пора перестать исчислять историю Севастополя всего лишь двумя веками? Слов нет, за это время на Севастопольской земле произошло много славного и героического. Это был ударный аккорд долгой жизни Орса-Хрисополя – Леденца-Херсонеса-Севастополя, но всего лишь заключительный! А сколько подобных потрясавших весь мир аккордов было на этой земле до этого!

Геракл, Одиссей и иже с ними

*Лучшая поросль Земли, самородный и
неукротимый,
Подвигов ты двенадцать пронес от востока на
запад.*

Из орфического гимна Гераклу

Еще не было ни Севастополя, ни Херсонеса, но полуостров, на котором начали возводиться первые жилища греческих переселенцев, уже был освоен именем самого великого из древнегреческих героев – Геракла. А следом за этим и само место поселения перебравшихся на берега Тавриды греков получило имя Гераклеи.

Почему же столь громкое и славное имя получил именно этот в то время, казалось бы, еще ничем не знаменитый гористый полуостров между нынешними Севастопольской и Балаклавской бухтами? Версия на этот счет, впрочем, существует. Суть ее в том, что греки-переселенцы прибыли на землю Тавриды из Гераклеи, города-полиса на южном берегу Черного моря. Однако мне кажется, что не все так просто объяснимо, и относительно возникновения названия полуострова у меня есть и собственная гипотеза. В одном из древнегреческих мифов сказано, что Геракл, не угодив своему тогдашнему повелителю, был сослан на несколько лет в далекую Тавриду. Там он пас быков, женился на местной царице и даже стал отцом мальчугана по имени Скиф, явившегося впоследствии легендарным основателем всего скифского племени.

Но где именно пас своих быков в Тавриде Геракл? Гипотез на сей счет немало. Среди них есть даже самые фантастические, в том числе и такая, что Геракл занимался скотоводством не где-нибудь, а на острове Хортица, и от него пошел весь род запорожский. Но зачем Гераклу было тащиться через многочисленные пороги на Хортицу? К тому же греки никогда не олицетворяли тамошние места с Тавридой, понимая под последней прежде всего нынешний Крым. Кроме того, лучшим подтверждением пребывания Геракла именно в Крыму служит и вся последующая история этих мест, буквально пропитанная духом героизма. И не потому ли из всех знаменитых древнегреческих героев-полубогов херсонеситы более иных чтили именно Геракла?! В его честь создавались статуи и сооружались храмы. А потому, как мне кажется, совершенно неслучайным оказывается и пребывание на здешней земле Геракла. Ведь кому, как не ему, первому герою древнего мира, дано было вдохнуть в здешние скалы тот дух мужества, который мы ощущаем и поныне.

Как ни в одном ином городе, в честь любимого героя херсонеситы обожали называть своих сыновей. Кого здесь только не было: Гераклиты и Гераклиды, Гераклиодоры и Гераклионы!

Еще одна небезынтересная деталь. На херсонесских монетах Геракл почти всегда изображен с палицей в руках и рядом с быком-тавром. Но ведь тавры – старейшие из известных нам ныне жителей нынешней Севастопольской земли, а таврами названы, скорее всего, по имени своего тотема – быка. Так, может быть, монеты с изображением Геракла и быка были в свое время призваны обозначить принадлежность великого героя Древнего мира именно к этому тотему?

Но вернемся к Гераклу. Итак, если он некогда и пас своих быков, то занимался он этим, скорее всего, именно в Крыму, да только ли пас, а может, занимался еще чем-нибудь более приличествующим великому герою. Обращаясь к топонимике, которая, как известно, как никакая другая наука хранит память прошедших веков и эпох, мы обнаруживаем, что на всем

Крымском полуострове, то есть в гомеровской Тавриде, имя Геракла носит лишь одно место – Гераклеяский полуостров. А почему бы не предположить в силу этого наиболее вероятным присутствие первого героя Эллады именно на месте нынешнего Севастополя? Попробуем еще раз внимательно прочитать знакомые нам еще со школы рассказы о подвигах Геракла.

Вот четвертый подвиг героя – ловля Керинейской лани. После года преследования Геракл настигает ее во владениях Артемиды, на так называемой земле гипербореев. Позднее еще буду подробно говорить об особом культе Артемиды в Тавриде. Так что ловля Керинейской лани в Крымских горах – вполне возможная историческая реальность.

Пятый подвиг Геракла – знаменитый бой героя с кентаврами. Но кто такие эти кентавры? Мифы рисуют нам некое чудовище получеловека-полулошади, слившееся воедино. Сказка? Совсем нет! Более того – сущая правда! Кентавры – это не кто иной, как конные тавры, ибо «кен» по-гречески сегодня – «конь». Владевшие в совершенстве искусством верховой езды тавры казались древним грекам слившимися со своими конями воедино, разумеется, в переносном смысле. Миф однозначно говорит о ссоре Геракла с отрядом конных тавров. Где она могла происходить? Опять же, скорее всего на берегах Тавриды. Причина ссоры тоже вполне понятна – размолвка во время пира и последующие отношения. При этом часть тавров в нем выступает на стороне Геракла. Среди них и мудрый Фол (или Фоал), друг Геракла. Кстати, в других древнегреческих мифах есть упоминание о царствовавшем в ту историческую эпоху грозном царе тавров Фоанте. Не правда ли, сразу возникает мысль о схожести имен Фоал и Фоант? Кстати, здесь нелишне будет вспомнить и о совершенно ином мифе – о Минотавре. Но ведь «минот» в переводе с греческого – это бык. Так, может, изначально речь в рассказе шла просто о некоем тавре, выходеце с Крымской земли, обладавшем исполинской (т. е. бычьей) силой. Версии того, как и почему мог он оказаться вдали от своего отечества на Крите, уже выходят за рамки этой книги.

Рассказывают мифы и еще об одном тавре – кентавре Хароне, который являлся учителем Геракла и обучил его меткой стрельбе из лука и верховой езде.

Вот перед нами девятый подвиг Геракла – плавание в страну амазонок за поясом царицы Иполитии. «...Долгий путь предстоял Гераклу с друзьями. Они должны были достигнуть самых дальних берегов Эвксинского Понта. Там находилась страна амазонок...» Большинство ученых сегодня определяют ареалом возможного существования сарматского племени амазонок берега Азовского моря, а в какой-то период времени даже берега Тавриды. Естественно, что, плывя к воинственным женщинам, Геракл, скорее всего, вновь посетил уже знакомых ему тавров.

В одиннадцатом подвиге Геракл убивает неусыпного стража Тартара Цербера. Но ведь известно, что в греческой мифологии Тартар отождествлялся в большинстве случаев с Тавридой. Если это так, то тогда перед нами еще одно подтверждение того, что Геракл посещал эту землю!

И, наконец, последний из подвигов – поиски золотых яблок Гесперид. Есть мнение, что в поисках этих весьма экзотичных фруктов наш герой отправился к Гибралтару. Но посмотрим на этот вопрос по-другому. В мифе сказано, что Геракл долго блуждал по Европе и Азии, обойдя в поисках заветного сада все страны. При этом в одном эпизоде он борется с вешим морским старцем Нереем. Но ведь Нерей – вполне конкретное морское божество – это морской бог Эвксинского Понта, то есть Черного моря. Значит, Геракл, борясь со штормами, добирался к какому-то из черноморских берегов, но куда именно? Идем далее. На краю земли Геракл находит Атласа, обреченного вечно держать на плечах небесный свод. Далее Геракл легко обманывает простодушного Атласа и овладевает яблоками. Но ведь Атлас был титаном! А ведь, согласно повелению Зевса, титаны были обязаны отбывать свое наказание именно в Тавриде. Значит, Геракл вновь посетил Крымскую землю? И сколько же всего раз он был там? Три? Пять? Десять? А может, он вообще не покидал ее... Вот теперь-то,

кажется, становится понятным и само название Гераклейского полуострова как места проживания или неоднократного посещения самым великим героем Древнего мира и кроме этого, видимо, особо им любимое.

Прочтя все вышеизложенное о Геракле, невольно возникает крамольная мысль: а может, главный герой античного мира и вовсе был уроженцем и жителем Тавриды? Может, именно поэтому он и совершил здесь большинство своих подвигов? Может, именно отсюда и пошла слава о великом герое и вожде местного народа, достигшая уже затем через греков-посланцев непосредственно самой Греции? Фантастично? Невероятно? Но вот, однако, перед нами версия нашего современника писателя-историка Ю. Д. Петухова: «Главный герой древнегреческой мифологии, бесспорно, Геракл. Но и он отнюдь не грек. Само имя состоит из двух частей: Гера – и – клеос. Первая часть с греческого не переводится, но (в переводе на древнерусский) означает “Яр”, “Ярый”. Вторая часть вполне переводима: “клеос” – “слава”. Здесь мы должны заметить, что по строгим законам лингвистики из слова “клеос” слово “слава” не могло образоваться. А вот наоборот – могло. То есть греческое “клеос” имеет славяно-русское происхождение и дано было грекам от древнейшего населения славян-русов. Само имя прославленного героя-витязя звучало первоначально “Ярослав” и лишь спустя века было трансформировано греческими сказителями в Хара – клеос – Хераклеос – Геракл. К примеру, можно сказать, что имя славянского бога Яровита в западных хрониках упоминалось как Геровит».

Впрочем, данная последовательность образования имени Геракла могла иметь и еще одно весьма важное для нас изначальное звено, в честь которого (как знать!) и был некогда назван легендарный герой! Вспомним, что Яр – это не что иное, как Солнце-Ярило. Тогда вполне закономерна и гипотетическая цепь: Орс – Хорс – Хара – клеос – Хераклеос – Геракл... Что ж, не так уж и невероятно, если предположить, что Геракл был уроженцем древней таврической земли. Тогда и имя его могло значить изначальное не только «славящий Солнце», но и «славящий город Солнца»! Излишне говорить, что такое почетнейшее имя-прозвище мог получить человек, свершивший нечто особо великое для своей земли, для своего города. И сегодня у греков слово «герой» звучит именно как «херос». Да и по внешнему виду Геракл, как и весь сонм олимпийских богов, совершенно не похож на смуглых темно-волосых греков. Он «златокудр» и голубо глаз. Даже по наружности Ярослав-Геракл скорее древний русс, чем грек-ахеец. А потому не будем торопиться и подождем новых исследований в этом направлении. И как знать, может быть, когда-нибудь будет однозначно доказано, что Геракл – первый великий герой не только античного мира, но и Священного города!

Ныне существует даже целая наука – теогония как анализ совокупности мифов о происхождении богов. Нет ничего более увлекательного и в то же время сложного, чем заниматься теогонией!

Говоря даже о, казалось бы, неплохо известных нам греческих богах и героях, необходимо помнить один из основных постулатов теогонии, что отправление древних религиозных культов никогда не было однообразным. Каждый полис и даже каждый храм правил его по-своему, а потому, например, мифы о Геракле в Тавриде несколько отличались от мифов материковой Греции. Если уж такие относительно молодые религии, как христианство и мусульманство, уже давным-давно распались на множество почти самостоятельных направлений, то что тогда говорить о древнем язычестве?

А потому, ведя рассказ о пребывании античных богов и героев на Таврической земле, я стремлюсь выбирать из необъятной массы даже порой противоречащих друг другу мифов и легенд прежде всего те, которые подтверждают факт их нахождения там. В этом нет никакой подтасовки, ибо именно эти мифы родились, вероятнее всего, именно на Крымской земле, а значит, именно они имеют в отношении нее наибольшую достоверность.

Еще одна занятная деталь исторической загадки, связанной с Гераклом. Согласно родословному древу русских языческих богов, принадлежащих к лунной династии, среди прочих имелся и некий Геракл-Зарян. Имя этого бога для нас более чем интересно, так как сочетает в себе имена Геракла и девы Зари Заряницы. Это весьма необычное, но многозначительное единство двух имен мы запомним для нашего будущего разговора о самой большой тайне Севастопольской земли – тайне богини Девы. Однако и сам малоизвестный бог Геракл-Зарянин преподносит сюрприз, да еще какой! Дело в том, что согласно родословной, Геракл-Зарян женат на богине Руде, происходящей из города Ящеров. Здесь можно проследить аналогию со скифской царицей-змеей, на которой был женат уже не русский, а древнегреческий Геракл. Сыном же нашего Геракла-Заряна и его жены Руды-Ящеровны был, согласно гипотезе А. Асова, не кто иной, как бог Рус! Здесь, как говорится, все комментарии излишни...

Однако, начав разговор о Геракле, мы лишь приоткрыли одну страницу великой книги тайн и загадок, которые непроницаемым покровом скрывают древнюю историю этой земли, и далеко не последнюю.

Кто из читателей, хоть немного увлекавшийся древней мифологией, не слышал легенду о древней скиталице Ио? К прекрасной девушке однажды воспылал страстью сам громовержец Зевс. Чтобы спрятать ее от своей ревливой и всевидящей жены Геры, Зевс обращает Ио в белую корову. Но хитрая Гера быстро разгадывает загадку, завладевает коровой и велит ее сторожить тысячеглазому Аргусу. Тогда Гермес по наущению Зевса убивает камнем Аргуса и освобождает Ио. Но и Гера начеку. Она немедленно насылает на Ио гигантского овода, и тот начинает беспрестанно жалить обращенную в корову девушку. Ио бросается в бега. Преследуемая оводом, она в конце концов достигает земли скифов, гипербореев и киммерийцев. Об этом рассказывает нам такой авторитет Древнего мира, как Аполлодор. Вне всяких сомнений, что под землей скифов, гипербореев и киммерийцев имеется в виду именно Крым. Там Ио встречает и прикованного к скале Прометея. О самом Прометее мы поговорим несколько ниже, пока же скажем, что именно он предсказал девушке ее высокую судьбу, о том, что девушка станет родоначальницей многих племен и героев, в том числе уже знакомых нам Персея и Геракла.

Во встрече Ио с Прометеем и в его предсказании есть много неясного. Попробуем в этом хоть немного разобраться. Для начала отметим, что встреча Ио с Прометеем была вовсе не случайной, как ничего не бывает случайного в мифах! А теперь зададимся вопросом: куда стремится человек в минуту смертельной опасности? Ответ здесь только один: туда, где может найти спасение! А потому и Ио, судя по всему, спешила к Прометею, на продуваемые ветрами скалы, совсем не случайно. Согласно одному из мифических вариантов, Прометей приходился ей двоюродным дедом, так как родной дед Ио, титан Иапет, был родным братом Прометея. Согласно же Плутарху, Прометей был и вовсе родным отцом Ио. Нет, вовсе не случайно рассказывает терзаемый страшными болями Прометей своей внучке или дочке о тех, кто станет некоторое время спустя гордостью и знаменем Крымской земли, на которой сам Прометей пролил свою кровь и пережил столько мучений! Все имеет свою причинно-следственную связь. Имеют такую связь с Крымской и Севастопольской землей, как и между собой, Персей, Геракл, Ио, Прометей и те, о ком наша речь еще впереди.

Однако при чем в нашем рассказе Прометей, ведь литература, кажется, уже убедительно сообщила нам, что местом его ссылки был Кавказ? Однако не будем торопиться, а попробуем еще раз во всем разобраться!

Для начала еще раз вспомним дошедший до нас миф. Титан Прометей, один из самых древних богов – героев древнегреческой мифологии, взбунтовался против властителя Олимпа Зевса. Украд божественный огонь, Прометей передал его людям. Не ограничась этим, он научил людей сельскому хозяйству, постройке морских судов, открыл тайну многих ремесел, обучил грамоте и письму. Всем этим он поколебал людскую веру во власть Зевса.

Разгневанный властитель Олимпа велел в наказание богу огня и кузнечного дела Гефесту приковать Прометея к высокой скале на берегу моря. Каждый день к этой скале прилетал гигант ский орел и клевал печень прикованного титана. За ночь печень восстанавливалась, и на следующий день все повторялось вновь. Муки Прометея продолжались несколько тысячелетий, пока Геракл по приказу Зевса не убил терзавшего Прометея орла.

Мы знаем, что мир наш беспечен,
И наши не вечны тела,
Но слава подставившим печень
Под когти кривые орла...

Но где же могла находиться скала, к которой, как гласит легенда, был прикован взбунтовавшийся титан? Естественно, что где-то на краю тогдашнего мира, там, где, по мнению древних греков, было наиболее страшно и дико. Все древнегреческие источники утверждают однозначно: скала Прометея находилась на побережье Понта Эвксинского. Ведь даже аргонавты, едва вступив в его воды, сразу же услышали стоны прикованного гиганта. Однако дальше мнение о более конкретном местонахождении легендарной скалы расходится. Ряд источников говорит, что скала находилась на кавказском берегу. Согласно другим легендам, Прометей был прикован на берегу Скифии. При этом «скифская» версия выглядит более предпочтительной. Почему? Прежде всего, потому, что на Кавказе никогда не был освободивший Прометея Геракл. Как известно, Геракл начинал плавание вместе с аргонавтами к берегам Колхиды, но с полпути был якобы возвращен Зевсом обратно в Элладу. Кроме этого именно на «скифской» версии настаивал и столь авторитетный древнегреческий автор, как Эсхил, живший в VI–V веках до н. э. Древние Схолии (так именовались у греков словесные описания путешествий) гласят следующее: «Нужно знать, что Эсхил представляет Прометея прикованным не на Кавказе, <...> а у европейских пределов Океана, как можно заключить из слов его к Ио». В самой же трагедии «Прикованный Прометей» Эсхил пишет так:

Ну, вот мы и на месте, у конца земли,
В безлюдном СКИФСКОМ, дальнем и глухом краю.
Пора, Гефест, исполнить, что наказано
Тебе отцом, и святотатца этого
К скалистым здешним кручам крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.
Твою ведь гордость, силу всех ремесел огонь
Похитил он для смертных.

Но где в Скифии-Тавриде имеются высокие прибрежные скалы, у подножия которых билось бы море и сам вид которых вы звал бы у древних греков страх и ощущение того, что они и в самом деле достигли крайних пределов земли? Восточный и западный берега Крыма достаточно пологи. Наиболее гористой является юго-западное побережье полуострова от Севастополя до мыса Сарыч. А Гераклея, полуостров, образованный нынешними Севастопольской и Балаклавской бухтами? Ведь именно здесь скалы подходят наиболее близко к морю. Так, может, именно в честь победы Геракла над орлом и назван был этот небольшой гористый полуостров?

Херсонес возник здесь многим позднее мифических времен. Но логика и здравый смысл подсказывают, что Прометеева скала, скорее всего, находилась где-то неподалеку от него. Почему? Прометей был любим и чтим древними греками, а потому вполне можно предположить, что и первые переселенцы, зная о нахождении места, где страдал их герой,

постарались поселиться как можно ближе к нему. Возможно, этим местом являлся мыс Фиолент. Крутой двухсотметровый обрыв внушает страх и сегодня. Здесь был простор и для прилетающего орла, да и сам титан был, согласно тем же мифам, отнюдь не маленьких размеров, так что и скала для него должна была быть соответствующая. К тому же, как говорит миф, под ногами прикованного Прометея плескали волны. Сюда к нему иногда приплывал вещий старец Океан и дочери его, океаниды. Тот, кому довелось побывать на мысе Фиолент, без труда может все это себе представить. Разумеется, что в каждом из мифов есть большая доля вымысла, но в каждом из них есть и фактическое здоровое начало. Вспомним хотя бы Шлимана, отыскавшего легендарную Трою, точно следуя гомеровской «Илиаде». Думається, что и древние греки отнюдь не случайно поместили Прометея (как мы узнаем далее, не только его!) на побережье нынешнего Севастополя. Не зная всей священной предопределенности этой необыкновенной земли, они все же сразу же почувствовали ее явно сильно выраженную героическую ауру. Ну а что может означать само имя Прометей? Приставка «про» понятна сразу. А что такое понятие «метей» или «мета»? По-старорусски «мет» означает не что иное, как «мысль». Именно от этого слова, видимо, произошли: «сметливый» и «сметка», «смекнуть» и «смекалка»... В этом случае имя Прометей означает не что иное, как Промысел, то есть человека, чья созидательная и преобразующая жизнь мысль несет благо людям! Если поверить в пребывание Прометея именно на скале мыса Фиолент во владениях древних русов, то тогда мы имеем все основания считать Прометея и первым героем этой земли. Да каким героем! Героем, который дал человечеству все то, чем оно пользуется и поныне. Может, именно с отчаянной непокорности Прометея, с тех долгих тысячелетий, которые он провел прикованным к севастопольским скалам, и началась в этих местах та нескончаемая цепь удивительных и героических событий, которая продолжается и поныне.

Но и с освобождением Прометея мифическая героика этих мест отнюдь не прекратилась. Именно сюда отсылает Зевс некогда побежденных им титанов, вернув их из мрачного Тартара. Но ведь титаны – это целое племя гигантов-героев, тех, кого и всемогущий властитель Олимпа одолел с немалым трудом. И это племя было расселено им именно на побережье Скифии в Тавриде. Еще один посыл мифологии, по которому нам предстоит осмыслить еще один факт признания необычности тех мест, и попытка древних греков как-то объяснить эту явную необычность, которую они хорошо ощущали.

В древних мифах есть предузнаванье
Всех путей и всех побед ума,
Так воображение заранее
Предрекло ученые тома...

Кто не слышал о классическом мифе, повествующем о легендарном походе аргонавтов. Чего стоит только перечень участвовавших в нем древних героев: Язон и Тессей, Кастор и Полидевк, крылатые полубоги Аланд и Зет, Меленагр и Анкей, Адмет и Теленон, наконец, знаменитый певец Орфей. До нынешних дней на тему подвига аргонавтов пишутся научные трактаты и приключенческие романы, ставятся пьесы и снимаются кинофильмы. Настоящие герои всегда волновали человеческие сердца!

Безусловно, на самом деле знаменитый поход был менее романтичен, чем остался в народной памяти. Кроме явно разведывательных целей, он имел и чисто пиратские – грабеж богатой Колхиды. Удивляться, впрочем, здесь нечему. В ту далекую от нас эпоху понятие «мореплаватель» было практически неотделимым от понятия «пират», и это не только никого не смущало, а, наоборот, считалось лучшим доказательством доблести.

Известно, что к Колхиде знаменитый «Арго» шел южным путем мимо нынешнего побережья Турции. В ту пору мореходство еще только зарождалось, и все стремились пла-

вать лишь в пределах видимости берега – так легче было ориентироваться, да и спастись в случае непогоды. Для такого плавания существовал даже специальный термин – периплус. После всех своих приключений в Колхиде для своего возвращения аргонавты избрали иной маршрут, вдоль берегов Скифии и Тавриды, направляясь к устью реки Истр (это, скорее всего, по мнению историков, нынешний Дунай). Маршрут выбран был прежде всего для того, чтобы запутать разъяренных колхов, которые кинулись в погоню за похитителями драгоценного руна. Но колхи, разгадав маневр «Арго», также повернули не на юг, а на север. Но и здесь греческие герои обманули своих преследователей! Плывая вдоль Тавриды, они укрылись в одной из бухт, и колхи проследовали мимо, так их и не обнаружив. Так где же могли укрыться обладатели руна, причем укрыться так, чтобы преследователи не смогли их отыскать? Таких бухт на южном побережье Крыма лишь две: Севастопольская и Балаклавская. Балаклавская, закрытая утесами со стороны моря, вообще практически не видна, что же касается Севастопольской, то в лабиринте ее бухт и бухточек маленький одномачтовый «Арго» также мог вполне затеряться. Разумеется, что и это всего лишь версия, но версия, имеющая под собой вполне веские основания, и если она верна, то Гераклеяская земля укрыла и спасла от неминуемой гибели целую плеяду лучших героев Древней Эллады. Может, именно потому культ участников этого плавания полубогов братьев Диоскуров был впоследствии особо почитаем как по всему греческому Черноморью, так и особенно в Херсонесе.

При этом, говоря о посещении таврического побережья аргонавтами, также необходимо знать, что в эпоху аргонавтов Черное море представлялось древним грекам таким же океаном, как Атлантика, причем Атлантика была отделена от Срединного моря Геркулесовыми столбами, то есть Гибралтарским проливом, а Черное море – Геллеспонтом, то есть Дарданеллами. А потому греки зачастую называли Черное море Понтом, то есть просто Морем. Естественно, что Колхида, расположенная на удаленном берегу Понта, была для ахейцев самым краем обитаемого мира. Но еще более страшными и неизвестными были для них дикие северные берега Понта – Таврида, где климат был достаточно суровым.

Скажи, Улисс, о чем поют сирены,
Чем песня их пьянящая манит,
Секут волну, как кварц сечет гранит,
Когда над мачтой, наклоненной низко,
Несется тучи сумеречной дым,
И снова Понт становится Эвксинский
И негостеприимным и седым!

Согласно мифам, именно туда направляются самые великие боги-герои: от терзаемого орлом Прометея и его спасителя Геракла до аргонавтов, избравших северный путь в надежде испугать своих преследователей. Следуя тогдашним рассуждениям греков, простым смертным в тех краях было просто не выжить, особенно в самой скалистой части Тавриды – Гераклеее. Там могли совершать подвиги лишь величайшие из героев!

Напрашивается вывод, что, согласно греческой мифологии, земля будущего Севастополя уже изначально существовала не как место обитания простых людей, но как земля пребывания исключительно героев эпоса. Древние греки еще тысячелетия назад предугадали, а может, даже ощутили по каким-то неизвестным нам признакам необыкновенность этой далекой земли и в своих мифах донесли до нас свою веру в ее великое будущее.

Вот еще новые мифы и новые доказательства возможной правоты нашей формулы о необычности нынешней Севастопольской земли. Как оказывается, не миновал ее и первый мореплаватель древности, отважный воин и многохитростный царь Итаки Улисс – Одиссей.

Среди ученых ныне бытует несколько версий относительно возможного маршрута путешествия Одиссея. Часть из них считает, что Одиссей плавал по Средиземному морю, иные, что он ходил к Англии, есть такие, что настаивают: великий греческий путешественник достигал берегов... Америки. Однако большинство ученых все же сходятся на том, что Одиссей имел конечной целью своего плавания богатые добычей города Черноморского побережья.

К слову отметим, что отцом Одиссея был царь Итаки Лаэрт, который в своей молодости совершал плавание с аргонавтами в Колхиду. Может, именно поэтому и маршрут плавания, и его цели были не только понятны, но и желанны Одиссеем. Сегодня подавляющее большинство исследователей его плавания пришли к выводу, что он посещал окаймляющую Гераклейский полуостров Балаклавскую бухту. Трудно где-либо найти еще одну такую же, столь явно соответствующую описанию, бухту в десятой песне гомеровской «Одиссеи»:

Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов
Ламосу... В славную гавань вошли мы: ее образуют утесы;
Круто с обеих сторон поднимаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн
Море торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную гавань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.

На «балаклавской» версии настаивал и такой известный знаток античности, как академик К. М. Бэр. Но Балаклавой эту бухту назовут многим позднее. Древние греки звали ее иначе – Сюмболон-лимне, что означает бухта Символов, бухта Предзнаменований... Есть, впрочем, мнение, что и это название досталось грекам в «наследство» от тех народов, которые жили здесь ранее, может, от тех же этрусков или от тавров, отражавших на здешних берегах нападения многочисленных пиратов. Для нас небезынтересно и весьма неожиданное упоминание Гомером «многовратного града» на берегу бухты. Значит, существовал большой город тавров? Что это был за город? Имел ли он какое-то отношение к древнему Орсу?

Не меньше вопросов возникает и в связи с наименованием самой бухты. Какие символы и предзнаменования увековечили в названии бухты местные жители? Что необычного и необъяснимого могли увидеть они? Какие предначертания будущих судеб внушала им неповторимая Балаклавская бухта? Может, то было предсказанием нелегкого, но героического будущего их народа, а может, предначертанием особого места в истории великого будущего самой этой земли.

Если принимать версию академика К. М. Бэра о посещении Одиссеем Балаклавы, то сразу же возникает закономерный вопрос: куда же поплыл после столкновения с таврами царь Итаки со своими немногими оставшимися в живых спутниками? Внимательное ознакомление с поэмой сомнений не оставляет – путь последнего корабля уничтоженной таврами флотилии лежал на запад, ведь уже в следующей, одиннадцатой, песне Одиссей совершает проход между Сциллой и Харибдой, то есть форсирует Босфор.

Но в тексте «Одиссеи» значится и другое: последний корабль многохитростного царя Итаки, бежав от лестригонов, буквально в этот или на следующий день зашел в удобную необитаемую бухту. Далее Гомер пишет, что путешественники там двое суток отдыхали, то есть попросту приходили в себя от пережитого.

К берегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.

На берег вышел, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей?
Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел...

Итак, «тихая пристань», дарованная богом в нескольких часах хорошего хода на веслах на запад от Балаклавы. Что еще известно о ней? Из дальнейшего текста становится ясно, что помимо крутых утесов, которыми окружена бухта, в глубине ее имеется «студеная река», болото, поросшее камышом, небольшой пляж, вдалеке виден лес. Рядом с речкой имеются и многочисленные пещеры. Именно там воины Одиссея будут впоследствии прятать награбленные в Трое и в иных местах сокровища. Что интересно, Гомер говорит о том, что мореплаватели высадились не на материк, а на некий остров Эя. Там же по его утверждению располагается порт и город, носящий такое же название – Эя. В этом городе жила некая правительница-жрица Цирцея. Значит ли это, что и он считал Крым островом? Как бы то ни было, но все вышеперечисленные данные указывают на одно: корабль Одиссея вошел в Ахтиарскую бухту, которую ахейцы обнаружили совершенно случайно и которая стала для них настоящим даром небес. Дойдя до самого устья бухты, они высадились у нынешнего Инкермана. Это может показаться невероятным, но Одиссей целый год жил на земле нынешнего Севастополя, бродил по инкерманским скалам и купался в Черной речке! Но ведь именно только там имеются все описанные в поэме признаки местности: утесы и пещеры, пляж и река, болото и лес. Далее рассказ Одиссея повествует о встрече с богиней Цирцеей. Мотивы рассказа о Цирцее достаточно явно перекликаются с мотивами истории пребывания неподалеку на мысе Феолент девы жрицы Ифигении. Тем более что и Одиссей, и Ифигения жили в одну историческую эпоху и даже были знакомы. Поэтому вполне возможно, что миф о Цирцее просто-напросто предшествовал мифу об Ифигении, причем в обоих случаях привязка по месту очевидна.

Но и это не все! Цирцея, согласно мифологии, являлась дочерью бога солнца Гелиоса и богини реки Персы. Вспомним здесь еще раз город Орс и Персея, легенду о Прометее... Ведь именно к здешним гераклейским скалам, к страдающему Прометею приплывал посочувствовать и сам Океан, и его дочери. Древнегреческие мифы (и это уже доказано неоднократно) отличаются редкой логичностью и последовательностью, так что пребывание Цирцеи именно здесь подтверждается и косвенно. Затем, согласно Гомеру, Цирцея превращает спутников Одиссея в свиней, но царь Итаки, обманув богиню, убеждает ее все же возвратить человеческий облик своим товарищам. Проведя без малого год в этих местах, мореплаватели наконец покидают эти места.

Однако отбытию корабля ахейцев предшествует еще одно, казалось бы, не очень уж важное, хотя и печальное событие – смерть одного из воинов Одиссея, Еврилаха. Подумайте, смерть одного, когда в битве с таврами пали десятки! В одну из ночей Еврилах для чего-то взбирается спать на крышу дома, а заснув, падает с нее, «кость изломав позвоночную».

Одиссей почему-то отказал умершему товарищу даже в погребении, то есть совершил то, что греки не допускали даже по отношению к врагам. Итак, бросив тело погибшего соплавателя прямо на берегу, Одиссей отправляется в дальнейшее плавание.

А далее начинается самое интересное. Берега «тихой пристани» не отпускают Одиссея. Великий дух этих мест повелевает ему вернуться обратно, чтобы отдать последний долг

павшему. Нигде более в «Одиссее» нет ничего подобного! О гибели мореплавателей там всегда говорится более чем лаконично. Почему, при столь явной неприязни к умершему Еврилаху, вдруг вновь такая внезапная перемена в отношении к его телу? В чем причина? Может, возроптали друзья Еврилаха или усовестился сам Одиссей, а может, и здесь сыграла свою роль особенная аура Гераклеической земли?

Как бы то ни было, но несчастный Еврилах был все же в конце концов предан земле со всей возможной торжественностью, как того требовал дух погибшего.

Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил...

Увы, до «поздних потомков» место этого первого памятника на земле Гераклеи так и не сохранилось. Тысячелетия стерли с лица земли древний курган. Не осталось даже преданий о захоронении здесь ахейского мореплавателя и участника Троянской войны. У времени свои законы... И все же, может быть, не случайно был оставлен этот памятный знак именно здесь, на скалах будущего Херсонеса и будущего Севастополя? Ведь не секрет, что и Херсонес, и особенно Севастополь часто и вполне заслуженно сравнивали именно с древней Троей, той, что выдержала более чем десятилетнюю осаду лучших войск того времени. И как знать, может, именно от Трои и была передана незримая для людей эстафета этого необычайного упорства в обороне своего города? Может, символом этого упорства и стал навсегда затерянный ныне курган с останками одного из участников похода Одиссея? А значит, сбылось пророчество старика Гомера, и «поздние потомки» этой земли стали достойными восприемниками славы древних эллинов.

Черная легенда Тавриды

*Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное малодушие.*

А. Пушкин

Кто были те люди, кто первыми вступили на нынешнюю Севастопольскую землю? Неандертальцы и кроманьонцы, племена кзыл-кобинской или кульобинской культур, киммерийцы, которые уже во время Геродота считались таинственным и легендарным народом?

Стоят до настоящего дня в долинах вокруг Севастополя немые свидетели неведомых нам эпох – камни-мегиры: многотонные и тщательно обработанные обломки скал, выстроенные в загадочные линии, расположенные строго с севера на юг и обращенные стесанными сторонами на восток и запад. Кого помнят они?

...Гробница вождя неведомого племени, найденная в Байдарской долине. Истлевшей рукой он все еще сжимает оружие. Это именно ему посвятил свои строки Иван Бунин:

...Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке...
Был воин, вождь. Но имя смерть украла
И унеслась на черном скакуне...

О древнейших жителях Гераклеи таврах сегодня известно ничтожно мало. Историки лишь констатируют, что это один из самых старых народов, существовавший уже с середины 1-го тысячелетия до н. э. История тавров началась и закончилась в Крыму, за пределы которого они, по-видимому, в массовом движении никогда не выходили.

Впервые о таврах упомянул Геродот в своей «Истории». Позднее знаменитый историк древности расскажет нам о страшных нравах горного народа, вначале же он просто констатировал само существование тавров. В середине V века до н. э. шла скифо-персидская война, и скифы обратились к таврам за помощью, но последние по какой-то причине им отказали. Геродот упомянул и некоего «царя тавров».

После Геродота о таврах писали Еврипид и Овидий, но они большей частью лишь передавали геродотовские псевдотаврские сюжеты-страшилки о дикости и злобе жителей Юго-Западной Тавриды. Историк Диодор Сицилийский вскользь сообщает нам о событиях гораздо более поздних, о происшедшей в III веке до н. э. войне боспорского царя Евмела с таврами, где последние отстаивали свою независимость. Известно, что в конце II века н. э. тавры помогли Херсонесу в отражении нападения скифов. А в IV веке н. э. римлянин Аммиан Марцелин впервые назвал даже три существовавших тогда таврских рода: арихов, синхов и напеев. Затем упоминания о таврах становятся все реже, причем в V веке н. э. их именуют то тавроскифами, то скифотаврами... Еще несколько столетий, и летописи уже дружно молчат о маленьком и храбром народе, а затем их называют не иначе как «скифское племя».

Так кто же они были, древнейшие жители Гераклеи? Что означает само слово «тавры»? На последний счет существует сразу несколько версий. Согласно первой из них, тавры – это лишь грецизированная форма какого-то местного и близкого по значению слова. Услышав его, греки нашли его похожим на свое «таурос» (бык) и именно так называли горное крымское племя. Возможно, как мы уже говорили выше, бык (тавр) являлся тотемом этого народа. Согласно еще одной, Тавром издревле звались Крымские горы, затем так же называли и их жителей. Нам и сегодня совершенно ничего не известно о языке тавров. Не сохранилось ни

одного таврского слова, кроме слова «Ардабна», что означает семибашенная. Именно так в одном из анонимных древних периплов (то есть словестных описаний) Понта Эвксинского названа Феодосия, причем там же сказано, что это название аланов и тавров. Ряд ученых считает, что «Ардабна» имеет иранские корни.

Что касается вопроса, кем были сами тавры, то версий здесь немыслимое число.

1. Тавры – прямые потомки индоариев, осевших с незапамятных времен в Крыму. Эта версия наиболее близка как автору, так и сути всей его книги.

2. Тавры – потомки племен срубной культуры, занимавшей промежуточное место между киммерийцами и скифами.

3. Тавры – часть скифского племени, осевшая в горах.

4. Тавры – племя, пришедшее с Северного Кавказа.

5. Тавры – это вообще собирательное название целого ряда различных племен, населявших Крымские горы.

6. Тавры и киммерийцы некогда составляли единый народ, но затем одни ушли в степи, а вторые – в горы, а потому впоследствии образовались два различных этноса.

7. Тавры являют собой представителей древнейшей кзыл-кобинской культуры.

8. Тавры, наконец, являются перешедшими в Крым фракийцами.

Поди разберись!

Ну а что материального оставили после себя загадочные тавры? Увы, тоже немного. Археологам хорошо известны так называемые каменные ящики в горном Крыму. Это четыре стоящие вертикально каменные плиты, перекрытые сверху пятой. В таких «ящиках» тавры погребали умерших, причем не по одному, а во множестве. Когда же костей становилось слишком много, они их попросту выбрасывали, оставляя лишь черепа. В одном из таких «ящиков» было найдено почти семь десятков черепов. Примечательно, что в этих таврских могильниках никогда никто не находил никаких привезенных изделий, кроме разве что женских бус! Этот факт столь примечателен, что мы к нему скоро еще вернемся.

Из собственных изделий чаще других встречаются женские фигурки из обожженной глины – фигурки богини Девы! И этот факт мы тоже постараемся запомнить, ибо разговор о Деве – разговор особый.

Возможно, что таврам принадлежала и найденная под Бахчисараем полутораметровая диоритовая стела, которая по праву считается настоящим шедевром. Вот, пожалуй, и все изделия, что оставили нам после себя тавры. Но помимо этого, древнегреческий эпос донес до нас образ тавров как мудрецов, воителей и наездников...

Но я вновь хочу вернуться к вопросу о происхождении тавров. Из всех версий сегодня в моде последняя – о кзыл-кобинской культуре, хотя она весьма и весьма не бесспорна.

Вспомним снова легендарный Орс-Корсунь. Как знать, может, все знания, которыми владели древние тавры и которые они столь долго и ревностно хранили, берут свое начало именно от стен Священного города Солнца? Ведь где, как не в столь значительном экономическом, торговом и культурном центре древнего времени, могла развиваться медицина и музыка, гимнастика и риторика, прорицание и искусство стрельбы из лука? И может, именно поэтому тавры, сами ставшие постепенно «реликтовым» племенем-хранителем, столь ревностно оберегали все, что было завещано им предками от назойливых взглядов чужеземцев.

Наверное, ни об одном из древних народов не было сложено столько зловещих легенд, как о таврах. В чем только их не обвиняли: в коварстве и злобе, жестокости и алчности. Все историки от Геродота до Страбона и Тацита только и пишут, что о кровавых расправах тавров над попавшими к ним в руки мореплавателями. Древних авторов трудно упрекнуть во лжи, ведь они писали о том, что им удавалось узнать, опрашивая тех же мореходов. Вот что пишет о таврах Геродот (484–425 гг. до н. э.): «...Исконная Скифия... начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой. Отсюда идет

гористая страна, лежащая вдоль до так называемого Херсонеса Скалистого. Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии, соответствующей Аттической земле...» Далее Геродот повествует о «дикости» тавров: «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной».

Из текста Геродота можно сделать ряд интересных выводов. Во-первых, вполне возможно предположить, что в те времена между таврами и греками шла самая настоящая морская война. На чем основывается это предположение? Прежде всего, на том, что, как видно из текста, между двумя сторонами существовал какой-то весьма серьезный конфликт из-за так называемой Девы, которой поклонялись тавры, а греки также хотели ею владеть. Кроме этого, не может не настораживать и фраза о неизбежном уничтожении именно всех эллинов. Отчего, спрашивается, такая ярко выраженная нелюбовь тавров именно к грекам? Ну а если вспомнить, что именно в Геродотовы времена началась интенсивная колонизация греками Крыма и создание на землях тавров Херсонеса, то вполне понятно, что причин для любви к эллинам у тавров, мягко скажем, быть не могло. Во-вторых, приведенные Геродотом «жестокости» тавров особо не впечатляют.

Прежде всего, потому, что захваченных в плен умерщвляют достаточно гуманным для тех суровых времен способом. Их не только не подвергают каким-нибудь особо изощренным пыткам, а, наоборот, перед смертью оглушают, чтобы обреченные не чувствовали боли. Кстати, Геродот сам не может точно сказать, как же расправляются тавры со своими жертвами. Именно поэтому он приводит в тексте два варианта казни, да еще делает весьма многозначительную оговорку, что в этой части текста он говорит не от себя, а ссылается на чьи-то рассказы. Что же касается «дикого» обычая человеческих жертвоприношений тавров, то здесь также трудно усмотреть что-либо необычное для тех времен. Ведь тот же Гомер вполне спокойно описывает жертвоприношение уже знакомой нам Ифигении, совершенное ее отцом, царем Агамемноном. Но ведь его совершали не «дикие тавры», а вполне «цивилизованные» греки. Вспомним и то, что обряды человеческих жертвоприношений существовали у древних славян и германцев, викингов, инков и многих других народов. Причем, в отличие от вышеперечисленных, тавры своих юношей и девушек по крайней мере не убивали, ограничиваясь только казнью пленных греков, т. е. самых больших своих врагов. В-третьих, что касается уничтожения таврами мореплавателей, вполне разумно предположить, что так называемые мореходы появлялись у крымских берегов далеко не всегда с мирными целями. Даже самый непредвзятый анализ древнегреческих мифов наглядно показывает, что в большинстве случаев целью таких плаваний было отнюдь не желание географических открытий и безобидного обмена товарами, а самый обыкновенный грабеж селений и пиратство на море. Стоит ли тогда удивляться, что тавры столь свирепо и неистово бились с подобными «мореплавателями», а головы убитых пиратов выставляли на шестах как предупреждение тем, кто еще рискнет попытаться разбойничьего счастья на их земле? Ну а то, что тавры не всегда ограничивались глухой обороной, а периодически предпринимали и достаточно активные действия, делает им только честь как воинам. Естественно, что исконные жители

Гераклеи не упускали случая поживиться за счет побежденных. Но и в этом для того времени тоже нет ничего предосудительного! Ведь трофеи были, есть и будут во всякой войне. Вспомним, как, убив в поединке Гектора, Ахилл без всякого зазрения совести догола раздел павшего соперника, присвоив себе все его доспехи, а затем еще прилюдно издевался над ним, волоча привязанным к своей колеснице.

А ведь это, говоря современным языком, самое настоящее мародерство, да еще и глумление над павшим! Однако тогда это никого не возмутило, а наоборот, явилось лучшим доказательством геройства Ахилла. Ну а теперь спросим: чем хуже или лучше были тавры? И они так же грабили побежденных, а затем казнили в назидание иным. Тот факт, что в древнегреческой мифологии таврам (пусть и с самой негативной точки зрения) отведено весьма много места, говорит о том, что война греков и жителей Гераклеи была долгой и очень упорной, причем успех был не всегда на стороне «меднобронных» гоплитов.

Попробуем, основываясь на мифах, составить хотя бы примерный набросок той войны. Для начала вернемся к ссылке в Тавриду Гераклу. Сколько бы мы ни изучали мифы, нигде нет упоминания об его столкновениях с таврами. Геракл вел в Тавриде жизнь достаточно мирную (если не считать ссору во время пира с кентаврами) – пас быков. Значит, никаких причин для вражды первого героя Эллады с таврами тогда просто не было! Теперь обратимся к знаменитой трагедии «Ифигения в Тавриде» Еврипида, написанной в 414 году до н. э. Все началось с того, что аргосский царь Агамемнон был убит своей женой. Затем, мстя за отца, его сын Орест убивает мать. Казалось, какое отношение имеет эта драматическая семейная история к таврам? Оказывается, самое непосредственное! Во искупление греха Орест почему-то должен был привезти в Грецию из святилища тавров их священную статую, то есть совершить пиратский набег. Это вполне объяснимо, ведь Троя уже не преграждала путь в пределы Эвксинского Понта, и за добычей в то время ринулись туда многие. Увы, Оресту не повезло. Местные пастухи заметили захватчиков и даже захватили Ореста и его друга Пилада в плен.

Причем если греки были при полном вооружении, то у пастухов никакого оружия не было. Мечи из рук пришельцев пастухи выбили... обыкновенными камнями. Это ли не свидетельство доблести тавров! Затем, согласно мифу, пленники увидели Ифигению. Та узнала своего брата Ореста и помогла пленникам бежать, сбежавши и сама. Если верить мифу, то Ифигению отослала в Тавриду богиня Артемида. Тавры же ее не только приютили, но еще и окружили всеми возможными почестями! Если же отбросить весь сказочно-божественный ореол, то получается, что пленным грекам помогли бежать их соотечественники, которые не только жили среди тавров, но еще пользовались среди них и значительным почетом. Кстати, в примечаниях к «Ифигении в Тавриде» указывается, что будто бы в Греции, в Аттике, долгое время сохранялась могила Ифигении и священная деревянная статуя тавров. Теперь зададимся вопросом, какой народ смирится и простит грабеж своей самой дорогой святыни, причем грабеж, для которого не было, казалось бы, совершенно никакого повода?

А вскоре в Балаклавскую бухту нагрянули еще одни искатели пиратского счастья – Одиссей и сотоварищи. Целая флотилия в одиннадцать боевых кораблей вошла в бухту, десятки закованных в доспехи воинов высадились на берег. Но и здесь тавры ведут себя поначалу весьма сдержанно. Они не нападают на пришельцев, а наблюдают за ними. Лишь когда греки ринулись грабить ближайшую деревню, тавры наконец, захватив пленных, поняли, что перед ними самые обыкновенные разбойники, да к тому же еще соотечественники похитителей их священной статуи, только тогда они и вступили в яростный бой. А потому неуклюже выглядят в «Одиссее» ссылки Гомера на то, что тавры победили лишь потому, что были сплошь великаны, а свирепость их не знала предела.

Окончание этого боя потрясает своими результатами. Тавры практически полностью истребили греческую флотилию. Только одному из одиннадцати кораблей удалось вырваться

в море. Принимая во внимание, что описываемые события относятся примерно к XIII–X векам до н. э., то масштаб разгрома греков сопоставим разве что с Чесмой или Трафальгаром. Ну а способность заставить врасплох и обмануть столь многоопытного вождя, как Одиссей, говорит о серьезно подготовленной и прекрасно осуществленной операции по разгрому неприятельской флотилии.

В анналах мировой истории это «Балаклавское» сражение никто никогда не указывал, а зря! Ведь это, по существу, пусть даже полумифическое, но одно из самых древних морских сражений, известных нам, и какое! Что ж, более двух тысячелетий назад защитники земли будущего Херсонеса и Севастополя с честью выдержали нападение лучших воинов того времени.

Ну а затем была многовековая борьба тавров с греками. История оставила нам свидетельства судебных эллинов, попавших в плен к таврам, но нигде нет, увы, упоминаний о том, что ожидало попавших в плен к грекам тавров.

Думается, их судьба была не менее трагичной. К слову сказать, тавры отчаянно сражались не только с греками, но и со всеми другими захватчиками. Так, в 45 году н. э. они уничтожили римскую эскадру. Тацит пишет: «...Счастье нам изменило: некоторые из судов были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда!» Так в отчаянной борьбе из века в век защищал свою землю немногочисленный, но свободолюбивый народ. Ведь Крымская земля была вожделенна для завоевателей всех времен.

Историки считают наиболее вероятным временем появления тавров начало 1-го тысячелетия до н. э. Время же их исчезновения (вернее, окончательного растворения среди иных народов) – VIII веком н. э. Итого почти две тысячи лет непрерывной борьбы за свое выживание! Кстати, совсем нелишне вспомнить здесь и о том, что в захоронениях тавров практически не встречается греческих вещей, то есть того, что обычно имело бы наибольшую ценность у пиратов и что язычники клали в могилы своим сородичам.

Кроме этого, известно, что тавры вообще никогда не брали пленных, они не знали рабства, а кроме этого, не занимались и работорговлей, что было во все времена также самым прибыльным делом у пиратов. Ну а о мужестве тавров весьма однозначно сказал еще историк древности Полиэн: «Тавры, <...> предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой, чтобы, не имея возможности бежать, победить или умереть». С ним согласуется и мнение российского историка В. В. Струве: «Подобный прием прекрасно согласуется с неукротимым мужеством этого воинственного племени, которое своим упорным сопротивлением отодвинуло оседание греков на побережье их области к концу V века до н. э.». Вот вам и еще одна причина многовековой беспощадной борьбы! Причем, даже поселившись в Геракле, греки далеко не всегда чувствовали себя в безопасности, несмотря на то что век за веком медленно, но неумолимо загоняли тавров в горы. Так, в III веке н. э. тавры внезапно дерзко атаковали сам Херсонес и едва не овладели городом.

Сегодня историки считают, что тавры поздней поры создавали укрепления в горах. При этом отмечают, что значительная часть тавров обитала в горах, далеко от моря, и прямого отношения к пиратству не имела. Между таврскими укреплениями была возможна сигнализация с помощью огня и дыма. Наряду с горными крепостями тавры имели пристани в бухтах, из которых выходили на свои пиратские вылазки. Древнеримский историк Арриан пишет о многих портах «скифотавров». Плиний особенно выделяет при этом таврский приморский город Плакия у бухты Символов (Балаклавской). Так, может быть, у тавров был все же и свой собственный флот?

Крымский историк В. Н. Дьяков утверждает, что «...были у тавров и еще более монументальные (по сравнению с жилищами. – В. Ш.) строения – городища с каменными мега-

литической кладки стенами – настоящие циклопические постройки. Лучше всего остатки их видны на Аю-Даге, на Ай-Тодоре и на горе Кошка под Симеизом – везде в тесном соседстве и явной связи с некрополями из каменных ящиков.

Расположены они были на выступающих в море высоких мысах и представляли собою настоящие пиратские берлоги, откуда делались внезапные налеты на проходившие мимо торговые суда и куда затем волокли захваченную добычу. Видимо, они были тоже заселены значительными, по-военному организованными коллективами».

Древние лоции – периплы – называют некоторые из них даже «гаванями», например: «Таврский город Плакия», многие таврские гавани «на восток от мыса Криу-Метопон» (Плиний), «гавань Афинион или гавань скифотавров», «гавань Ламнада в таврической земле», «гавань Символов» (Арриан).

Иосиф Флавий свидетельствует, что для покорения тавров Рим направил в Тавриду три тысячи легионеров и 40 военных кораблей.

Херсонес был, как и все города Древней Греции, городом рабовладельцев. В греческих надписях в Малой Азии и на Балканском полуострове часто упоминаются рабы из Тавриды и Северного Причерноморья – скифы, сарматы, меоты, боспоряне. Но удивительно, что работорговцев среди них не было никогда! Вспомните перекопанные дороги, исключаяющие отступление. Тавры умирали, но не сдавались.

Кто, к примеру, из нас не слышал о мифическом древнем племени северных жителей гипербореев? Что же мы о них знаем? Известно, что среди гипербореев до переселения в Делос жила мать Аполлона и Артемиды богиня Лето. Причем гиперборейские женщины помогли ей родить детей. Гиперборейский народ очень любил Аполлон и даже некоторое время жил в их земле, да и позднее часто навещал северных жителей на своей колеснице, запряженной лебедями, и хранил там свои смертоносные стрелы. Не забывала гипербореев своим вниманием и Артемида. Известно, что жизнь гипербореев отличалась завидным долголетием, они любили пировать и веселиться, отличались гордостью и независимостью. Смерть считалась у них избавлением от всех страданий, поэтому старики, не желая медленного угасания, украсившись цветами, сами бросались со скал в море. Наиболее известные из гипербореев Абарис и Аристей служили Аполлону и Артемиде.

А где жили таинственные гипербореи? Одни считают, что где-то за Дунаем, другие, что на побережье Балтики, но почему-то никому не пришла в голову мысль попробовать сопоставить гипербореев с таврами. Слишком смело? Возможно! Во всяком случае, некая схожесть между этими народами прослеживается вполне явно.

Прежде всего, очевидно наличие у этих двух народов культа олимпийской богини девы Артемиды, причем в обоих случаях особо почитаемой.

Во-вторых, нам хорошо известно, что Аполлон всегда явно тяготел к восточным народам эллинской ойкумены. Так, в Троянскую войну он поддерживает троянцев, а значит, и все союзные Трое народы, в том числе и заселявшие берега Черного моря. Недаром многохитростный Одиссей, после завершения осады Трои, первым бросился грабить именно Причерноморье. Так что вполне возможно, что и древние тавры находились в какой-то зависимости от Трои, что, кстати, вполне объясняет их взаимную ненависть.

В-третьих, такие черты, как гордость и независимость, присущие гиперборейцам, более всего применительны именно к таврам. Ну а то, что гиперборейские старики, заканчивая свой жизненный путь, бросались со скал, весьма напоминает обычаи таврских жертвоприношений, и, наконец, на Балтике просто нет особо высоких скал, с которых можно было бы бросаться в море (это прежде всего касается южного берега Балтийского моря), тогда как скалы Фиолента говорят сами за себя.

В-четвертых, из мифов известно, что, направляясь в страну гипербореев, Геракл по пути освободил Прометея. Согласитесь, что выглядит нелепо, если бы Геракл по пути из

Греции в Прибалтику мимоходом заглянул в Таврические (или даже кавказские!) края. На одно такое путешествие у знаменитого героя ушли бы многие месяцы, а для него это всего лишь эпизод. Скорее всего, древние греки считали место, где висел на скале Прометей, где отбывал наказание сам Геракл и где, наконец, жили сами таинственные гипербореи, одной и той же землей. К тому же именно Таврида в те далекие времена отождествлялась у древних греков с весьма северной и холодной страной. Ведь не зря же именно там были оставлены на вечные времена сверженные титаны. Именно в Херсонесе найдено наибольшее количество изображений Геракла, поймавшего и придавившего коленом прекрасную Керинейскую лань, тогда, как мы знаем, он настиг ее в гиперборейских пределах. Почему тогда Херсонес? Разве и это случайность?

Но закономерен вопрос: почему в древнегреческих мифах ничего не говорится о кровожадности гипербореев, зато более поздние исторические источники полны сведений о кровожадности тавров? Скорее всего здесь дело в том, что в эпоху ранних мифов, когда и создавались рассказы о гипербореях, эллинам еще нечего было делить с таврами. Именно поэтому рассказы о них весьма доброжелательны и даже восторженны. Когда же началась долгая война за проникновение в Тавриду и закрепление на ее берегах, мнение о местных жителях, естественно, сразу же изменилось на полностью противоположное. Видимо, именно поэтому в позднее время легендарных гипербореев стали переносить куда угодно, лишь бы не отождествлять столь светлые предания с такой непохожей действительностью. Ну а игнорирование такого вполне возможного развития событий ввергло в напрасные безрезультатные поиски страны гипербореев многие поколения историков. А ведь мифических гипербореев, может быть, и не стоило искать по городам и весям, ибо это были все те же полузабытые и оболганные историей старейшие жители Севастопольской земли – тавры.

Как мы уже говорили, конные тавры – кентавры являлись полноправными героями древнегреческих мифов. И отношение к ним здесь совершенно иное, чем в официальных исторических хрониках. Что же говорят нам о кентаврах мифы? Согласно им, конные тавры являются жителями горных чаш, отличаясь при этом весьма буйным нравом. Рождены они якобы от бога Иксиона и тучи, принявшей по воле Зевса облик его супруги Геры, на честь которой покушался Иксион.

Кентавры весьма воинственное племя, они постоянно сражаются со своими соседями лапифами. Эта война получила даже свое собственное название – кентовромахия. Особое место среди племени конных тавров занимают двое: Хирон и Фол, воплощающие собой мудрость. Покровительствовал кентаврам сам Посейдон, несмотря на то что они были отнюдь не морским народом. Здесь тоже загадка, ведь вполне возможно, что морским народом были предки тавров – жители легендарного Орса? Им-то как раз покровительство Посейдона было нужно как никому иному!

Знаменательно, что почти все мифы дружно говорят об одном удивительном факте: кентавры очень любили и умели сражаться, бросая во врага огромные камни. Как не вспомнить здесь гомеровскую «Одиссею» и бой многохитростного Улисса с таврами на берегу бухты, когда войско греков было буквально забито камнями. Простое совпадение? Вряд ли! Много говорилось раньше и говорится теперь о дикости тавров. Но так ли было на самом деле?

В предыдущей главе, говоря о подвигах Геракла, мы уже рассказывали, что те же древние греки, судя по мифам, считали кентавров своими учителями в стрельбе из лука и в умении верховой езды, почиталась у них и необыкновенная физическая сила древних сыновей Таврической земли.

Но, оказывается, и это не все! Кто не слышал хотя бы раз о великом герое Греции Ахилле?! Оставим здесь в стороне вопрос, кем был Ахилл, представителем какого племени. Ограничимся здесь лишь тем, что еще знаменитый византийский летописец Лев Диакон

прямо именовал Ахилла тавроскифом, то есть, по существу, тавром! А при Овидии (это I век до н. э. и I век н. э.) Северное Причерноморье и Крым имели вполне официальное наименование – Ахиллова земля. Вспомним теперь и иное.

Мудрый кентавр Хирон обучал Ахилла травознанию. Сохранилось и дошло до нашего времени изображение: кентавр Хирон в хламиде и с посохом в руке дает урок травознания Ахиллу. Рядом сидит задумчивый Пелей, отец Ахилла. В руках учителя и ученика – лечебные травы и цветы – тысячелистник, василек, кроваво-красным соком корня которого Хирон пытался залечить свою незаживающую рану, а также девясил, который греки называли хироновым корнем, и переступень, называемый хироновой лозой. Ахил, согласно мифам, оказался хорошим учеником своего прадеда кентавра Хирона. Сын Пелея и Фетиды, он считался открывателем полезных свойств многих растений. Говорили, что именно Ахилл обнаружил лечебные свойства тысячелистника и пижмы. Есть сведения, что преуспел Ахилл и в медицине. Сохранилось до нашего времени изображение: Ахилл перевязывает рану Патроклу.

Когда и где это происходило, к сожалению, данных нет, но, скорее всего, сюжет относится к событиям Троянской войны.

Ахилл настолько хорошо усвоил медицинские знания, что много лет спустя после обучения у кентавра Хирона мог передать их своему другу Патроклу, который в свою очередь оказал там же, под Троей (Илионом), медицинскую помощь раненному в бою воину Эврипилю. Медицинские знания Ахилла позволили ему на девятом или десятом году Троянской войны, когда в лагере ахейцев и их союзников возникла моровая язва, передающаяся от жеребят собакам, а от собак людям, установить правильный диагноз и найти правильный способ лечения. Кстати, именно с этого события и начинается знаменитое произведение Гомера «Илиада».

Мифы говорят и то, что кентавр Хирон обучил Ахилла и музыкальному искусству. В свободное от боев время Ахилл никогда не расставался с лирой, добытой как трофей во время взятия малоазийского города Фивы. Ахилл, несомненно, обладал определенными музыкальными способностями, так как часто свой дух и сердце свое услаждал музыкой и воспевал славу героев.

Кентавр Хирон обучал Ахилла гимнастике. С малых лет и до самой гибели Ахилл занимался, как сказали бы теперь, физкультурой и спортом. Например, Геродот, Страбон и ряд других древних авторов в один голос утверждают, что еще до Троянской войны на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря), недалеко от устья Борисфена (ныне именуемого Днестром), находился Ипподром Ахилла. Иногда его именуют как: Дром Ахилла, Ахиллов Бег или Ахиллово Ристалище. В наше время это остров Тендра. Во времена Ахилла остров Тендра вполне мог быть частью прибрежной суши Черного моря, так как тогда уровень воды в Понте Эвксинском (Черном море) был ниже, чем теперь, на три-четыре метра, а может быть, и еще ниже, то есть он мог входить в ареал земель, где жили тавры.

После гибели Патрокла, в день его похорон, Ахилл, как известно, устроил спортивные состязания: конские ристалища на колесницах, кулачный бой, борьбу, бег, стрельбу из лука и метание копья. Как отмечалось выше, Ахилл был физически развит (понятие «быстроногий Ахилл» стало нарицательным!) и обладал громадной силой. Например, он один поднимал еловое бревно, служившее запором ворот. Ахейцы могли это сделать только втроем.

Кентавр Хирон обучал Ахилла и умению охотиться. В процессе обучения, по дошедшим до нас легендам, он с малых лет кормил Ахилла внутренностями львов и кабанов. Мифы и легенды утверждают, что обученный кентавром Хироном Ахилл уже в шестилетнем возрасте охотился на вепрей, львов и оленей.

Обучал ли кентавр Хирон Ахилла умению и мастерству предсказания, сведений в мифах и легендах нет. Однако, зная такое качество Ахилла, можно предположить и это.

Другим наставником Ахилла был кентавр Феникс. Он обучал Ахилла красноречию и военному делу. Феникс сопровождал Ахилла с малых лет и до самой его гибели в Троянской войне. Образцами красноречия, как и перечислениями подвигов Ахилла, буквально пестрит вся «Илиада».

Так, может быть, именно тавры внесли в древнегреческую культуру искусство медицины, музыки, гимнастики и красноречия, то есть всего того, что сегодня считается главными достижениями древнегреческой цивилизации.

Что же касается реальных тавров, думается, следует прежде всего более вдумчиво и глубоко ознакомиться с мифами и легендами древних русов. В частности, с преданиями о русском кентавре Китоврасе. Это прежде всего апокриф о «Соломоне и Китоврасе».

Итак, перед нами одна из древнейших легенд, уходящая своими корнями во тьму тысячелетий, – легенда о праотце Священного города Хорсе. Согласно ей, Хорс был сыном бога солнца – Ра. Когда отец состарился, он попросил править солнцем своего сына. Ночами Хорс отдыхал на некоем острове Радости (можно предположить, что это не что иное, как Буян-Крым), по утрам поднимался в небо на золотой коляске. Однажды у острова он увидел купающуюся деву Зарю-Заряницу. Хорс влюбился в деву и решил на ней жениться. Некоторое время молодые супруги жили счастливо, но затем ночное божество Месяц решает похитить жену Хорса. Для этого он обращается к кентавру Китоврасу, которого находит в горах. Месяц и Китоврас крадут Зарю и пытаются бежать на корабле. Но Хорс догоняет их вместе с богом Сварогом – хранителем брака. Сварог разрубает Месяца своим мечом. Китоврасу же Хорс велит, во искупление грехов, возвести в горах у подножия Алатырь-камня храм в свою честь. При этом храм должен быть возведен из камней, которых никогда не касалось железо. Здесь в легенде появляется птица Гамаюн. Своими железными когтями она обтесывает камни, из которых кентавр строит храм и алтарь в нем. Образ Китовраса-строителя был в свое время весьма популярен в древнейшей русской мифологии. Эти изображения дошли и до наших дней. Так, на внешней стене Георгиевского монастыря, построенного в XII веке в Юрьеве-Польском, кентавр Китоврас изображен не только со строительным топориком в руках, но и в характерном скифском колпаке. Аналогичное изображение сохранилось и на стене церкви в югославском городе Студенице.

Что можно предположить, ознакомившись с данной легендой? Прежде всего то, что древние русы когда-то предпочли верованию в ночное светило вере в Солнце-Хорса-Орса, что они уже в глубокой древности строили каменные храмы и один из них поставили в месте поклонения Хорсу на острове Буяне.

О храме Китовраса мы еще поговорим немного позднее. Сейчас же обратимся к «Звездной книге Коляды». Посмотрим, какие еще боги могли жить в стародавние лета на острове Буяне подле города Орса и кому, скорее всего, поклонялись древние русы, а затем и тавры.

Прежде всего, это один из самых великих русских богов Велес – бог сытости, достатка и богатства. Внешне Велес имел облик быка. Согласно преданиям, Велес в одной из своих жизней, а их было немало, также жил на Буяне-острове. Жену его звали Азовушка. Именно в ее честь будет впоследствии, видимо, названо Азовское море. Азовушка была духом этого моря и пребывала на острове в образе Царевны-Лебедь.

Сам Велес приплыл на остров в лодке. Жили же Велес с Азовушкой на берегу моря, в волшебном дворце, пред которым росли волшебные дуб и ель. Издревле на Руси бога Велеса именовали уважительно Тавром Бусичем или Гвидоном. Как здесь не вспомнить А. С. Пушкина с его сказкой о царе Гвидоне! Как и Велес, пушкинский Гвидон живет на острове в Черном море, а женой его является все та же царица-лебедь!

Тавр или говя – и по-русски означает «бык». Иногда Велеса именуют просто Корович или даже Тавр Гвидонович. Вне сомнений, учитывая бóльшую древность русских мифов, чем древнегреческих, можно предположить: именно Велес, как и Хорс-Орс, были главными

богами не только древних русов, но и древних тавров. И если в честь Хорса был воздвигнут город-храм Солнца на месте позднейшего Херсонеса и Севастополя, то в честь Велеса Тавра Гвидоновича был позднее назван сам остров-полуостров Таврида, да и сам народ. Кроме двух главных богов, тавры поклонялись еще и богине Деве.

Небезынтересно, что, согласно древней русской мифологии, именно Велес дал людям землепашество и плуг, грамоту и календарь, то есть все то, что, согласно древнегреческой мифологии, дал людям Прометей. Случайно ли оба древних бога, Велес и Прометей, оказались в одном и том же месте – на берегах Тавриды? Или же более молодой миф вобрал в себя некоторые детали более древнего?

Обитал на острове Буяне и еще один бог – бог ветра Стрибог. Ему вообще ставили храмы на всех побережьях и островах. Еще бы, ведь от милости Стрибога зависело благополучие мореходов и рыбаков! Весьма часто Стрибог выступает как Стратим-птица. Вот как описывает его знаменитая «Голубиная книга»:

Живет Стратим-птица на Окияне-море,
Стратим-птица вострепенется,
Окиян-море восколыхнется,
Топит она корабли гостиные
Со товарами драгоценными...

Вспомнив еще раз сетования древних греков на «привычку» тавров захватывать терпящие бедствия суда, естественно предположить, что и Стрибог-Стратим пользовался у тавров особым почитанием.

Помимо Велеса, Хорса, Девы и Стрибога, древние русы, а затем и тавры, скорее всего, в той или иной степени веровали и в целый сонм древнерусских божеств Черного моря. Это: Морской Царь, он же Царь Водяник или Царь Поддонный-Черноморец, правящий всем подводным миром, его жена Белорыбица. Вот как описывает морских божеств русской Тавриды «Звездная Книга Коляды», дошедшая до нас в списках V века: «Там на троне сидит Черноморский Змей – царь Поддонный Морское чудовище. Окружают его стражи лютые – раки-крабы с огромными клешнями. Тут и рыба-сом с большим усом, и налим-толстогуб – губошлеп-душегуб, и севрюга, и щука зубастая, и осетр-великан, жаба с брюхом что жбан, и всем рыбам царица – Белорыбица!»

Когда же поклонялись своим богам древние русы, а затем и тавры? Сегодня уже общепризнанно, что ведический календарь считал время зодиакальными эпохами, каждая из которых длится около 2160 лет. Двенадцать таких эпох составляют около 27 тысяч лет и образуют так называемое Коло Сварога. Именно за этот срок звездное небо делает полный оборот из-за процессионального вращения Земли. Такой способ датирования древнерусских преданий (по звездной ситуации, в них описанной) дает хорошие результаты при сопоставлении различных, казалось бы, легенд, данных археологии, палеологии и палеоклиматологии о тех далеких временах. В соответствии с этой датировкой существовала эпоха Китовраса-Стрельца – это 21–19-е тысячелетия до н. э. Считается, что именно в эту эпоху отступают силы Тьмы, а верх берут силы Солнца.

Так, может, поэтому народ Китовраса русы-тавры и называли свою столицу Солнечным городом Орсом! В последующую эпоху Скорпиона-Перуна – это уже 18–16-е тысячелетия до н. э. – произошло постепенное разрушение первых цивилизаций, и в том числе цивилизации Китовраса. С юга пришли враги под водительством Черного бога и Скорпиона. Вначале черные силы взяли верх, священные земли были осквернены. Перун был заточен в подземелье. Но затем на помощь Перуну пришли Хорс, Велес и Стрибог (все трое божества Тавриды-Буяна!). Они вы зволили Перуна и одержали решающую победу в горах Тавриды.

Возможно, именно с этого времени племя Китовраса постепенно становится реликтовым и все свои силы сосредоточивает на одном: на сохранении культа своих древних божеств, чистоты обрядов и веры. Отсюда и столь резкое неприятие всего постороннего и иноземного.

Согласно древнерусским мифам, жители Буяна-Тавриды имели самое непосредственное общение с богом Квасурой – изобретателем тайного священного напитка древних русов сурьи...

Один из древнерусских мифов гласит, что некогда русы по строили у берегов Черного моря город Голунь. Где именно находилась легендарная Голунь, упоминаемая неоднократно как в сказаниях, так и в летописях, не знает никто. Есть, правда, предположения ряда историков, что Голунь, возможно, располагалась где-то в низовьях Днепра, но тому нет совершенно никаких доказательств, даже косвенных.

Мы же заглянем в еще один из древнейших русских мифов – «Миф о Китоврасе и Квасуре», может, именно он поможет нам определить, где находилась неведомая потомкам Голунь, и явит новые подробности истории наших пращуров.

Что же рассказывает нам этот удивительный миф? Однажды русская Голунь была захвачена греками. Вел греков не кто иной, как бог Вина и виноградарства Дионис. Изгнать захватчиков решили тавр Китоврас и его друг русский бог веселья и хмеля Квасура (прямой противник Диониса). Вот оно, почти документальное свидетельство единства древних русов и тавров! Достав волшебный гудок (струнный инструмент, прообраз гуслей), оба друга пришли в Голунь и в честном «музыкальном» соревновании переиграли не только греческого царя, но его сына Перегуду с дочкой Перекрасой, а когда те сбежали от позора со всеми греками, посадили на престол некого Вавилу. Вот в общих чертах сюжет мифа. Что в нем интересного для нас? Прежде всего, в нем явно прослеживается борьба тавров в союзе с древними русами против греков за древний город Голунь. Определенный смысл имеет и этимологический ряд Голунь-Колунь-Корсунь. Да и упоминание в мифе о боге Диониса тоже, видимо, не случайно! Ведь именно Херсонес, а не какой-либо иной город Черноморья особо славился на протяжении многих столетий своими виноградниками и вином. Так что присутствие в мифе выясняющих отношения Диониса и Квасуры весьма понятно. Но самое интересное в этом мифе то, что тавр Китоврас побеждает соперников не мечом и луком, а гудком! Как отличается этот исконно русский миф о совместной освободительной борьбе руссов и тавров от всего того, что оставили нам в память о таврах их враги греки!

И сразу возникает вопрос: кто же был более дик, «цивилизованные» греки или «варвары» тавры?

Ныне память о маленьком, но гордом народе осталась лишь в названии Таврида да на страницах древних летописей.

И все же, думается, тавры достойны лучшей памяти, чем та, которую оставили нам их извечные враги. Может, именно с их многовековой непрерывной защиты своей родной земли и берет свои таинственные истоки то особое мужество и упорство, которыми отныне и навсегда будут славиться защитники как Херсонеса, так и его восприемника – Севастополя.

В горах сокровенной Тавриды хранило заветы отцов
Содружество воинов храбрых, охотников и мудрецов.
Не зная в боях поражений, не ведая рабства оков,
Здесь славили Деву Святую – Праматерь Великих Богов.

Внушали захватчикам ужас. Расправа была коротка,
И падали в бездну без счета безглавых пришельцев тела.
Коней скаковых разводили, знаменьем крестили детей,
Быков почитали священных, и ламами звали царей.

Осталось лишь эхо преданий. Безжалостен времени ход.
Исчез, будто вовсе и не был великий таврийский народ.
И жалко до боли сердечной, до спазм, до рыданий скупых,
Что мы разминулись навечно на длинных дорогах мирских.

Но вслушайся! Там за горами раздался вдруг звон трензелей.
То тавры, в беде помогая, потомкам седлают коней!

Артемиде, Ифигении или Елене?

*Место в Скифии есть, что зовется издревле
Тавридой...*

*Ифигения к нам совершила
Долгий, неведомо как, прямо по воздуху путь.
Будто бы силой ветров, сокрытую тучей, Диана
За море перенесла и поселила у нас.*

Публий Овидий Назон

Кто не помнит известную французскую поговорку: «Cherchez la femme!», то есть «Ищите женщину». Какая невероятная история, какой загадочный сюжет может обойтись без нее? И неужели найдется хоть один писатель, кто в своей книге не уделит женщине достойного внимания? Что можно здесь возразить? Ничего! Тем более что в моем рассказе о Севастопольской земле женщины играли весьма важную, а порой и первостепенную роль. Начнем же и мы, следуя советам французов, искать женщину, и, как знать, может быть, именно она поможет нам в раскрытии одной из самых вековых тайн Священного города, приблизит нас хотя бы на шаг к ее разгадке.

Итак, впереди у нас еще одно головокружительное путешествие сквозь эпохи и земли, народы и верования, от камней Херсонеса к вселенскому мирозданию. Не буду скрывать от читателя, что и теперь вновь начинаю свой путь навстречу главной женщине в истории Священного города с тем же волнением, что и в первый раз. Впрочем, в этом сомневаться, наверно, не сможет никто, ведь каждая встреча с прекрасным – неповторима.

Для начала процитируем начальные строфы присяги граждан Херсонеса, выбитой в начале III века до н. э. на огромной мраморной плите:

Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой,
Богам и богинями олимпийскими,
Героями, владеющими городом, территорией
И укрепленными пунктами херсонесцев.
Я буду единомышлен о спасении
И свободе государства и граждан
И не предам Херсонеса...

Присяга – документ священный. Здесь все выверено до буквы, а каждое слово продумано сотни и сотни раз. Вчитаемся же и мы в строки присяги еще раз... В тексте понятно все, за исключением лишь одного слова, лишь одного божества – Девы. Кто она? Сразу отметим, что эта таинственная Дева, скорее всего, не входит в число олимпийских богинь. Ведь те упомянуты отдельно, сразу же после нее. У этой Девы нет даже имени, она просто Дева. И при этом по своей значимости она стоит сразу же за громовержцем Зевсом, землей Геей и солнцем Гелиосом. Она опережает всех остальных богов. Кто же она такая, та, чьим именем клялись древние херсонеситы, чью божественную силу они ценили выше многих олимпийцев? Может быть, это все же кто-то из дочерей Зевса, а может, совершенно иное божество? Как здесь не вспомнить правительницу-жрицу Цирцею с острова Эя (Буяна), некогда приютившую Одиссея?

С чего начинается поиск любой исследователь? Конечно же, с энциклопедий и словарей. Они – своеобразный нулевой цикл, позволяющий уяснить предмет нашего поиска и опреде-

лить его направления. Итак, перед нами «Словарь древней мифологии». Находим «Парфенос-Дева». Читаем:

«1. Прозвище Афины.

2. Дочь Стефила и Хрисофемиды. Отец доверил ей и ее сестре Мельпадии сторожить погреб с дорогими винами. Сестры уснули, и пасшиеся свиньи перебили все сосуды. Боясь отцовского гнева, девушки бросились в море. Их спас Аполлон и доставил в Херсонес Карийский, где они стали местными божествами. К принесению им жертв не допускали евших свинину и касавшихся свиней.

3. Прозвище девы Дике-Астреи, а также Эригоны, превращенных в созвездие Девы.

4. Главная богиня Херсонеса Таврического. Парфенос отождествлялась с Артемидой и ее жрицей Ифигенией».

Что ж, словарь представляет большую возможность выбора в начале наших поисков Девы.

Начнем, конечно же, со знаменитой Афины Паллады. И сразу же в памяти всплывает знаменитый афинский Акрополь, разрушенный, но по-прежнему великий. Именно там до сегодняшнего дня стоит, поражая остатками своей былой красоты, храм Парфенон – одна из самых грандиозных построек Древнего мира. Известно, что этот храм был построен афинским правителем (и любимцем Херсонеса) Периклом в 430 году до н. э. и посвящен богине Афине Парфенос.

В переводе с греческого «парфенос» так и звучит – дева. Храм-святилище, посвященный Афине, украшала ее огромная статуя из слоновой кости и золота работы Фидия. Многим позднее статую перевезли в Константинополь, а в V веке н. э. уничтожили, посчитав невозможным хранить языческое божество. До наших дней сохранились лишь описания статуи да несколько мраморных копий. К тому же хорошо известно, что понтийские города, включая Херсонес, к культу Афины относились достаточно спокойно. Афина была почитаема более всего в метрополии.

Афина имела своим заклятым врагом еще одну деву. Это была самая знаменитая из трех существовавших горгон – Медуса (Медуза). Как и многие другие хорошо знакомые имена мифологических персонажей, Медуса – это всего лишь прозвище, означающее «владычица», «повелительница». Дочь морского царя Форкия, возлюбленная владыки морской стихии Посейдона – прекраснеликая Лебединая дева Медуса властвовала над народами северных земель и морей. Но в условиях господствующих матриархальных отношений Власть не ужилась с Мудростью: соперницей Медусы стала Афина. Скупые осколки древних преданий позволяют восстановить канву разыгравшейся трагедии. Две девы-воительницы не поделили власти над Гипербореей. Борьба была жестокой. Первым актом низложения соперницы стало превращение прекрасной Лебединой царевны Медусы в отвратительное чудовище с кабаньими клыками, волосами из змей и взглядом, обращающим все живое в камень. Данный акт символизирует, скорее всего, раскол протоэллинского этнического и идеологического единства и отпочкование той части будущих основателей великой древнегреческой цивилизации, которые под воздействием природной катастрофы и под предводительством или покровительством девы Афины начали колонизацию новых земель. В пределах жизни отнюдь не одного поколения они добрались до Балкан, где, воздвигнув храм в честь Афины, основали город, и поныне носящий ее имя. Это версия профессора В. Демина.

Но женская мстительность, как известно, не знает границ. Афине было мало морально уничтожить Медусу – ей требовалась еще и голова соперницы. Вот почему некоторое время спустя она отправляет назад, в Гиперборею, своего сводного брата Персея и, по свидетельству многих, сама сопровождает его. Обманным путем Персей и Афина вместе расправились с несчастной Медусой: по наущению Паллады сын Зевса и Данаи отрубил Горгоне голову, а Афина содрала с соперницы кожу и натянула на свой щит, в центре которого поме-

стила изображение головы несчастной Морской девы. С тех пор щит Афины носит название «горгонион». Лик Медусы украшал также эгиду (доспехи или же плащ-накидку), которую носили Зевс, Аполлон и все та же Афина.

В описании борьбы Афины и Медусы обращает на себя внимание, что ее именуют, и, видимо, не случайно, Лебединой девой. А именно так звали жену Велеса Гвидоновича Азовушку! К тому же и борьба двух дев разворачивается именно за гиперборейские земли, которые, как мы уже выяснили, можно вполне олицетворить с Древней Тавридой. Так, может быть, перед нами еще один отголосок давней борьбы Велеса и Хорса против пришлых врагов, только уже в женском варианте?

Безудержная жестокость олимпийских богов всегда была на редкость изощренной, хотя, должно быть, отражала самые обычные нормы поведения той далекой эпохи. После канонизации олимпийцев в памяти последующих поколений элементы кровожадности как бы стерлись. Сладкозвучным и опоэтизированным считается прозвище Афины – Паллада. И мало кто вспоминает, что получено оно было на поле битвы, где беспощадная Дева-воительница живьем содрала кожу с гиганта Палласа (Палланта), за что и была присвоена Афине кажущаяся столь поэтичной эпиклеса (прозвище) – Паллада. К неоправданной жестокости прибегали и другие олимпийцы. Общеизвестно наказание, которому подверг Аполлон фригийца Марсия, вздумавшего состязаться с Солнцебогом в игре на флейте: с еще живого соперника была содрана кожа...

Что же означает Афина? По-гречески ровным счетом ничего! Как это ни странно, но перевода этого слова на греческий не существует. А по-русски? Историк Ю. Д. Петров считает, что Афина есть производная от слова атена-таена-тайна! Вспомним, что и родилась Афина не так, как все остальные боги. Она родилась из головы Зевса. Именно так рождается мысль, причем мысль сокровенная, тайная, предназначенная для избранных. Может, именно поэтому Афина – богиня Мудрости. Этимологически мифообраз Афины-Тайны, на мой взгляд, вполне убедителен. Но ведь это образ, выстроенный не в соответствии с греческим, а с русским языком! Так, может быть, все же Афина имеет какое-то отношение к земле русов и тавров?

Память же о Горгоне Медусе у народов, во все времена населявших территорию России, не прерывалась никогда. Змееногая Богиня-Дева, которая вместе с Гераклом считалась греками прародительницей скифского племени, по мнению ряда ученых, не что иное, как трансформированный образ Медусы.

Связанная в народном мирозерцании с морем, русская Медуса-Мелуза обратилась в сказочную рыбу, не потеряв, однако, ни человеческих, ни чудовищных черт: на лубочных картинках она изображалась в виде царственной девы с короной на голове, а вместо ног у нее рыбий хвост. Так сегодня принято изображать русалок. Ничего рыбьего, кроме хвоста, в образе русской Медусы-Мелузы практически нет – рыбы ее просто окружают, свидетельствуя о морской среде. Похоже, что русская изобразительная версия гораздо ближе к тому исходному доэллиническому архетипу прекрасной Морской царевны, которая в процессе Олимпийского религиозного преобразования божеств и была превращена в чудо-юдо. Память о древнерусской Медусе сохранилась и в средневековых легендах о Деве Горгонии. Согласно славянским преданиям, она знала язык всех животных. И снова вопрос: уж не Артемида ли, которая, как известно, отличалась именно знанием языков и повадок животных?

По крайней мере, обратим в истории с Медусой внимание на несколько деталей: место действия происходит в местности, которая именуется Гипербореей, совпадение греческой Медусы с древнерусской и, наконец, определенная схожесть этой несчастной Девы именно с Артемидой.

Все это весьма пригодится в дальнейших наших исканиях.

Ну а как обстоит дело с другими богинями, которые могут прояснить нам картину с таинственной херсонесской Девой? Вспомним еще раз миф о девушках, бросившихся из-за страха наказания за разбитые амфоры с вином в море. Но нет херсонесского следа, увы, нет. Ведь фигурирующий в мифе Херсонес являлся Карикийским, а не Таврическим. А потому погибшая в волнах девушка, скорее всего, далека от темы нашего расследования. Поэтому теперь нам стоит более подробно остановиться на Артемиде и ее жрице Ифигении.

Для начала разговора об Артемиде обратимся к такому признанному авторитету Древнего мира, как Еврепид. Знаменитый афинский драматург утверждал, что под неведомой Девой подразумевалась всем известная богиня Артемиды. Однако не менее авторитетные историки древности Геродот и Страбон были склонны видеть в Деве скорее некое чисто местное тавро-херсонесское божество. Страбон писал: «В этом городе (Херсонесе. – *В. Ш.*) есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся на расстоянии ста стадиев мыс, названный Парфением (т. е. Девичьим). В святилище находится храм богини и статуя». Ничего более конкретного Страбон о культе Девы сказать не мог... К началу же н. э. о Деве вообще ничего уже не знали. Вот что пишет о ней в V веке н. э. историк Стефан Византийский: «Святилище Девы – место и мыс перед боспорским городом Херсонесом... названы по имени какого-то божества...» Если Страбон говорит о «какой-то богине», то Стефан уже вообще о каком-то «безведомом божестве». Удивительно, ведь и Еврепид, и Страбон, и Геродот были современниками девичьего культа в Херсонесе (V–IV вв. до н. э.), но и они уже пребывали в известном затруднении относительно однозначности ее природы.

Над этими вопросами вот уже немало лет ломают головы историки и археологи. Как и прежде, молчит неведомая Дева, и по-прежнему нет однозначного ответа на вопрос: кто же она?

Храм и алтарь Девы херсонеситы установили на центральной городской площади – агоре. Это была главная святыня города. Богиня Дева была объявлена и небесной царицей Херсонеса, и горожане даже вели летоисчисление по годам ее царствования. В честь Девы устраивались и особые праздники – Парфении. Сохранившиеся надписи тех времен гласят: «...Так постановлено Советом и Народом в царствование Девы...», «...Приложили печати в первом ряду: богиня царица Дева...» А некий херсонесский историк Сирик даже удостоился за прославление богини высшей городской награды – почетного декрета: «...Поскольку Сирик, сын Геракледа, явления Девы, трудолюбиво описав, прочитал, <...> то дабы он получил достойные почести, да постановят совет и народ похвалить его за это, и увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашению... Написать симмнамонам (?) на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы...»

Порой за Деву вспыхивали настоящие сражения. Так случилось однажды, когда большая религиозная процессия горожан вышла далеко за стены Херсонеса, неся статую Девы. На процессию внезапно напали сидевшие в засаде тавры. Для чего? Скорее всего с целью овладеть статуей богини, которую они почитали не менее херсонеситов. Нападение удалось как-то отбить. Естественно, что одержанная победа над таврами была приписана все той же Деве. Может, именно поэтому иногда херсонеситы изображали Деву в так называемой башенной короне, имеющей форму крепостных стен. Так она символизировала защиту родного города.

Попробуем же и мы провести свой поиск родословной великой молчаливицы. И, как знать, может быть, именно нам древняя богиня и откроет свое имя, поведаст о своей непροстой божественной судьбе, о своих неразгаданных тайнах и о своем возвышенном предназначении.

Я люблю приезжать в Севастополь осенью. В эту пору еще стоят солнечные дни, но ветер уже не по-летнему свеж. На улицах малоллюдно, и воздух пахнет дымом костров – это горожане жгут опавшие листья. В эти дни сладок поток вездесущих туристов и на херсо-

несском городище. Не знаю почему, но я всегда испытываю необъяснимое чувство тревоги, бродя один по остаткам Херсонеса. Может быть, это оттого, что в моем воображении этот город все еще полон жизни, что над любыми руинами всегда, вероятно, остается какая-то аура былого... Всякий раз, бродя меж остовов домов и улиц, я неизменно прихожу к пещере Парфенос. Найти ее совсем не трудно, ибо она расположена в самом центре древнего раскопа. Сколько тайн хранит этот глубокий каменный колодец! Сколько удивительных и невероятных историй могли бы поведать стены пещеры, если бы могли говорить. Увы, вечные камни немые. Местные археологи полагают, что именно в этой пещере мог скрываться от преследования язычников первый херсонесский епископ святой Василий. Но ведь пещера существовала и многим ранее!

Это вполне могло быть, потому что над пещерой ко времени пребывания в Херсонесе Василия был выстроен дом, а сама пещера использовалась как катакомбная церковь.

К тому же, как мы знаем, случайных названий не бывает. Так почему же именно эту пещеру со стародавних времен именуют Парфенос? Впрочем, есть предание, что когда-то, еще задолго до основания Херсонеса, в этой пещере жила некая нимфа.

Может, это именно она позднее воплотилась в образ божественной Девы?

Знаю, что ничего не смогу найти и выяснить, но все равно спускаюсь в мрачный зев Парфеноса. Ступени внезапно обрываются, и приходится прыгать. Недавно прошел дождь, а потому на дне грязь и лужи. У вырубленного в скале алтаря кто-то поставил свечу. Она еще догорает. Сажусь на один из камней. Видно, как в небе проносятся облака. Быть может, так же как и я, смотрела когда-то на них и легендарная дева-нимфа, готовя себе жесткое ложе меж камней. Молчат камни. Молчит пещера, свято храня доверенную ей тайну. Да и стоит ли открывать ее людям? Зачем? Сколько их, суетных и крикливых, уже побывало в ней и подле нее? Где все они ныне? А она, Парфенос, стояла и будет стоять здесь всегда – до окончания веков.

У немецкого средневекового историка Вестфалена есть удивительное сообщение, мимо которого почему-то проходят наши отечественные историки. Может быть потому, что труды Вестфалена никогда не издавались на русском языке и вообще крайне малоизвестны нашим научным кругам. О чем же пишет немецкий средневековый ученый, чьи труды основывались на куда более древних и, увы, в большей мере уже навсегда утраченных для нас рукописях? Вестфален рассказывает о том, что у древних руссов есть область, где особо выше прочих издревле была почитаема богиня Диза-Дева, а главное святилище находилось далеко на юго-востоке, на берегу моря, в некоем городе, именуемом «Девница-город»... Уж не древний ли Херсонес-Орс и его божество Деву имел в виду Вестфален? Но при чем тогда здесь древние руссы? Но может быть, имелись в виду времена, когда в Орсе проживали еще его легендарные правители? Если все было именно так, значит, культ Девы уходит своими корнями вообще в незапамятные времена... Значит, Дева вообще являлась древнерусским божеством, а тавры лишь хранили и берегли этот реликтовый культ Севастопольской земли?

...Сколько времени пробыл я в знаменитой пещере, не знаю. Да и существует ли вообще оно здесь? Уже в вечерних сумерках, поднявшись наверх, оглядываюсь в последний раз на сказочную Парфенос, и в памяти внезапно всплывают бессмертные волошинские строки:

О, странник-человек!
Познай священный грот.
.....
Из бездны хаоса, сквозь
Огненное море,
В Пещеры Времени влечет водоворот...

В херсонесском музее однажды я увидел монету с изображением удивительной по красоте девичьей головы. Черты девушки были столь совершенны, что и сегодня она, вне всяких сомнений, была бы эталоном красоты. Быть может, древний мастер изобразил на куске серебра свой женский идеал, но мне все же очень хочется, чтобы она была какой-нибудь местной девушкой, о красоте которой знал весь город и влюбленный в нее монетный мастер. Согласно надписи, на монете изображена все та же неведомая Дева. Каждый раз, бывая в музее, я обязательно подхожу к красавице. Все та же изящная головка, все та же таинственная полуулыбка Моны Лизы. И внезапно мне начинает казаться, что губы юной херсонеситки вот-вот разомкнутся, и она, весело рассмеявшись, расскажет мне о том, чей лик она была когда-то избрана запечатлеть. Но молчит херсонесская дева – и двадцать три века между нами, как неодолимая пропасть разных времен и миров.

Вспомним здесь наш недавний разговор о древнерусском боге Геракле-Заряnine, отце бога Руса. Возникает вопрос, а не закодировано ли в этом явно неслучайном единстве трех имен и место их общего обитания: любимейший герой херсонеситов Геракл, в единении с некой девой Зарей-Заряницей, явно русского происхождения, и, наконец, сын-бог Рус, то есть просто бог русских? Не есть ли это триединство пусть косвенным, но все же доказательством того, что все они не только могли составлять некогда единый пантеон, но имеют давние и глубокие корни именно на земле нынешнего Севастополя.

Еще одна неразгаданная тайна Херсонеса – некое божество Херсонас. Кто это и что это, ученые не знают и по сей день. Есть мнение, что Херсонас – это какое-то местное божество, полубог-полугерой, который считался основателем города. На некоторых монетах он изображается в виде мужской головы с лирой, а на других – в виде женской, но все с той же неизменной лирой. Кто же он был – мужчина или женщина? Почему рядом с ним лира? Ведь лира неизменный атрибут Аполлона! Так, может, Херсонас чем-то сродни этому олимпийскому богу? Ну а как тогда быть с женским изображением того же Херсонаса? Если мужчина Херсонас ассоциируется с Аполлоном, то дева Херсонас с Артемидой, Афродитой или с кем-то еще?

Впрочем, на этот счет у меня есть своя версия. По-моему мнению, и Дева, и Херсонас достались в наследство херсонеситам от жителей древнего Орса-Корсуни. Херсонас, как мне кажется, это все тот же эллинизированный древнерусский Хорс – бог-основатель Орса. Кроме Орса, жители Орса-Корсуни поклонялись еще и некой деве. Какое-то время херсонеситы путали Хорса с девой, изображая их в разном обличье. Но затем более близкой им стала Дева, в которой греки без труда нашли черты Артемиды. Хорс же в эллинизированном варианте постепенно стал Хорсонасом. Статус его при этом, однако, сильно понизился. Его пытались даже переделать в брата Артемиды Аполлона, для чего, видимо, и вооружили лирой. Но со временем любовь к Хорсу-Херсонасу у греков угасла окончательно, зато Дева, наоборот, стала наиболее любимой и почитаемой.

Да, в образе херсонесской Девы легко угадываются черты знаменитой олимпийской богини Артемиды. Артемида – в греческом эпосе – одна из самых главных богинь, дочь Зевса и богини Лето, сестра-близнец Аполлона. Артемида решительна и сурова, она истая защитница целомудрия, но в то же время истая поборница человеческих жертв. Все свое время Артемида неизменно проводила в лесах и горах, где строго следила за соблюдением обычаев, связанных с окружающей природой, строго карая нарушителей. Артемида имела и целый ряд прозвищ: Артемида Браврония, Артемида Ифигения, Артемида Ортия, Артемида Тавропола, Артемида Кинтия (Цинтия) и другие. Целый ряд мифов сближает Артемиду с богиней Луны Селеной. Уже многим позднее в римской мифологии Артемида отождествилась с Дианой, которой в свою очередь также нашлось место на Геракле-Заряной земле.

Но и здесь не все так просто! Ведь известно, что изначально Диана была богиней охоты у троянцев, что документально подтверждается в речи троянского жреца Колхаса, когда он советует грекам именно ей принести жертвы для получения победы! Кроме этого именно Дианой называлась богиня охоты у современных и, видимо, близкородственных троянцам скифов и у их позднейших потомков славян. Многим позже греки также «завели» себе подобную богиню, назвав ее Артемидой. Однако затем последний царь Трои Эней перенес Диану в римский божественный пантеон. Здесь сразу же возникает закономерный вопрос: если «Илиаду» писал грек Гомер, то почему он не назвал греческую богиню греческим же именем? Ответ на это может быть только один: во время осады Трои таковой богини у греков попросту еще не существовало! Зато она была уже у древних троянцев. Так, может быть, херсонесская Дева и была изначально именно троянской Дианой, а только затем стала отождествляться с греческой Артемидой, чтобы по прошествии времени уже во второй раз снова превратиться в Диану, но уже не троянскую, а римскую? К тому же необходимо отметить, что древний Орс имел, скорее всего, весьма тесные политические и торговые контакты с Троей, ибо две морские столицы просто не могли не быть так или иначе связаны между собой.

Дошедшие до нас изображения Артемиды являют ее юной и стройной охотницей в коротком хитоне. Рядом с богиней почти всегда священная лань. В иных случаях, когда Артемида выступает как богиня Луны, она, наоборот, изображается в длинных одеждах, с факелом в руке и полумесяцем на голове. Херсонесскую Деву с Артемидой сближает их воинственность и непреклонность. Вот что об этом пишет римский историк Кирилл Александрийский: «Скифы, живущие на Таврическом Херсонесе, предавая заклятию захваченных ими чужестранцев в честь туземной Артемиды, прибавляли головы их к дверям храма...»

Интересно, что само имя Артемида по-гречески совершенно ничего не означает. Это и понятно, ведь Артемида, как и ее брат-близнец Аполлон и их мать богиня Лето, уроженцы страны гипербореев. Основу имени Артемиды составляет корень «арт», который, как установил наш выдающийся исследователь языческой Руси академик Б. А. Рыбаков, полностью соответствует русскому корню «род». Рыбаков же отметил несомненное сходство между именами Артемиды и Рожаницы, одной из богинь древнерусского эпоса.

А вот мнение уже византийского историка X века н. э. Евстафия: «Древние свидетельствуют, что есть и северный народ тавры и Артемида Тавропола, названная так не только от народа тавров, но и от животного...» Возможно, неведомую Деву и звали Артемидой Таврополой? Впрочем, может быть, и просто Девой Таврополой, а уж Артемидой ее стали называть, опять же, в силу схожести приписываемых им божественных качеств?

На особую любовь Артемиды к Тавриде прямо или косвенно указывает целый ряд древнегреческих мифов. Именно туда она отправляет свою любимицу Ифигению. А вот небыстрый диалог двух греческих богов Аполлона и Диониса, составленный на основе ранних мифов во II веке н. э. римским драматургом Лукианом Самосетским:

«...Аполлон: Мы похожи друг на друга и занимаемся одним и тем же: мы оба стреляем из лука. (Мы – это Аполлон и Артемида. – В. III.)

Дионис: Насчет лука, действительно, одно и то же, Аполлон, но разница в том, что Артемида убивает иностранцев в Скифии, а ты предсказываешь и лечишь больных.

Аполлон: Значит, ты думаешь, что сестре нравится пребывание у скифов? Да она уже готова, если только когда-нибудь придет в Тавриду какой-нибудь эллин, отплыть с ним, до того ей отвратительна эта резня.

Дионис: Вот это хорошо с ее стороны...»

И еще один поразительный факт из древнегреческой мифологии. Согласно мифам, мать Артемиды богиня Лето (чисто русское имя!) родила ее и брата-близнеца Аполлона не где-нибудь, а, опять же, именно в Гиперборее, на некоем священном острове Астерия. Уж не на Буяне-Тавриде ли, во владениях древних русов?

Так, может быть, наша таинственная Дева – это уже хорошо известная нам Артемида? Но не будем торопиться с выводами!

Теперь настала пора обратиться к любимице Артемиды Ифигении. Кто она такая и откуда?

Согласно древнегреческим мифам, Ифигения была невестой знаменитого Ахилла и дочерью предводителя похода на Трою царя Микен Агамемнона. Легенда гласит, что разгневанная на Агамемнона богиня Артемида задержала в гавани Авлиде спешившую к Трое флотилию греков. Она требовала дань – жизнь дочери Агамемнона. Тот вынужден был согласиться на эту жертву. По приказу отца Ифигения прибыла в Авлиду, но Артемида внезапно смилостивилась, и обреченная на смерть девушка была в самый последний момент заменена прямо на алтаре священной ланью, которая и была заколота. Сама же Ифигения была чудесным образом перенесена в Тавриду. Там ей предстояло стать жрицей в святилище самой Артемиды и жить среди древнейших жителей Севастопольской земли. Ифигения должна была исполнять страшный обряд – приносить в жертву Артемиде всех, кто оказывался в плену у тавров. Спасенная от смерти должна была убивать иных.

...Много ценного металла
Скрыто в храмах городов.
Ифигения устала от палаческих трудов,
И наморщен лоб мой низкий,
И сияет светлый щит,
И под нами Понт Эвксинский —
Море Черное шумит...

В своей драме «Ифигения в Тавриде» Еврипид говорит устами своей главной героини:

И через блеск эфирный к берегам
Унесена Тавриды я. А в этой
Стране над варварами, варвар сам,
Царит Фоант.
Он в этом храме жрицею меня
Поставил Артемиды; с той поры
Обряды здесь в усладу ей, себе же
По имени лишь светлые, я правлю.
Печальный труд... Из старины обычай
Меж таврами ведется и теперь:
Коль эллин здесь появится, богине
Его готовить в жертву я должна...

Спустя некоторое время в Тавриду прибывает с целью кражи деревянного кумира Артемиды брат Ифигении Орест и его верный друг Пилад. Тавры хватают неудачливых похитителей. Обоим грозит неминуемая смерть, но Ифигения узнает брата. Она освобождает их, помогает похитить священную статую и вместе с друзьями бежит на родину.

Царь тавров Фоант преследует беглецов. Но тщетно. Перед преследователями появилась богиня Афина со словами:

Куда, куда направил ты стопы,
О царь Фоант? Внемли словам Афины!
Останови погоню, прекрати

Твоих дружин поток необоримый.
Вещаниям покорный Аполлона
Орест сюда явился: должен он
Эриний гнев умиловать, а Аргос
Вернуть сестру и в край любимый мой
Кумир святой доставить Артемиды...

Почему сама покровительница тавров Артемида не вмешалась в ход событий, которые имели к ней самое непосредственное отношение, непонятно, но богобоязненному Фоанту было вполне достаточно и окрика Афины, царь отвечал ей:

Владычица Афина, речи божьей
Коль человек, внимая, не покорен, —
Безумец он. Нет, на Ореста я
За статую, им взятую, и жрицу,
Его сестру, уж гнева не держу.
Прилично ль против богов могучих
Бороться мне? Пускай в страну твою
Они плывут с кумиром, и пусть счастье
Венчает в ней богини новый храм...

Избавившись от преследования, беглецы благополучно вернулись в Грецию. Там Ифигения стала жрицей в храме Артемиды, но уже больше человеческими жертвоприношениями не занималась. Интересно, что Еврипид в своей драме представил Ифигению не божеством, а обычной девушкой. Миф об Ифигении Таврической вообще был одним из самых любимых у древних греков. Эти мотивы легли в основу «Илиады» Гомера. Две трагедии «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде» увидели свет в античное время. Затем появились «Ифигения» и «Ифигения в Тавриде» Гёте, и, наконец, композитор Глюк в музыкальных сочинениях «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде» также увековечил этот образ. К Ифигении обращались Гауптман и Фейербах, Ван Дейк и Скарлатти, Серов и даже Леся Украинка...

Когда-то великий русский философ Владимир Соловьев сделал неожиданное открытие. В знаменитом «Гамлете» Шекспира он усмотрел явные мотивы мифа об Ифигении и Оресте. Вот что пишет Соловьев, называя сам миф «Орестией»: «Мало замечают обыкновенно, что сюжет “Гамлета” есть лишь обновленный сюжет древней Орестии. У Ореста, как и у Гамлета, благородный отец убит родственным злодеем при главном участии собственной жены убитого, матери Ореста. Но тут само положение создает трагедию независимо от индивидуальности героя. Смирение и прощение врагов вовсе невозможны для Ореста — такого понятия не существовало в его время...»

Но в сюжетах есть и существенная разница. Безусловно, прекрасно знавший древнегреческую мифологию Шекспир изменил характеры своих героев, сообразуясь с духом времени. Бедному Гамлету было куда страшнее, чем его предшественнику Оресту, хотя ситуация, в которой оказался последний, была более опасной. Трагедия Гамлета состояла в том, что с ним рядом не было столь преданного и решительного друга, как Пилад у Ореста, да и Офелия явно не обладала отчаянной храбростью сестры Ореста Ифигении. Возможно, поэтому и финал этих двух драм получился совершенно различным: исполнивший свой сыновий долг, но павший Гамлет и счастливый победитель всех своих врагов Орест.

Как увлекательно развязывать пусть даже самые маленькие узелки вековых тайн, когда внезапно для себя ты оказываешься на пороге какой-то новой загадки, чуть-чуть при-

открытой тебе свыше за долгий труд и упорство! Ведь казалось, кто бы мог подумать, что Шекспир изучал историю Тавриды и она, эта история, послужила основой для одной из его великих трагедий. И как заманчива мысль, что сюжет бессмертного шекспировского «Гамлета» был впервые проигран именно на скалах нынешнего мыса Фиолент! Что же касается бедной Офелии, то она не обладала и малой частью решительности и смелости мифической Ифигении.

Впрочем, история донесла до нас и куда более прозаическую и земную историю жизни девушки с именем Ифигения. Братья Иоанн и Исаакий Цецы в своем объяснении к древнегреческой трагедии «Кассандра» в XII веке писали, ссылаясь на древние источники, следующее: «...Ифигения, спасшись, бежит в Скифию, становится жрицей Артемиды и убивает всех прибывших туда эллинов. Некоторые писатели... называют эту Ифигению дочерью не Агамемнона, а Тезея, рожденной от Елены и удочеренной Клитемнестрой, и утверждают, что от Хрисовой дочери Астиномы и Агамемнона родились дети Хрис и названная Ифигения. После разрушения Илиона, во время обратного плавания эллинов, Хрис умер в так называемом Хрисополе, на Эвксинском Понте, а сестру его, Ифигению, тавроскифы взяли в плен и сделали жрицею Артемиды, то есть Луны...»

Впрочем, ряд мифов рисует иное продолжение судьбы Ифигении. В этом варианте Ифигения после оказания помощи брату вновь, по воле Артемиды, была перенесена, но на этот раз на остров Блаженных, где встретила со спасенным от смерти своим женихом Ахиллом. Там, прожив долгую и счастливую жизнь, они и умерли.

Однако, несмотря на то что подавляющее большинство древнегреческих источников четко различают Артемиду и Ифигению, ряд мифов отождествляют их как одно и то же лицо...

Теперь нам нелишне будет вспомнить опального римского поэта Овидия. Находясь в ссылке на берегу Черного моря, он писал своим почитателям поэтические послания, которые так и назывались – «Письма с Понта». Как известно, Овидий был не только великим поэтом, но и талантливым историком. Дотошно исследуя темы своих сочинений, он всегда стремился добиться максимальной правдивости и достоверности. Но чем нам может помочь Овидий? Оказывается, может! В одном из своих писем поэт повествует об истории Ифигении и Ореста. При этом он подробнейшим образом описывает храм, где служила свою страшную службу невольная жрица. Последуем за Овидием. Может, и поэт, и описанный им храм хоть немного помогут нам в ответе на вопрос: является ли Ифигения загадочной херсонесской Девой? Так что же пишет нам сквозь века великий римлянин:

Место в Скифии есть, что зовется издревле Тавридой...
Там и по нынешний день есть храм, и четырежды десять
К мощным колоннам его в гору ступени ведут.
Здесь, повествует молва, небесный кумир находился;
Цело подножье его, хоть и пустое стоит.
Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив.
Женщина правит обряд, не зная факелов брачных;
Выше скифских подруг знатностью рода она.
Нашими предками был такой установлен обычай:
Должен был каждый пришелец пасть под девичьим ножом.

Итак, что же нам сообщает Овидий? Оказывается, весьма и весьма немало! Самое главное это то, что поэт однозначно говорит о существовании храма Артемиды, кроме этого, он рассказывает и о некоторых деталях, которые придумать было бы, казалось, совершенно

незначем. Прежде всего, это то, что ко времени Овидия уцелел лишь фундамент былого строения. Овидий называет его подножием. Кроме этого, поэт называет точное число ступеней и почерневший от крови и времени каменный алтарь. При этом создается впечатление, что Овидий ведет рассказ не с чьих-то слов, а говорит об увиденном им самим.

Историк и драматург описывает храм еще в эпоху его величия. Оставил описание храма Девы и знаменитый Еврипид. Он обращает внимание на следующие вещи: перед храмом стоит алтарь, обогранный жертвенной кровью, рядом свалены в кучу воинские доспехи жертв, священный участок храма обнесен высокими стенами и к нему ведет лестница. Упоминает Еврипид так называемые триглифы и иные эллинские архитектурные детали. Пишет он и о том, что «...золотом блещет карниз над лесом могучих колонн», и об «обитой тяжелой медью двери». Однако именно эти многочисленные детали храма Девы вызывают сомнения в подлинном существовании легендарного храма. Вот точка зрения известного крымского историка Э. Б. Петровой: «Именно такие храмы возводили греки у себя на родине еще в VII–VI веках до н. э., то есть в то время, когда ими было основано большинство колоний в Северном Понте. Не могли ли дикие тавры, столь сурово обращавшиеся с греками и упорно не желавшие контактировать с ними, построить подобный храм? Очень сомнительно. Кроме того, по словам Еврипида, внутри храма находилась деревянная статуя Артемиды. Ученым хорошо известно, что в древние времена, еще до колонизации Северного Причерноморья, у греков в храмах стояли деревянные статуи богов. Их называли ксоанами (“обтесанными”) и считали, что они упали с неба (вспомним “небесный кумир” у Овидия!). Позже такие статуи постепенно были заменены на каменные и бронзовые. Таким образом, храм, описанный древними авторами, имел чисто греческий облик, а таковые не строили ни тавры, ни любые другие варвары. Их храмы и жертвенники совершенно иного типа. Тавры не могли возвести храм, характерный для греческой архитектуры, еще и потому, что они просто не владели столь высокой техникой строительного дела. Ведь это были довольно отсталые по уровню развития племена. По Геродоту, жили они разбоем и войной и были настолько жестоки с захваченными в плен чужеземцами, что никого не оставляли в живых. Об этом сомнительном утверждении мы уже говорили выше.

...Учитывая все сказанное, не должны ли мы считать историю с таврским святилищем на крутом утесе, имевшим облик эллинского храма, просто выдумкой? Вероятнее всего, Еврипид знал, как выглядели ранние эллинские храмы, но, вполне возможно, не имел представления об облике святилищ других народов, тем более тавров, которых никогда не видел и очень мало о них слышал. Но поэт знал, что жертвы обязательно приносят на алтари храмов. Об обычае тавров убивать военнопленных-чужеземцев он, конечно, тоже знал (хотя бы из труда Геродота). Вот и приписал этому дикому племени умение строить храмы, да еще и вполне цивилизованные».

Почему же у тавров не могло быть столь совершенного храма? Почему мы считаем, что Еврипид и Овидий занимались обманом, хотя вся их деятельность говорит как раз об обратном. Ведь даже если тавры и в самом деле не владели строительным мастерством столь искусно, как греки, то и при этом могло быть немало вариантов создания храма Девы. Например, какая-то группа греков-переселенцев могла построить его для своих нужд, затем тавры вполне могли его отбить. Храм могли выстроить и мастера, владевшие секретами греческого строительного мастерства. И, наконец, возможно предположить, что храм Девы достался таврам в «наследство» еще от древних руссов, живших ранее в солнечном городе Орсе-Корсуни. Ну а к тому, почему Овидий назвал статую девы «небесным кумиром», мы еще скоро вернемся.

А вот мнение историка Т. М. Фадеевой: «Романтическими поисками храма Девы, где Ифигения несла свое печальное служение жестокой богине и откуда была похищена ее статуя, отдали дань многие русские и иностранные исследователи. Археологические поиски

продолжаются и по сей день: исследователи вновь и вновь обращаются к сообщениям античных авторов, стремясь выделить в причудливом переплетении мифов и легенд подлинные исторические и географические сведения. Однако сегодня приходится принимать во внимание следующие соображения. Во-первых, храм, столь красноречиво описанный Овидием и неоднократно изображавшийся на античных вазах и барельефах, был, по-видимому, воздвигнут греками в Херсонесе или поблизости; здесь чтили божество, в котором синкретически слились черты местной Девы и греческой Артемиды. Что касается тавров, то, по-видимому, у них были не храмы, а святилища; скорее всего, они представляли собой жертвенники на крутых утесах».

Не так давно археологами неподалеку от нынешнего севастопольского пригорода Балаклавы, в районе Мраморной балки, было обнаружено странное скопление древних поселений и дорог. После изучения местности был сделан вывод, что здесь, видимо, некогда находился какой-то важный объект. По мнению археолога Г. М. Николаенко, именно здесь, в верховьях Мраморной балки, располагался легендарный храм Таврической богини. Именно из Мраморной балки и сейчас открывается прекрасный вид на море, а рядом с балкой возвышается и скала с остатками какого-то древнего сооружения. Николаенко пишет весьма возвышенно: «План этого здания может быть только планом храма, ведь там не видно ни колодца, ни близко стоящих зданий, ничего, что могло бы отличать жилой дом. О, достойные уважения камни, как вы изъедены временем! Как часто я пытался проникнуть в тайны ваших руин на скудном мху и бедных цветочках, которые на вас растут, не находя ни мрамора, ни алтарей, ни статуй, чтобы подтвердить вашу былую славу! Никакая другая точка Херсонеса не была неоспоримой, кроме именно этой, приспособленной к служению таврийской богине. Это единственное место, где море становится доступным. Только отсюда жестокие тавры могли спешить на помощь терпящим кораблекрушение, чтобы затем принести их в жертву, и что за зрелище открывалось на этой скале, когда весь многочисленный народ, собиравшийся на соседних скалах, как на скамьях в амфитеатре, мог следить за жертвенными торжествами и видеть, как его жертвы бросают в пропасть. Если храм таврийской богине был не здесь, то я не знаю, куда бы я его поместил».

Среди мифов древних русов, как мы уже знаем, существует удивительный миф о кентавре по имени Кентаврас, строящем храм Солнца (Орса) на острове Буян у камня Алатырь. Так, может быть, речь здесь идет все о том же храме, где в свое время служила Ифигения? Что же касается священного камня Алатырь, то вполне возможно, что именно он исполнял роль алтаря. Может быть, именно от этого камня Алатыря впоследствии произошло и само название – алтарь. А вот описание храма Солнца, согласно древнерусским мифам:

Был построен храм на семи верстах,
На восьмидесяти возведен столбах —
Высоко-высоко в поднебесии.
А вокруг храма посажен Ирийский сад,
Огорожен тыном серебряным,
И на всех столбах стоят свечки,
Что вовеки не угасают. Был тот храм длиной
Шестьдесят локтей, в поперечину – двадцать
И тридцать – ввысь. Были в храме окна решетчатые,
Были двери в храме чеканные. Был внутри он обложен золотом
И камнями драгоценными.
И двенадцать дверей и двенадцать окон
Были камнями изукрашены: сердоликом, топазом и изумрудом,
Сапфиром и ясписом; гиацинтом, агатом и аметистом;

Хризолитом, бериллом и ониксом. Оживали на стенах храма
Птицы каменные и звери, поднимались к небу деревья,
Травы вились, цветы цвели...

Не правда ли, описание храма в древнерусском мифе вполне соответствует его описанию у Овидия? Неужели еще одно совпадение?

Итак, храм Девы – вымысел или правда? Одни, отчаявшись его найти, уже давно объявили храм красивой легендой, другие, более упорные, не сдаются и каждый год уходят в новые и новые экспедиции на поиски обиталища Девы. Даже Пушкин, побывав на мысе Фиолент в 1820 году, посвятил несколько часов поиску легендарного храма Девы, а ничего не найдя, написал строки, которые могут и сегодня служить девизом тем, кто не утратил веры в то, что рано или поздно, но храм будет найден:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья.

Однако пока все поиски напрасны. Но отчаиваться не стоит, ведь известно, что земля всегда очень неохотно расстается со своими тайнами.

К тому же храм Артемиды-Ифигении-Девы – это далеко не самое светлое место, ведь именно там на протяжении многих столетий свершались обряды человеческих жертвоприношений. Вспомним, что большинство первых церквей и базилик христиане старались сооружать именно на местах бывших языческих капищ. Почему? Да для того, чтобы изгнать из этих мест силы зла, чтобы отмаливать все плохое и восстановить в этих местах своеобразный баланс духовных начал. Так строили храмы в Италии и Греции, Византии и на Руси, так строили их и в Херсонесе. Так, может, и расположенный ныне на мысе Фиолент и действующий до сих пор тысячелетний Георгиевский монастырь возник не просто так, а именно на месте древнего кумира? Может, именно монахи этой седой обители все десять веков отмаливают бывшее некогда в погребенном под фундаментом православного монастыря языческом храме зло? Возможно, именно поэтому не торопится Севастопольская земля вернуть людям руины храма Девы. Просто еще не все зло вымолено и еще не пришел день и настал час, когда храм Девы может явиться нам...

Не кривя душой, скажу, что более красивого места, чем Фиолент, я никогда и нигде не видел. Потрясающий вид скалистых берегов и удивительной прозрачности море, головокружительной красоты пляжи и головокружительные обрывы, буйная зелень, спускающаяся к морю, и фантастические скалы-острова – все это, увиденное в один миг, не может оставить равнодушным никого.

И на каждом шагу напоминание о Деве. Вот балка Дианы, по которой струится вниз священный родник. Вот неповторимая по красоте Девичья скала, с которой, согласно легенде, бросилась, разлученная с любимым, девушка. Тут же и грот Дианы. А над всем этим нависает громада величественного каменного мыса.

Когда-то в античные времена мыс именовался Партениумом или Парфеносом, т. е. Девичьим. В христианское Средневековье – мысом святого Георгия. Ныне его зовут Фиолентом. Одни специалисты говорят, что Феолент означает – «Божья страна», другие, имея его по-татарски Филек-бурун, переводят на русский как Тигровый мыс. Оба перевода имеют под собой достаточно веские основания. Божьей страной мыс могли назвать хотя бы потому, что рядом с ним располагается самый старый на Руси тысячелетний монастырь. Ну а как быть с тиграми, ведь в Крыму их никогда не было? Предполагают, что упоминание о

полосатом хищнике связано, скорее всего, с тем, что желтоватый известняк и темный трахит, составляющие основу мыса, чередуясь, издали на самом деле напоминают гигантскую тигровую шкуру.

А какие поэтичные названия являют окрестности мыса посетившему Фиолент: Святой мыс, Мраморная балка, пляж Александриады и грот Дианы. Фиолент сегодня – это «терра инкогнита» поэтов и художников. И я верю, что пройдет совсем немного времени, и название мыса будет звучать столь же весомо и значимо, как Переделкино и Коктебель. Фиолент – будущая Мекка российской творческой элиты, ибо первым оценил его могучую красоту великий Пушкин... Именно Пушкин, побывав здесь, прекрасно почувствовал реальность здешних мифических мест, понял незримую связь времен. В письме своему другу барону А. А. Дельвигу он писал: «Я объехал полуденный берег... Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они. “К чему холодные” и проч.».

Еще одна загадка Девы – амазонки. Да, да, те самые амазонки, поисками которых вот уже сколько столетий занимаются как профессиональные историки, так и бесчисленные любители. Их ищут буквально по всему миру, но то, что они были на Севастопольской земле, не подлежит сомнению.

В свое время известный исследователь древности профессор М. И. Ростовцев первым связал предания о Деве с преданиями о живших в Приазовье племенах меотов, синдов и савроматов. У древних савроматов, живших некогда к востоку от Дона, – по рассказам греческих путешественников, – девушки обучались военному делу наравне с юношами и даже не имели права выходить замуж, пока не убьют хотя бы одного врага. Сохранилось даже общее название этих племен, где явно царил матриархат, – «жено управляемые».

Легенды, относящиеся к берегам Северного Черноморья и Тавриды, дали жизнь многочисленным вариантам сюжетов греческой вазописки, изображающих борьбу амазонок с грифами, битвы греков с амазонками и т. д. При этом одеты амазонки явно по-скифски – в мужской костюм с пришитыми к нему золотыми бляшками и островерхий колпак с длинными наушниками. Многим позднее такой колпак назовут фригийским – по названию одной из местностей в Малой Азии. В нем будут щеголять французские якобинцы, а позднее он украсит голову Марианны (тоже девы!), символизирующей Французскую республику. Вне всяких сомнений, что многие реалистические подробности, воспроизводимые мастерами-вазописцами, несомненно, опирались не только на легенды, но и на конкретные наблюдения племен, где женщины владели оружием наравне с мужчинами.

Выше мы уже говорили о жившей в 3–2-м тысячелетиях до н. э. царице амазонок Мирине (имя весьма схоже с современным русским именем Марина!). Легендарная Мирина воевала с атлантами и матриархальными племенами горгонянок. Она же построила и город Солнца Херсонис. Так, может, амазонка Мирина тоже имеет какое-то отношение к нашей загадочной Деве?

Согласно мифам, изначально амазонки (или савроматские племена, где господствовал матриархат) обитали на южном берегу Понта, но затем, теснимые иными племенами, оказались на его северных берегах. Как и тавры, савроматы не раз сражались с греками. Последних, видимо, более всего поражали савроматские женщины, становившиеся вместе с мужчинами в боевой строй.

Что касается легендарных амазонок, то про них рассказывали всякие небылицы: что они выжигают себе для лучшей стрельбы из лука одну грудь, что отвергают хлеб, поедая вместо него черепахи, змей и ящериц, что убивают рожденных мальчиков и т. д.

О пребывании амазонок в Меотиде (на берегу Азовского моря) писал еще Еврипид в своей трагедии «Геракл»:

Через бездну Эвксина к берегам Меотиды,
В многоводные степи, на полки амазонок
Много витязей славных за собой он увлек.
Там в безумной охоте он у варварской девы,
У Ареевой дщери, златокованный пояс
В поединке отбил.

Как раз на берегах Азовского моря обитали сарматские племена, где женщины играли первостепенную роль. Да и божества там тоже имели женское начало, например женское божество плодородия. Освоившись в Приазовье, сарматы вскоре дошли и до скалистых берегов Тавриды. Сохранился рассказ римского историка Полиена о сарматской царице Амаге, которая «сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям». Во время одной из войн Херсонеса со скифами Амага во главе отряда конных воинов внезапно атаковала скифов с тыла, убила их царя и спасла Херсонес. Быть может, образ Амаги – это лишь легенда, а может, предания донесли до римского историка отголоски каких-то более древних событий, которые могли происходить даже до появления Херсонеса в предполагаемом нами Хрисополе или даже в протодревнем Орсе-Курсуни.

Нелишне будет вспомнить и то, что, согласно греческим мифам, высшим своим божеством амазонки почитали уже знакомую нам Артемиду, воительницу и охотницу.

А вот утверждение почитаемого в научной среде Диодора Сицилийского. В своем главном труде «Библиотека» он сообщает, что амазонки, жившие первоначально в Приазовье, двинулись дальше на юг и в своем движении достигли Тавриды, где на берегу основали святилища Ареса и Артемиды-Таврополы. Диодор Сицилийский указывает на возможность происхождения культа Девы от посетивших Севастопольскую землю амазонок. Куда же двинулись бесстрашные воительницы дальше? Сарматы, как известно, осели в причерноморских степях. Что ж, амазонки – это еще одна нераскрытая тайна Гераклеи!

Собирая по крупицам сведения о богине Деве, пытаюсь найти нужное мне звено в разрозненных мифах, я после долгих месяцев поисков сразу с нескольких сторон вышел на почти неопровержимое сочетание Дева-Космос. Тогда мне казалось, что я собрал все, что только было возможно. Но все же интуитивно меня интересовал еще один, ударный, завершающий аккорд – образ Девы в славянской языческой мифологии. Я искал ее всюду, чувствуя, что она непременно не только должна существовать, но и быть напрямую связанной с моей херсонесской молчальницей. Однако ее не было нигде. Мифологические словари упорно молчали. Были: Денницы и Дивы, Живы и Зарницы, Лады, Березины и Мокошь. Но Девы не было! Была в скифско-ведической мифологии яростная богиня огня Агни, но Девы не было.

В один из душных июньских дней я отправился в Союз писателей на Комсомольский проспект оформлять какие-то бумаги по этому поводу. Сделав дела, уже на выходе, сам не зная почему, я внезапно завернул к маленькому писательскому книжному киоску. Взгляд привычно скользнул по пестрому прилавку и сразу же остановился на скромной зеленой обложке. На ней значилось: В. Н. Демин. «Тайны русского народа». Взяв книгу, я наугад раскрыл ее и сразу же обмер... Я нашел то, что уже совсем было отчаялся найти! Я нашел славянскую Деву и не только ее! Нежданная, как подарок судьбы, находка превзошла все мои самые смелые мечты.

Итак, что же поведал мне один из следопытов истоков нашего народа, доктор филологических наук В. Н. Демин? Ученый считает, что такие древнерусские боги, как Дый (упо-

минается в «Хождении Богородицы по мукам») и Див из «Слова о полку Игореве», этимологически восходят к имени древнеиндийского бога неба Дьяуста (dyaus – на санскрите это «день» или «сияющее дневное небо»).

В древнерусских мифологических сказаниях большую роль играла такая ипостась светлого Дня, как утренняя заря (и звезда – одновременно), Денница. Известно также понимание Денницы и как падающей звезды. В дошедшем до нас сборнике XV века «О земном устроении» имеется глава «О денницах», где рассказывается о падающих звездах, представленных как обломки небесного огня. Ряд ученых считают, что образ Денницы характеризует собой космическое животворящее начало, заключенное в свете, олицетворением которого выступает брачная пара День и Денница (Свет околоземный и Свет космический). Если восходить к древнерусским верованиям, то все космические явления (включая землю, воду, небо, огонь) можно представить как самозарождающиеся из света. Историк В. И. Иванов считал Денницу мифологическим существом мужского рода и отождествлял его с христианским и дохристианским Люцифером – одним из ипостасей Дьявола, однако дословно означавшим «Носитель света». По Иванову, Денница – это прежде всего фосфорически светящийся дух – первомятежник, внушающий человеку гордую мечту богоравного бытия; это тот самый «печальный демон – дух изгнания», который «сиял» Лермонтову «волшебной-сладкой красотой» в его поэзии.

В. Демин в «Тайнах русского народа» пишет: «В русском мировоззрении почитание женского космического начала в форме Девы имеет длительную историю: от сказочных Птицедев до Пречистой Девы – светлого и светоносного Божества, впоследствии растворенного в культе Богородицы – хранительницы и покровительницы Руси, избравшей Россию своим последним домом. Имя Дева не могло не быть в центре мифологического и религиозного притяжения хотя бы потому, что оно – одно из древнейших и важнейших понятий индоевропейской культуры. Как известно, в санскрите deva означает “Бог”, “жрец”; “владыка”, “царь”, а также: “небесный”, “божественный”. Соответственно devi – это “Богиня”.

Отголоски такого небесно-божественного смысла сохранились в однокоренных словах и словосочетаниях “диво”, “диво дивное”. Див – одно из древнерусских мифологических существ, действует как персонаж в “Слове о полку Игореве”, предупреждая русских воинов об опасности и одновременно предрекая беду. Кроме того, в древнерусской мифологии было известно женское божество – Дива. Итак, Дева в широком смысле – великий охранительный и вдохновляющий символ русского народа. В древнерусском миропредставлении, в соответствии с индоевропейской традицией, Пречистая Дева – воплощение вселенского и солнечного света одновременно: “И являлось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд” (Откровение святого Иоанна Богослова)».

Итак, все совпало в точности. Как и Херсонесская Дева, русская Дева тоже являла собой единение Земли и Космоса посредством света. Конечно, размышляя далее, можно задаться вопросом: кто из них первичен? Распространялся ли культ русской Девы от древнего Орса, или, наоборот, именно в древнейшей из русских столиц был на протяжении долгих тысячелетий храним и оберегаем божественный общерусский образ, которому поклонялись их пращуры далеко на Севере?

Как знать, может, когда-нибудь нам удастся ответить и на этот далеко не простой вопрос...

А вот еще одни небезынтересные рассуждения доктора философских наук В. Демина: «Северные былины, а точнее – старины, содержат множество намеков на незапамятные времена. Многие из этих намеков перекочевали из древнейших устных преданий, передававшихся из уст в уста и постепенно переиначившихся на новый лад. Так, несомненно, древней-

шего происхождения в былинах о Соловье Будимировиче повторяющийся во многих других текстах известный закодированный рефрен космического содержания.

Чудо в тереме показалось:

На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Говоря современным языком, описанное больше напоминает обсерваторию или планетарий, чем русский терем. Известен и прозаический вариант описания “чуда в тереме”. Самая ранняя, “доафанасьевская” публикация популярной русской сказки “Семь Симеонов” в сборнике, изданном в 1841 году И. П. Сахаровым, содержит драгоценные подробности, отсутствующие в других записях. В воображении читателя воспроизводится все тот же необыкновенный терем в тридевятом царстве, куда попадают братья, переплыв Окиян-море глубокое: “Как и тот терем изукрашенный был красоты несказанная: внутри его, терема изукрашенного, ходит красно солнышко, словно на небе. Красно солнышко зайдет, молодой месяц по терему похаживает, золоты рога на все стороны покладывает. Часты звезды изнашены по стенам, словно маков цвет. А построен тот терем изукрашенный на семи верстах с половиною; а высота того терема несказанная. Кругом того терема реки текут, молоком наполненные, сытой медовой подслащенные. По всем по тем по рекам мостички хрустальные, словно жар горят. Кругом терема стоят зелены сады, а в зеленых садах поют птицы райские песни царские... В том ли тереме все окошечки белостекольчатые, все дверцы чиста серебра. Как и на тереме – то крышечка чиста серебра со маковкой золотной, а во той ли маковке золотной лежит дорог рыбий зуб. От красна крылечка белостекольчата лежат ковры самотканые, а по тем коврам самотканым ходит молода княжна, Елена Прекрасная”».

Надо к Елене Прекрасной присмотреться более внимательно. Она – героиня не одних только древнегреческих легенд, но и русских сказок, куда попала вовсе не потому, что русские сказители слышали о Гомере, а потому, что и у «Илиады», и у русского фольклора, возможно, был один-единственный источник. Дочь Леды и Зевса, явившегося к ней в образе Лебедя – носителя древнего доиндоевропейского тотема, виновница Троянской войны, вылупилась из яйца, снесенного матерью.

Уже одно это свидетельствует о доэллинистическом происхождении образа Леды и ее детей, ведь по древнейшим космогоническим представлениям считалось, что все живое появилось из яйца (отсюда в конечном счете и популярная латинская поговорка *ad ovo* – «от яйца», то есть «с самого начала»).

...По-разному освещают различные источники и последующую судьбу Елены Прекрасной. У античных авторов можно узнать, что после смерти Елена соединилась душой с Ахиллом, и произошло это где-то в Скифских пределах, куда переселилась душа героя. Место посмертной жизни главных героев «Илиады» – остров Левка, что означает «Белый». Это, по разъяснению комментаторов, – один из островов Блаженных, где, как известно, обитали титаны и царил золотой век.

И все же почему Елену творцы греческой мифологии упорно отсылают в края Тавриды? Возможно ли предположить, что Елена Прекрасная и есть наша Дева? Ведь здесь совпадают как минимум три позиции. Во-первых, и Дева, и Елена, как мы выяснили, имеют самое непосредственное отношение как к древним грекам, так и к древним руссам. Во-вторых, ряд мифов связывают кончину Елены с вознесением ее на небо, что также совпадает с космической сущностью херсонесской Девы. В-третьих, вовсе не случайным кажется мне

и отождествление Елены именно с Тавридой, где обитала наша Дева. Да и возможное удаление Елены в пещеру Парфенос тоже можно объяснить. Ведь именно из-за нее началась, по существу, настоящая «мировая война древнего человечества», когда выступил друг против друга почти весь тогдашний цивилизованный мир. Именно осознание своей огромной вины, пусть даже и невольной, за происшедшее могло заставить Елену в конце концов искать уединения в отдаленном священном месте и служить там единению Неба и Земли. А уж знания у нее в этой области были! Елена дружила со многими богами, а знали ее и вовсе все без исключения небожители Древнего мира! К тому же целый ряд древнегреческих мифов именуется Елену как мать... Ифигении!

О Елене, как о жительнице Орса, говорят нам и древнерусские предания. В сказках о Кощее присутствует все та же Елена Прекрасная, которая является царицей и живет за степью, у берега «огнянного моря», в «подсолнечном» государстве. Адрес проживания Елены указан весьма точно. Что касается степи, то для жителей северорусских лесов она действительно жила за степью. «Огнянное море» – то, несомненно, Черное море. Учеными уже доказано, что при сильных землетрясениях, когда из его глубин выходит наверх большое количество сероводорода, оно действительно может гореть. Ну а «подсолнечное государство», разумеется, не что иное, как Солнечный город Орс. Весьма красноречив и социальный статус Елены, она не кто-нибудь, а царица! Да и сам факт того, что память о Деве из Орса навсегда осталась в памяти русского народа, говорит о многом и прежде всего о том, что красота и самой Девы, и ее города вызывали восхищение наших далеких предков. Кроме этого, в сказках она не считается иноземкой, а это значит, что и Елена, и ее «подсолнечное царство» были русскими!

К слову сказать, и для херсонесских девушек образ Девы-защитницы не был чем-то абстрактным. Они боготворили ее и мечтали быть достойными ее внимания. История донесла до нас и события, связанные с херсонесской девушкой Гикийей, дочерью одного из самых уважаемых людей города Ламаха. Гикия была очень красива и вышла замуж по любви за одного из сыновей боспорского царя Асандра. Молодожены обосновались в Херсонесе в доме отца Гикийи. Сам Асандр расценивал женитьбу своего сына на херсонеситке как первый шаг к захвату Херсонеса, о подчинении которого он давно мечтал. С этой целью муж Гикийи на протяжении некоторого времени по ночам приводил к себе в дом боспорских воинов, которые прибывали в Херсонес под разными предлогами, и прятал их в подвале. В условленный час они должны были открыть ворота боспорским фалангам. Однако Гикия обнаружила прятавшихся. Поняв, в чем дело, и верная своему городу, она самолично закрыла все ворота и двери, а затем подожгла дом. В огне пожара сгорели две сотни спрятанных боспорцев и муж Гикийи. Но зато Херсонес был спасен от угрозы порабощения.

Благодарные горожане обещали самоотверженной Гикийе торжественное погребение, что у древних греков считалось высшей из наград. В честь храброй девушки были установлены и две статуи. Одна из них представляла героиню в боевом виде, защищающую город от врагов. Причем статуя Гикийи в точности, за исключением черт лица, повторяла статуи богини Девы. Что ж, это, наверно, было и справедливо: защитница девушка в образе богини-защитницы.

Менялись времена и эпохи, но что-то сокровенное все равно остается неизменным. Кажется, как далека от времен херсонесской Девы Крымская война 1853–1856 годов! Но стоит внимательно вчитаться в хронику севастопольской обороны, и многие, казалось бы, давно известные нам факты начинают звучать иначе. Известно, что в дни Первой Севастопольской обороны женщины города по собственной инициативе своими руками воздвигли целую артиллерийскую батарею, которую матросы и солдаты так и прозвали – «девичьей». Не слышите ли вы в этом отголоски иных эпох? Совпадение ли и то, что именно в Севастополе русские женщины впервые начали перевязывать раненых прямо на поле боя?

Кому в России неизвестно имя Даши Севастопольской, простой матросской дочери, ставшей символом самопожертвования и героизма! Именно Даша была самой известной женщиной «низшего звания» России. Обратив в деньги доставшееся ей в наследство скудное имущество, эта девушка купила лошадь с повозкой и 7 сентября 1854 года отправилась к реке Альма, где на следующий день произошло кровопролитное сражение русских и англо-франко-турецких войск. Самоотверженность, с какой она оказывала помощь раненым, особенно заметная на фоне недостаточного медицинского персонала, обратила на себя всеобщее внимание. В одном из писем жене Н. И. Пирогов писал: «При перевязке можно видеть ежедневно трех или четырех женщин: из них одна знаменитая Дарья». Позднее о Дарье пишут газеты и журналы, ее награждают золотой медалью «За усердие» и крупной денежной премией, она получает почетное прозвище «Севастопольская».

Историки мало знают о героине обороны Севастополя. Лишь сравнительно недавно удалось установить отчество и фамилию Даши. Она оказалась Дарьей Лаврентьевной Михайловой, по мужу – Хворостовой. Родилась в 1838 году в семье матроса, в пятнадцать лет осталась круглой сиротой. В ходе обороны Севастополя она работала на перевязочном пункте Северной стороны, официально не входя ни в одну из начавших действовать в Крыму общин сестер милосердия.

В 1855 году она вышла замуж за матроса и уехала в Николаев. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Даша вернулась в Севастополь, но закончила свои дни она именно там в 1910 году. Похоронили ее на старом кладбище Корабельной стороны. Примерно до 1960 года на ее могиле сохранялся скромный монумент. А потом в связи с засыпкой оврага, на дне которого располагалось кладбище, он был утрачен. Ныне на месте захоронения национальной героини... стадион.

Увы, перед нами забвение еще одной Севастопольской Девы...

Подвижничество Даши послужило примером и для других севастопольских женщин, предвосхитило деятельность Крестовоздвиженской общины сестер милосердия.

Община эта была учреждена в октябре 1854 года в Санкт-Петербурге по инициативе великой княгини Елены Павловны. Деятельность Крестовоздвиженской общины в годы Крымской войны возглавлял сам Н. И. Пирогов. Община в короткий срок была укомплектована женщинами и девушками, пожелавшими поехать в Крым для ухода за ранеными и больными. Вступившие в общину обучались в пехотном госпитале в Петербурге в течение 2–3 месяцев, а затем направлялись в Крым.

Объем работы медиков был огромным. Так, на каждого врача в Крыму приходилось до 700 раненых и больных, на одну сестру милосердия – 100–200 тяжелораненых и 300–400 легкораненых.

В донесении в Петербург от 4 января 1855 года Н. И. Пирогов писал о сестрах: «В течение короткого времени уже были заметны плоды их истинно христианской деятельности. Они не пропускали ни одного обстоятельства в трудном и запутанном госпитальном лечении: их бдительный глаз был направлен на раздачу лекарств, на облегчение страданий, на пищу больных. Днем и ночью они старались доставлять больным теплое питье и прочее... Уже один вид женщин, помогающих страждущим, был утешителен». Помощь и труд сестер оказались неоценимыми также и в тяжелых условиях транспортировки раненых. В своем труде «Начала общей военно-полевой хирургии» Н. И. Пирогов пишет: «Неоценимую услугу в лазаретах, на перевязочных пунктах и в транспортах доставляли под Севастополем сестры Крестовоздвиженской общины... Нужно было удивляться, с каким самоотвержением слабые женщины ухаживали днем и ночью за ранеными. В позднюю осень, одетые в тулупы, в больших сапогах, по колено в топкой перекопской грязи следовали они за транспортами, ходя от одной телеги к другой...»

Из 140 сестер Крестовоздвиженской общины, участвовавших в Крымской войне, погибло 17...

5 октября 1854 года, во время первой бомбардировки Севастополя, англо-французский флот попытался прорваться в Севастопольскую бухту, чтобы нанести удар в тыл оборонявшимся на бастионах. Самым первым устремился на прорыв британский линейный корабль «Агамемнон». Я не знаю, помнил ли английский командующий адмирал лорд Дундас миф о Деве Ифигении и ее отце Агамемноне, а если помнил, то может, преднамеренно и назначил для прорыва именно этот корабль, в тайной надежде, что дух Девы Ифигении не посмеет противостоять кораблю, названному в честь ее отца. Если все обстояло именно так, то лорд Дундас жестоко просчитался, потому что не учел одной, но очень важной детали: херсонесская Дева никогда не была захватчицей Священного города, а наоборот, его защитницей. Спустя какую-то четверть часа после начала прорыва «Агамемнон» попал под столь сокрушительный удар русских береговых батарей, что вынужден был спасаться бегством, едва не затонув от полученных повреждений у Стрелецкой бухты.

Нелишне вспомнить здесь и дев – защитниц Севастополя в годы Великой Отечественной войны: пулеметчицу Нину Онилову, снайпера Людмилу Павличенко, многих-многих иных, сражавшихся за родной город наравне с мужчинами.

Да и сейчас, когда оторванный от России Севастополь по-прежнему остается верен своему Отечеству, именно севастопольские женщины в пикетах и на митингах отстаивают российскую принадлежность города-героя, как когда-то вдохновляла защитников Севастополя легендарная Дева.

Хранит тайну херсонесская Дева, и по-прежнему историки не могут сказать, кто же она такая: Артемида, Ифигения или вообще неведомое таврское божество, а может быть, та забытая всеми нимфа, что жила, по преданиям, в херсонесской пещере, или все же, что наиболее вероятно, она – последнее воспоминание о нашей же древнерусской Деве? А может быть, Дева – это все они вместе в одном лице? Воспоминание о прекрасной хранительнице космических тайн... Скорее всего, именно так и было. По крайней мере, так считаю я. Но что это может значить сегодня для нас? Оказывается, очень и очень много! Прежде всего, из этого следует, что древние греческие поселенцы приняли на землю древнего Орса основав на его руинах Херсонес, приняли и существовавших здесь богов, не оттолкнули, а впитали в себя древнюю веру. И сделали они это не потому, что просто хотели обезопасить себя от храброго горного племени тавров. Это был шаг куда более важный и значимый, шаг, в котором, как в зеркале, отразилась вся притягательность духовной Севастопольской земли. Поселенцы не только приняли древние обычаи этих мест, они поняли саму душу этого края. Они взяли самое дорогое, что было у тавров – их Деву, возвеличили ее выше своих олимпийских богов, воплотив в ней наиболее значимые черты почитаемых ими на прародине богинь. А это значит, что с той поры они уже перестали быть для этой земли чужеземцами и севастопольские скалы приняли их под свою защиту, став им новым Отечеством. И культ русской Девы потому вовсе не был случаен, ибо это было очень и очень важное, хотя и далеко не последнее звено в таинственной цепи местных метаморфоз, явивших в конце концов миру сегодняшний Севастополь.

Нет, культ Девы не был случаен! Именно она, Дева, вдохнула душу в рождавшийся Херсонес, наполнила сердца его граждан любовью и преданностью к их новой родине. А потому именно ей – божественной русской Деве – и клялись херсонеситы, присягая на верность своему Отечеству – Херсонесу.

Под знаком Девы

*Вот из-за скал кривится лунный рог,
Спускаясь вниз, алея, багровея...
Двурогая! Трехликая! Афея!
С кладбищ земли, с распутий трех дорог
Дым черных жертв восходит на закате —
К Диане бледной, к яростной Гекате!*

М. Волошин

Есть легенда о том, что именно с мыса Парфенос (Фиолент) на заре человечества возшло на небо созвездие Девы. Кстати говоря, я много раз интересовался, под каким знаком находится Севастополь? Чего только не говорили мне астрологи и иные мастера оккультных наук! Одни яростно утверждали, что город непременно относится к созвездию Рака, другие не менее авторитетно доказывали, что Севастополь принадлежит ко Льву или Близнецу, третьи, попирая прочие авторитеты, причисляли его к Рыбам или Скорпиону! Были даже такие, кто делил город на некие зодиакальные части: бухта – зона Рака, центр – зона Льва и т. д. Но никто почему-то не вспомнил о Деве, а ведь именно этому божеству и этому знаку на протяжении долгих веков поклонялись херсонеситы! Так, может быть, в космическом начале и следует искать разгадку самой Девы? Ведь совпадение культа этой богини с легендой о возшедшем с Севастопольской земли зодиакальном созвездии вряд ли были случайным.

Согласно космогонии (науке о мифологических представлениях происхождения и развития космических тел) еще со Средних веков считается, что каждому из двенадцати знаков зодиака соответствует один из двенадцати подвигов Геракла. Так вот, согласно этому утверждению, знаку Девы соответствует подвиг Геракла по укрощению Керинейской лани богини Артемиды. Да и сама Артемида, как мы уже говорили, «фигурирует» среди возможных претенденток на образ херсонесской девы!

...Летом на раскопках Херсонеса многолюдно. Толпы туристов буквально заполняют древний акрополь. Но особым вниманием у паломников пользуются два резервуара византийских времен. Остатки одного из них расположены на небольшой площади в начале так называемого Епископского квартала. Другой, увенчанный резной оградой и куполом, располагается в центре специального сооружения – баптистерии. Именно в нем, по преданию, принял крещение русский князь Владимир. Но сейчас наш разговор об ином.

Дело в том, что оба эти резервуара весьма необычны. Что касается первого, то среди жителей Севастополя ходят упорные разговоры о том, что если спуститься в этот бассейн и постоять там некоторое время на земле босиком, то из человека выходит в космос вся накопленная им отрицательная энергия. А если пройти оттуда несколько десятков шагов и прыгнуть в более глубокую вторую купель, то стоящий там, наоборот, зарядится большим зарядом положительной космической энергии. Сколько б я ни проходил мимо этих точек, почти всегда кто-то стоял босиком на их камнях, очищал или, наоборот, заряжал свой организм. Совершенно достоверно, что о весьма необычных свойствах двух херсонесских баптистериев прекрасно осведомлены многие отечественные экстрасенсы. Во всяком случае, я неоднократно лично видел стоявших там часами с расprostертыми к небу руками экстрасенсов из Новосибирска, Читы и других весьма не близких городов России. «Здесь энергия особой космической силы, – говорили они мне. – Такой больше нет нигде. Несколько дней “подзарядки” в Херсонесе нам хватает на три-четыре года напряженной работы!»

Согласно текстам древнеарийской «Авесты», область древней Тавриды является третьей по счету Благой землей нашей планеты из семи основных. Именно через Благие земли происходит наша связь с мировым Космосом. Именно они являются носителями каких-то сокровенных и священных тайн, происходящих в нашем мире. Но где же сердце этой крымской Благой земли? Что говорит по этому поводу современная наука?

Ученые не отрицают таинственного космического канала в Херсонесе, связывающего священную землю Севастополя с Вселенной. Вот мнение по этому вопросу профессора Ю. Кононова, который сам был в Севастополе и лично занимался «херсонесским феноменом»: «Побережье Севастополя уникально... Имеются оазисы прибрежных морских глубин с уникальными выходами энергии в море. Самый близкий к берегу выход – в нескольких милях от бухты Северной в сторону моря... Космическое значение (среди городов нынешнего СНГ. – В. Ш.) имеет лишь Севастополь – это тропка во Вселенную. Ялта – спутник Севастополя в этом смысле. Другие города просто земные. В Севастополе существует как бы пространственный шурф, помогающий воспринимать людям истинные знания»... Но ведь и девиз зодиакального знака Девы: «Анализ, оценка, истина».

Вспомним, что в современной научно-популярной литературе много пишется о том, что в мире насчитывается двенадцать особых космических каналов, связывающих землю с Вселенной. Двенадцать – значит в полном соответствии со знаками зодиака! Так, может быть, и культ богини Девы, и пещера Парфенум, и мыс того же имени, с которого на небо возшло созвездие Девы, и космический канал на Благой (согласно древним текстам арийской «Авесты») земле Тавриды-Крыма и, наконец, необыкновенные баптистерии – все это лишь фрагменты избранности Севастопольской земли. Так, может, в этом и состоит изначальное предназначение Севастополя, этим объясняется его неповторимая аура, небывалый подъем духа его защитников и его духовная связь с Москвой, для которой Севастополь является не только талисманом, данным ей свыше, но и важнейшим звеном, связующим ее с Вселенной?

И еще одна многозначительная деталь, которую просто невозможно не заметить. Знаменитая и загадочная пещера Парфенум находится буквально в какой-то сотне метров от обоих резервуаров. Может быть, именно здесь возшло на небо созвездие Девы, ведь именно так и могло остаться в преданиях описание космического шурфа-канала? Но почему все же именно Дева? Может быть, все дело в той самой легендарной нимфе, что жила когда-то в пещере? Как знать, уж не имела ли она самого непосредственного отношения к «тропке во Вселенную»? Быть может, именно она и была хранительницей «канала». Может быть, именно поэтому и получило это место соприкосновения Земли с Космосом имя девы, может, именно она, эта дева, и дала свое имя созвездию и затем одному из двенадцати знаков зодиака, да и весь последующий культ богини Девы берет свое начало именно отсюда? А может, это была лишь должность жрицы-хранительницы, и она передавалась поочередно посвященным в тайны мироздания девушкам, которые эти тайны и берегли?

Кто были эти девушки (или девушка), наделенные какими-то особыми способностями: представительницами какой-то неизвестной нам древнейшей цивилизации или жительницами уже знакомого нам Орса-Корсуна? Снова одни вопросы, на которые нет, да может, никогда уже и не будет однозначного ответа.

Во всем том, о чем мы только что говорили, есть что-то весьма сокровенное, но что? Быть может, именно сейчас как никогда раньше мы близки к разгадке и теперь остается сделать последний, самый важный шаг, но куда? Ведь если тайна севастопольской девы есть тайна КОСМИЧЕСКАЯ, значит, она имеет огромное значение для всей нашей планеты. Будем же надеяться, что кто-то и когда-нибудь ее откроет. И как хочется порой заглянуть в будущее!

А теперь вспомним еще раз, почему в своих «Письмах с Понта» Овидий назвал статую Девы «небесным кумиром»? Почему предания незапамятных эпох оставили рассказ о

небесной, то есть космической, сути Девы. Уж не отголоски ли это истории о восхождении на небо созвездия Девы? А может быть, поставленная еще задолго до самих тавров представителями какой-то другой, более развитой цивилизации именно в месте «вознесения» Девы-созвездия статуя и была столь особо почитаема во всем Древнем мире той поры? Тогда скорее всего она стояла на территории нынешних раскопок Херсонеса, непосредственно рядом с космическим каналом-шурфом. Затем с началом греческой экспансии тавры перенесли ее в неприступное место. Понятными тогда становятся и мотивы похищения этой, на взгляд непосвященных, «варварской статуи». И та небывалая по тем временам диверсионная операция, которую организовали и провели греки только лишь с одной целью: завладения этим сокровищем. Возможно, иной была на самом деле и роль Ифигении? Как знать, быть может, операцию похищения греки готовили очень много времени, а посланная в стан неприятеля Ифигения каким-то образом стала жрицей-охранницей статуи, а с прибытием диверсионного отряда во главе с ее братом Орестом обеспечила успех самого похищения. Для этого ей пришлось раскрыть себя, и тогда уже ничего не оставалось, как бежать вместе с соотечественниками. Да и оставаться на земле тавров ей было уже ни к чему, свою задачу она выполнила. Ну а тот факт, что во главе всей этой операции стояли дети самого могущественного из греческих царей Агамемнона, толькошний раз говорит о ее особой исключительности и значимости для древних греков. Они прекрасно понимали, что хотели выкрасть!

Говоря современным языком, «небесный кумир Девы» обозначал не что иное, как наличие на Севастопольской земле все того же космического канала-шурфа. Дева при этом не просто символизировала его присутствие, а указывала его точное местонахождение. Но кто, когда и зачем поставил этот знак? Вот загадка загадок! И как знать, может быть, необщительность, подозрительность и жестокость тавров объясняются тем, что именно они были оставлены оберегать как священный знак связи Земли и Космоса, так и сам космический канал. А потому даже тысячелетия спустя они по-прежнему оставались верны клятве своих предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.